

автор: Теренс Маккенна

copyright: Harper San Francisco A Division of Harper Collins

Publishers 1993 (c) 1993 by Terence McKenna

Изд-во Транспersonального Института, Москва AirLand, Киев 1996

Перевод с английского Татьяны Науменко

Научная редакция к. ф. н. Владимира Майкова

Изд-во Транспersonального Института, 1996

Истенные Галлюцинации

или быль о необыкновенных приключениях автора в дьявольском раю

Теренс Маккенна, оригинальный мыслитель и визионер, рассказывает в этой книге - воистину "алхимическом романе" - историю амазонской экспедиции по поиску таинственных шаманских галлюциногенных снадобий. Читатель узнает о фантастическом опыте братьев Маккенна и станет свидетелем зарождения удивительных прозрений, которые, если они справедливы, перевернут наши представления о времени и о природе реальности.

Предисловие

От Автора

Глава Первая. Зов Тайны

Глава Вторая. В Рай Дьявола

Глава Третья. По Призрачному Пути

Глава Четвертая. Стоянка У Порога

Глава Пятая. Соприкосновение С Иным

Глава Шестая. Катманду: Интерлюдия

Глава Седьмая. Фиолетовая Психожидкость

Глава Восьмая. Опус Начинает Вырисовываться

Глава Девятая. Беседа Над Тарелками

Глава Десятая. Еще Об Опусе

Глава Одиннадцатая. Эксперимент В Ла Чоррере

Глава Двенадцатая. В Сердце Вихря

Глава Тринадцатая. Игры В Полях Всеышнего

Глава Четырнадцатая. Оглядываясь Назад

Глава Пятнадцатая. Тарелка, Полная Тайн

Глава Шестнадцатая. Возвращение

Глава Семнадцатая. Вальсируя С Загадкой

Глава Восемнадцатая. Скажи, Что Это Значит?

Глава Девятнадцатая. Пришествие Строфарии

Глава Двадцатая. Гавайский Контакт

Эпилог

Рекомендуемая Литература

Труды Денниса Маккенны

Деннису Маккенне, который постиг, что "один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти".

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды в начале восьмидесятых, во время посещения Эсаленского института - меня пригласили туда на конференцию по шаманизму, - я вдруг понял, что благодаря многолетнему использованию псилоцибиновых грибов моя врожденная ирландская болтливость достигла поистине небывалых высот. Причастие к псилоцибину и преданность эксперименту в Ла Чоррере, который и является темой этой книги, по-видимому, превратили меня в нечто вроде рупора воплощенного Логоса. Я обрел способность выступать перед небольшими группами слушателей, повествуя о в высшей степени необычных событиях, о которых вы прочтете в этой книге, и производя поистине электризующий эффект.

Когда мне случалось устраивать эти словоизвержения, они казались мне чем-то довольно заурядным, и только потом, прослушивая их в записи, я уловил, почему они так притягивают слушателей. Создавалось впечатление, будто моя собственная ничем не примечательная личность просто-напросто отключается и моими устами вещает глас Иного - внятный, настойчивый и решительный, - глас, стремящийся поведать миру о мои психоделических измерений и том обещании, которое они в себе таят.

Десятки, а теперь, наверное, уже около сотни моих выступлений и лекций оказались записаны и размножены, зачастую пиратским способом; они ходили по рукам, их передавали маленькие неофициальные радиостанции. Я стал зарабатывать на жизнь, выступая с лекциями и чтениями на разнообразных курортах и в центрах духовного развития. Потом меня открыл небезызвестный Рой из Голливуда, чье ночное радио-шоу превратило меня в мини-звезду андеграунда, по крайней мере, среди страдающих бессонницей жителей Лос-Анджелеса. Я приобрел некоторую известность, просто рассказывая о событиях в Ла Чоррере. Наконец слухи обо мне как о блестящем ораторе и персонаже андеграунда Западного побережья достигли самого Нью-Йорка и огромных стеклянных ящиков на Пятой авеню. Издатели, которые, по моим представлениям, и разговаривать со мной не пожелают, внезапно заинтересовались моим творчеством. Остается надеяться, что сейчас, когда вы читаете эти строки, мои книги - эта и другие, более ранние - разносят по свету заключенные в них странные идеи, обеспечивая спокойную жизнь мне и богатство другим.

Есть во всем этом какой-то непостижимый парадокс: мои идеи вышли на широкую арену, и вокруг них развертывается неофициальный плебисцит. Если они распространятся, приобретут популярность и станут действовать как катализатор социальных перемен, мои надежды на то, что им суждено особое будущее, могут исполниться. Если же они, лишь ненадолго снискав известность, исчезнут из поля зрения публики, то мою работу и мою мечту можно считать не более чем очередной мимолетной причудой нашей сюрреалистической, зараженной паранойей культуры. Ума не приложу, куда нас могут привести эти идеи. Разумеется, сейчас, когда в печати находятся сразу несколько моих книг, я не могу пожаловаться, что мне не дали высказаться. Очевидно, это дело читателей - решать, исчерпал ли себя наш феномен, или же он только начинает проявляться.

Я говорю обо всем этом вовсе не для того, чтобы познакомить читателя с никому не интересными подробностями моих попыток прокормить семью, а потому, что моя теперешняя карьера - единственное и лучшее доказательство тому, что в Ла Чоррере произошло нечто удивительное, быть может, даже имеющее историческое значение. Ведь словоохотливые грибы, которые мы там встретили, сотворили миф и изрекли пророчество, причем изобилующее конкретными подробностями о всеобщем изменении сознания,несущем спасение нашей планете. Они предсказали все то, что произошло в моей жизни за последние двадцать лет, и еще больше - на будущее. Читайте дальше, и вы тоже станете частью этой сказки.

Caveat lector (Да будет осмотрителен читатель (лат.), перефразированное выражение "Caveat lector" - Да будет осмотрителен покупатель. - Прим. перев.)

ОТ АВТОРА

Автор хочет выразить свою признательность многим друзьям, поощрившим создание этой книги. Двадцать лет писательской деятельности означают, что имя им - легион, но особенно велика здесь роль Эрнста Во и Кэт Харрисон-Маккенны, которые читали и критиковали различные варианты рукописи. Спасибо также Деннису Маккенне, который побуждал меня рассказать о наших приключениях, и другим участникам нашей экспедиции, которые не возражали против публикации нашей истории. Особая, глубокая благодарность Дэну Леви, верившему в этот проект с самого начала, поддерживавшему мою работу и вложившему поистине сверхусилия в критику и редактирование этих страниц. Без его поддержки это предание все еще находилось бы на стадии эмбриональной рукописи. Специальная благодарность Тому Грэди, моему домашнему редактору в издательстве "Харпер Сан-Франциско", Джейфу Кэмпбеллу, соредактору, Лесли Розман, моему неутомимому агенту по рекламе, и Джейми Роблз, курировавшей оформление книги. Большое спасибо также моему агенту Джону Брокмену и его ассистентке Катинке Мэтсон. Искренняя благодарность также Саре Хартли, позволившей использовать ее фотографию на фронтисписе. И наконец, спасибо всем поклонникам, друзьям и коллегам, годами настаивающим на том, чтобы история Ла Чорреры дошла до всех тех, кто ощущает значимость психоделического опыта и возможных благодаря ему необычных пространств.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗОВ ТАЙНЫ

В которой представляются действующие лица, в том числе и гриб, и обрисовываются их необычные интересы. На сцену выходят джунгли Амазонки и предпринимается плавание по одной из рек ее бассейна.

В течение тысячелетий видения, возникающие под действием грибов-галлюциногенов, являясь предметом поисков и благоговейного интереса, оставались поистине религиозной тайной. Последние двадцать лет или даже больше я много размышлял об этой тайне и пытался описать ее. Такой гриб, будто оберегаемый ангелами в хаотической россыпи драгоценностей ("Каждый ангел ужасен", - писал Рильке) одновременно священный и нечестивый, - возник в моей жизни, как вполне может возникнуть когда-нибудь в будущем в истории человечества. Чтобы рассказать об этой истории, я избрал метод литературного повествования. Живая тайна может принять любую форму - она сама хозяйка места и пространства, времени и духа, - и все же поиск простой формы для передачи этой тайны заставил меня последовать традиции: написать хронологическую повесть об истории, правдивой и в то же время в высшей степени странной.

В начале февраля 1971 года я вместе с братом и компанией друзей пересекал Южную Колумбию, собираясь отправиться в экспедицию по колумбийской Амазонке. Наш маршрут пролегал через небольшой городок Флоренсию, столицу округа Какета. Там мы задержались на несколько дней, ожидая самолета, который должен был доставить нас к месту отправления, на Рио-Путумайо - реку, широкое течение которой служит границей между Колумбией и двумя ее южными соседями, Эквадором и Перу.

День отплытия выдался особенно жарким, и мы не выдержали гнетущей духоты гостиницы, стоявшей возле шумного центрального рынка и автовокзала. Выйдя из города, мы направились на юго-запад и прошли около мили. Здесь нас встретили теплые воды Рио-Хачи, видневшейся за волнующимися высокой травой пастбищами. Поплавав в реке и исследовав глубокие заводи, высеченные теплым потоком в черном базальтовом русле, мы пошли обратно через те же самые луга. Кто-то лучше меня знакомый с тем, как выглядит гриб *Stropharia cubensis*, указал на большой экземпляр, одиноко высившийся посреди сухой лепешки коровьего помета. Внезапно поддавшись на предложение своих спутников, я съел весь гриб без остатка. Это заняло всего несколько секунд, и мы, уставшие от купанья, побрали дальше. Тем временем с восточных отрогов Андийских Кордильер, где лежит Флоренсия, на нас надвигалась тропическая гроза.

Мы прошагали так, может быть, с четверть часа, большей частью молча. Я устало понурил голову, почти загипнотизированный зрелищем своих ритмично движущихся башмаков, прокладывающих путь через высокую траву. Чтобы размяться и сбросить сонливость, я остановился и стал потягиваться, оглядывая даль. Вот тогда на меня впервые и обрушилось ощущение огромности неба, которое я позже связал с психоцибином. Я попросил друзей подождать и тяжело опустился на землю. Казалось, воздух передо мной сотрясается от беззвучного грома. Все предметы предстали в новом облике, наполненные новым смыслом. Это ощущение нахлынуло и пронеслось надо мной будто волна, и как раз в этот миг над головой яростно громыхнуло и разразился тропический ливень, вымочив нас до нитки. Жуткое ощущение, что с ярким тропическим днем пересеклось некое иное измерение или иной масштаб, длилось всего несколько минут. Смутное и тем не менее сильное, оно не походило ни на одно чувство, которое я мог бы припомнить.

Оказавшись в пропитанном сыростью укрытии, я ни словом не упомянул о растянутом, странно мерцающем мгновении, которое предшествовало нашему паническому бегству. Я понимал, что мое переживание было вызвано грибом, но не хотел, чтобы мысли об этом отвлекали меня: ведь впереди нас ожидала более заманчивая цель. Тогда я воображал, что в дебрях джунглей нам предстоит поиск других галлюциногенов: растений, содержащих перорально активный психоделик диметилтриптамин (ДМТ), и психоделического напитка аяхуаски. Эти растения издавна связывают с телепатическими способностями и подвигами, выходящими за пределы человеческих возможностей. Однако способы их применения, являющиеся уникальным достоянием жителей Амазонии, так и не были полностью изучены.

Придя в себя, я решил отложить опыт с грибом до лучших времен. Коренные жители Колумбии уверяли меня, что золотистая строфария растет исключительно на навозе зебу, и я полагал, что в гуще джунглей, где мне скоро предстояло очутиться, нас едва ли ожидают пастбища и рогатый

скот. Выбросив из головы мысли о грибах, я стал готовиться к тяготам плавания по Рио-Путумайо на пути к цели нашего путешествия - отдаленной миссии, которая называлась Ла Чоррера.

Зачем наш цыганский табор отправился в парные джунгли Колумбийской Амазонии? Наша компания состояла из пяти человек, связанных узами дружбы, буйного воображения, наивности и страсти к путешествиям и экзотическим переживаниям. Ив, наша переводчица и с недавних пор моя любовница, была единственной в группе, кто не был знаком с остальными с давних пор. Как и все мы, она была американкой, прожила несколько лет в Южной Америке и путешествовала по Востоку, где я однажды и встретил ее в аэропорте Катманду в очень тяжелое для нас обоих время. Но это совсем другая история. Она недавно освободилась от одной длительной связи.

Оказавшись в одиночестве и не видя для себя ничего лучшего, Ив присоединилась к нашей группе. К моменту прибытия в Ла Чорреру мы были с ней вместе неполных три недели. Остальные три члена нашей группы - это мой брат Деннис, младший из нас и имевший за плечами наименьший опыт путешествий, студент-ботаник и испытанный друг; Ванесса, моя старая школьная подруга со времен совместного обучения в экспериментальном колледже в Беркли, антрополог и фотограф по профессии, путешествующая в одиночку, и Дэйв, еще один старый друг, жизнерадостный созерцатель, гончар, вышивальщик джинсов и, как и Ванесса, житель Нью-Йорка.

За четыре месяца до нашего сожествия в водную преисподнюю нижнего течения Рио-Путумайо мы с братом пережили утрату - у нас умерла мать. До этого я три года путешествовал по Индии и Индонезии, потом работал преподавателем в английских школах Токио, а когда мне это смертельно надоело, сбежал в Канаду. В Ванкувере наша компания встретилась и задумала эту экспедицию на Амазонку с целью измерить глубины психodelических переживаний.

Я не стану много рассказывать о каждом из нас. А в целом, хотя нас, возможно, обучали неправильно, образование, тем не менее, дали хорошее, это уж точно. Никому из нас еще не стукнуло двадцати пяти. Вместе нас свела политическая неразбериха, которой были отмечены годы нашего совместного пребывания в Беркли. Мы стали беженцами из общества, которое, как мы считали, было отравлено саморазрушительной ненавистью и внутренними противоречиями. Рассмотрев все возможности идеологического выбора, мы решили сделать ставку на психodelические переживания как на кратчайший путь к тысячелетию, в наступление которого наши политики призывали нас пламенно верить. Мы понятия не имели, что ждет нас на Амазонке, но собрали все доступные нам материалы по этноботанике. Эти данные подсказывали нам, где искать разные галлюциногены, но умалчивали о том, чего от них ждать, когда мы их найдем.

Я немало размышлял над тем, насколько мы были готовы к переживаниям, которые нам предстояло испытать с будущим. Зачастую наши истолкования событий не совпадали, как это обычно бывает у сильных личностей или свидетелей необычных событий. Мы были непростыми людьми, иначе мы не занимались бы тем, чем занялись.

В мои двадцать четыре года за плечами у меня было почти десять лет занятий, которые большинство людей сочли бы до крайности странными. Круг моих увлечений - магия, снадобья и самые темные заводи естественной истории и теологии - скорее подходил бы эксцентричному флорентийскому принцу, нежели пареньку, конца пятидесятых годов, живвшему в самом сердце Соединенных Штатов. К отчаянию родителей, вполне заурядных трудяг, Деннис разделял эти мои интересы. Почему-то с самого детства мы оба были весьма странными, судьба избрала для нас слишком необычную участь, для того чтобы ее можно было предугадать заранее.

Перечитывая письмо, написанное за одиннадцать месяцев до начала нашей экспедиции, я обнаружил, что уже тогда у Денниса было на редкость четкое представление о том, что могло случиться с нами. Вот что писал он мне на Тайвань, где я находился в 1970 году:

Что касается главной загадки шаманизма и гипотезы о том, будто ее решение может повлечь за собой физическую смерть (мысль поистине отрезвляющая), то мне было бы интересно услышать, насколько правдоподобной ты считаешь такую возможность и почему. Я не думал о ней с точки зрения смерти, хотя и допускаю, что она вполне может дать нам, живым, сознательный доступ к тем вратам, которые ежедневно минуют мертвые. Я считаю это чем-то вроде гиперпространственной астральной проекции, позволяющей гипероргану, то есть сознанию, мгновенно проявляться в любой точке пространственно-временной матрицы, или одновременно во всех, ее точках..

Из его писем ко мне становится ясно, что за годы учебы в высшей школе нашего родного городка в Колорадо его воображение ничуть не атрофировалось. Постоянная подпитка научной

фантастикой настолько развила воображение брата, что было истинным удовольствием следить за его игрой; правда, я не был уверен, насколько все это всерьез.

НЛО - это, по-существу, психический вихрь, движущийся в гиперпространстве, и полет его вполне может привести к контакту с какой-нибудь расой обитателей гиперпространства. Возможно, это будет встреча, напоминающая "учебный полет": инструкции по использованию транспространственного камня, о том, как передвигаться в гиперпространстве и, может быть, вводный курс космической экологии.

Деннис, как и я, стремился освоиться в населенных эльфами психических ландшафтах, которые открывались нам под воздействием диметилтриптамина, или ДМТ. С тех пор как посреди пьянящей сюрреалистической атмосферы Беркли в зените Лета Любви мы вкусили ДМТ, он стал для нас главной тайной и самым единственным средством для продолжения поиска.

При таких обстоятельствах сохранение физической формы было бы, на мой взгляд, скорее вопросом выбора, нежели необходимости, хотя это могло бы вообще утратить всякое значение, поскольку в паутине гиперпространства все существующие физические проявления оказались бы доступными. Я бы сказал, что для такой затеи время не было бы главным, если бы культурная гибель племен, поиском которых мы занимаемся, не надвигалась бы с такой ужасающей скоростью.

На галлюциногенах типа ДМТ мы сосредоточились не только из-за красочных фантазий, которые они нам дарили. С ними был связан и наш операционный метод исследования тайн галлюциногенного измерения. Дело в том, что из всех известных нам психоактивных препаратов действие ДМТ- содержащих галлюциногенов, пусть и очень кратковременное, представлялось нам наиболее сильным. Даже испытанные психонавты внутреннего космоса не так уж часто прибегают к ДМТ, поэтому необходимо сказать о нем хотя бы несколько слов. В своей чистой синтетической форме он представляет собой пасту из мелких кристаллов или порошок, который курят без всяких добавок, используя для этой цели стеклянную трубку. После нескольких затяжек начало переживаний наступает очень стремительно - через пятнадцать секунд, максимум через минуту. Галлюцинации, которые вызывает ДМТ, делятся от трех до семи минут и бывают необычайно своеобразны. Они до того причудливы и сильны, что даже самые рьяные поклонники галлюциногенов их, как правило, избегают. Тем не менее ДМТ наиболее распространенный и часто встречающийся из природных галлюциногенов; туземные племена, населяющие тропики Южной Америки, используют его либо как основу для своих галлюциногенных снадобий, либо в чистом виде. Как продукт метаболизма растений, он никогда не встречается в природе в концентрациях, близких к тем, которые имеет лабораторный продукт. Однако южноамериканские шаманы, используя различные химические соединения, усиливающие действие ДМТ, умудряются выходить на тот же уровень забвения реальности, который дает чистый препарат. Сила и странность этого воздействия настолько превосходит все то, что могут дать другие галлюциногены, что диметилтриптамин и его химические сородичи стали определять - по крайней мере, для нашего кружка - максимальное раскрытие, наиболее полное и красочное развертывание галлюциногенного измерения, способное происходить без серьезного риска для психического или физического здоровья.

Поэтому мы решили, что" приступая к феноменологическому описанию галлюциногенного измерения, следует для начала отыскать какой-нибудь сильный ДМТ-содержащий туземный галлюциноген, а потом объективно исследовать вызываемые им экстатические состояния, характерные для шаманов. Для этой цели мы проштудировали литературу по триптаминовым галлюциногенам бассейна Верхней Амазонки и выяснили, что здесь широко известна аяхуasca (Аяхуasca - термин, общеупотребительный в бассейне Верхней Амазонки. Он относится не только к изготавливаемому там галлюциногенному напитку, но и к главной его составляющей, водной лиане *Banisteriopsis caapi*. Эта произрастающая в джунглях лиана, часто достигающая гигантских размеров, измельчается в порошок и варится с каким-либо ДМТ-содержащим растением (как правило, это *Psychotria viridis* или иногда *Diploterus cabrerrena*). Затем водный экстракт путем дальнейшего кипячения обивается. Аяхуasca, которую еще называют натема, йаге или пилде, - наиболее широко распространенный среди встречающихся в экваториальной части Нового Света галлюциноген, используемый в шаманской практике.), или йаге - отвар из *Banisteriopsis caapi* с добавками ДМТ, а также несколько ДМТ-содержащих составов для вдыхания через нос. Имелся, правда, еще один ДМТ-содержащий галлюциноген, но на его применение был наложен строгий запрет.

У-ку-хе изготавливают из смолы деревьев вирола, относящихся к роду Myristicaceous, которую смешивают с золой других растений. Из этой смеси скатывают шарики и принимают их внутрь. К рассказам о приготовлении этого фантастического растительного препарата наше внимание привлек тот факт, что индейцы племени витото, обитающего в бассейне Верхней Амазонки (единственного племени, владеющего секретом производства у-ку-хе), ведут беседы с неким "маленьkim народцем" и черпают у него свою мудрость.

Этот "маленький народец" - единственная связь между темой контакта с иными мирами и более традиционными историями о странных проделках лесных эльфов и фей. Распространенные во всем мире предания о "маленьком народце" подробно исследовал У.-Е. Эванс-Вентц в своей книге "Вера в фей в кельтских странах" - первом труде по кельтским обычаям, оказавшим влияние на поиски исследователя НЛО Жака Валле, да и на наши тоже. Упоминание о "маленьком народце" наводило на некоторые мысли: когда я сам еще в Беркли пробовал курить синтезированный ДМТ, у меня возникало видение, будто я залетал в пространство, населенное веселыми, самопроизвольно изменяющимися механическими созданиями, похожими на гномов. Десятки этих дружелюбно настроенных фракタルных существ, напоминающих подскакивающие яйца Фаберже, окружали меня и учили утерянному языку истинной поэзии. Если судить по эмоциональному воздействию их эльфовского лепета, они, похоже, болтали на здравой, пятимерной разновидности экстатического ностратического языка (Гипотетическая макросемья языков, включающая ряд языковых семей Евразии и Африки (индоевропейские, карельские, семито-хамитские, уральские, тюркские, монгольские тунгусо-маньчжурские и др.). - Прим. ред.). Вокруг меня, журча, лились ниспадающие зеркальные реки расплавленного смысла. Такое случалось со мной несколько раз. Именно это преображение языка сделало мои видения такими яркими и запоминающимися. Под воздействием ДМТ речь перешла из слышимого состояния в видимое. Синтаксис стал отчетливо здравым. Подыскивая параллели для этого понятия, я вынужден обратиться к чудесной сцене из диснеевского варианта "Алисы в Стране Чудес", где Алиса встречает гусеницу, сидящую на шляпке гриба и курящую кальян. "Who R U" - вопрошает гусеница, выписывая свой вопрос дыром над головой. Льюиса Кэрролла и его созданную в прошлом веке повесть о самопроизвольно изменяющейся стране чудес всегда подозревали в поистине психоделической изощренности. Под руками диснеевских мультипликаторов похожее на синестезию смещение чувственного восприятия преувеличивается и становится буквальным. То, что намеревается сообщить гусеница, не слышимо, но видимо, оно парит в воздухе; это здравая речь, средой для которой служит имеющийся под рукой дым, а его у гусеницы хоть отбавляй. (То, что фильм Диснея может служить иллюстрацией для данного понятия, не так уж и удивительно, как это может показаться на первый взгляд. Стоит только припомнить тщательно поставленные танцы восточных грибов в "Фантазии", чтобы задать себе вопрос: уж не вдохновлялись ли некоторые члены диснеевской съемочной группы шаманскими снаряжениями? В конечном счете "Фантазия" была очень серьезной и изысканной попыткой сделать синестезию темой развлечения для зрителей. Ходят упорные слухи о том, что многие европейские мультипликаторы, которых Дисней привлекал к своим экстравагантным проектам, были знакомы с психоделическими переживаниями. Среди чешских мультипликаторов, присоединившихся к группе Диснея как раз в то время, возможно, были люди, знаяшие о способности кактуса пейота и его химического составляющего, мескалина, вызывать видения.)

Однако из этого не следует, что ДМТ можно считать всего лишь стимулом для возникновения внутренних мультиков. Ощущение от встречи с ДМТ бывает до того странным, что волосы встают дыбом, и настолько сильным, что его с трудом можно перенести, не подвергая категории сознания постоянной переоценке. Иногда меня спрашивают, опасен ли ДМТ. Правильный ответ таков: он опасен только в том случае, если вы боитесь умереть от удивления. Волна изумления, сопровождающая исчезновение границы между нашим миром и другой средой, о которой мы и не подозреваем, бывает настолько огромной, что, надвигаясь на нас, она сама по себе становится экстазом.

Ощущение, вызванное этими странными опытами с ДМТ (будто ты и вправду попадаешь в иное измерение), стало главным фактором повлиявшим на наше решение сосредоточить внимание на триптаминовых галлюциногенах. Прочитав все, что удалось достать по психоактивным триптаминам, мы наконец наткнулись на исследование ботаника-первоходца Ричарда Эванса Шульца. Должность профессора ботаники в Гарварде, которую занимал Шульц, позволила ему посвятить жизнь сбору и каталогизации всевозможных психоактивных растений. Его статья

"Вирола - галлюциноген перорального применения" стала поворотным пунктом в наших поисках. Нас восхитило его описание использования смолы деревьев *Virola theiodora* в качестве перорального активного ДМТ-содержащего снадобья, а также тот факт, что использование галлюциногенов, судя по всему, было ограничено очень малым географическим районом. Шульц вдохновенно описывал галлюциноген у-ку-хе:

Потребуется дальнейшая полевая работа в местах коренного обитания индейцев, чтобы достичь полного понимания столь любопытного галлюциногена,. Интерес к этому недавно открытому галлюциногену выходит за рамки исключительно антропологии и этноботаники. Он имеет прямое отношение к некоторым фармакологическим вопросам, и, если рассматривать его в совокупности с другими растениями с психомиметическими свойствами, обусловленными присутствием триптаминов, этот новый галлюциноген перорального применения ставит проблемы, на которые необходимо обратить внимание и которым нужно, по возможности, дать объяснение с позиций токсикологии,

Взяв за основу статью Шульца (R. E. Schultes, "Virola as an Orally Administered Hallucinogen", in the Botanical Leaflets of Harvard University, vol.22, No.6, pp.229-40), мы решили забросить свои занятия и карьеру и на свой страх и риск отправиться на Амазонку, в окрестности Ла Чорреры, на поиски у-ку-хе. Нам хотелось выяснить, не станут ли те, в высшей степени странные измерения, которые открывались нам в ДМТ-трансе, еще более доступными, если использовать сочетания ДМТ-содержащих растений, изобретенные шаманами Амазонки. Именно об этих шаманских таинствах я и размышлял, когда расставался с мыслью о грибе строфария, найденном на пастбище близ Флоренции. Я был преисполнен решимости ринуться на поиски экзотического, так мало известного витотского у-ку-хе. Разве мог я тогда вообразить, что вскоре после прибытия в Ла Чорреру мы и думать забудем о поисках у-ку-хе?

Наша новая находка - произрастающие там в изобилии психоцибиновые грибы и та странная сила, которая, казалось, клубится вокруг окутанных туманами изумрудных пастбищ, где мы их обнаружили, - полностью затмила галлюциноген индейцев витото.

Первое предчувствие, подсказывающее, что Ла Чоррера - место, не похожее на другие, появилось у меня по прибытии в Пуэрто-Легисамо, откуда нам предстояло отправиться на Рио-Путумайо. Добраться до него можно было только самолетом, поскольку через джунгли туда не вела ни одна дорога. Это южноамериканский прибрежный городишко, именно такой гнетущий и тосклиwyй, какой рисовался нам в воображении. Уильям Берроуз, который в поисках аяхуаски оказался в этих краях в пятидесятые годы, описывал Пуэрто-Легисамо как "местечко, выглядевшее так, будто оно пережило потоп". К началу семидесятых оно мало изменилось.

Едва мы успели разместиться в гостинице и вернуться после ритуальной регистрации иностранцев, проводящейся в пограничных районах Колумбии, как хозяйка гостиницы доложила, что поблизости живет наш соотечественник. Казалось невероятным, что американец может жить в столь захолустном городишке, затерянном в джунглях Колумбии. Когда сеньора заметила, что эль сеньор Браун совсем старик и к тому же чернокожий, мы ощутили еще большее замешательство. Это возбудило мое любопытство, и я немедленно отправился к нему с визитом в сопровождении одного из сыновей хозяйки. Не успели мы выйти за дверь, как мой провожатый сообщил мне, что человек, к которому мы собираемся зайти, "mal y bizarre" (Дурной и странный (исп.)).

"El Señor Brown es un sanguinero" (Сеньор Браун - убийца (исп.)), - добавил он. Убийца? Что же это получается - я собрался в гости к убийце? Это казалось не слишком правдоподобным. Я ни на минуту не поверил. "Un sanguinero, dice? (Неужто убийца? (исп.))"

Страху что каучуковый бум, обрушившийся на индейцев Амазонки в начале века, может вернуться, воспоминания стариков и страшная легенда для молодых индейцев. В округе Ла Чорреры численность индейцев витото неуклонно снижалась - с сорока тысяч в 1905 году до приблизительно пяти тысяч в 1970-м. Я и представить себе не мог, что человек, с которым мне предстояло встретиться, имел реальное отношение к тем далеким событиям, и предположил, что сказанное означает, что вот-вот я увижу местное пугало, человека, обросшего нелепыми рассказнями.

Вскоре мы добрались до ветхого, ничем не примечательного домишко с маленьким двориком, прячущегося за высоким дощатым забором. Мой спутник постучался и что-то прокричал. Вскоре появился молодой человек, похожий на моего провожатого ., и открыл калитку. Мой эскорт испарился, и калитка закрылась за моей спиной. В самом сыром и низком углу двора возлежала большая свинья. На веранде, улыбаясь и жестами приглашая меня подойти, сидел очень тощий и

очень старый сморщеный негр; это и был Джон Браун. Не часто доводится встретить живую легенду, и, знай я тогда больше о человеке, лицом к лицу с которым меня свела судьба, я проявил бы к нему больше почтения и испытал бы большее изумление.

"Да, - сказал он, - я американец". И еще: "Да, черт побери, я старик, мне стукнуло девяносто три. Моя история, сынок, длинная, ох, какая длинная". - Он надтреснуто рассмеялся - так шелестит тростник на крыше, когда пошевелится тарантул.

Джон Браун, сын раба, покинул Америку в 1885 году, чтобы больше никогда туда не вернуться. Он отправился на Барбадос, потом во Францию, был матросом торгового флота, видел Аден и Бомбей. Где-то в 1910 году прибыл в Перу, в Икитос. Там стал десятником в печально известном Доме Арана - силе, стоявшей за безжалостной эксплуатацией и массовым истреблением индейцев Амазонки во время каучукового бума.

С сеньором Брауном я провел в тот день несколько часов. Это был необычный человек - одновременно близкий и призрачно далекий, живой осколок истории. Он был личным слугой капитана Томаса Уиффена из Четырнадцатого гусарского полка, британского авантюриста, исследовавшего окрестности Ла Чорреры этак году в 1912-м. Браун, чье имя упоминается в малоизвестном сейчас труде Уиффена "Исследование Верхней Амазонки", был последним, кто видел французского ученого Эжена Робушона, пропавшего на Рио-Какете в 1913 году. "У него была жена витото и большая черная собака, которая не отходила от него ни на шаг", - вспоминал старик.

Джон Браун говорил на языке витото и в свое время прожил с женщиной из этого племени много лет. Он отлично знал края, куда мы направлялись. Об у-ку-хе он никогда не слышал, но в 1915 году впервые попробовал аяхуаску - это было в Ла Чоррере. Его рассказ о тогдашнем переживании добавил мне решимости не отступать от намеченной цели.

Лишь вернувшись с Амазонки, я узнал, что это был тот самый Джон Браун, который сообщил британским властям о зверствах каучуковых магнатов на Рио-Путумайо. Он первым переговорил с Роджером Кейзментом, в то время британским консулом в Рио-де-Жанейро, который в июле 1910 года отправился в Перу расследовать эти преступления. Теперь, когда у всех еще свежи в памяти ужасы истории XX века, немногие помнят, что еще до Герники и Освенцима Верхняя Амазонка использовалась как место для репетиции одного из эпизодов полного механического обезличивания людей, столь характерного для нашего столетия. Британские банки в сговоре с кланом Арана и другими попустительствующими сторонами финансировали акции по поголовному истреблению местного населения и насильственному принуждению, чтобы заставить индейцев, обитателей внутренних джунглей, собирать природный каучук. Именно Джон Браун вернулся с Кейзментом в Лондон, чтобы дать показания Королевской Высшей следственной комиссии. (Колумбийский историк Джон Эстасион Ривера рассказывает эту историю по-другому и обвиняет Брауна в убийствах, создавая почву для истории о "sanguinero")

Пока продолжались приготовления к спуску по реке, я еще дважды заходил к нему поговорить. На меня произвели впечатление искренность Брауна, то, как глубоко он меня видел, и то, как Роджер Кейзмент, а с ним и почти забытый мир, знакомый только по кратким упоминаниям на страницах "Улисса" Джеймса Джойса, ожили и прошли передо мной на его веранде под нескончаемое бормотанье наших бесед.

О Ла Чоррере старик рассказывал простиранно и красноречиво. Сам он не был там с 1935 года, но мне предстояло найти ее почти такой, как он описывал. Истрапанный лихорадкой старый городок в низине за озером не сохранился, но застенки для рабов-индейцев с изъеденными ржавчиной стальными кольцами, глубоко вмурованными в сочащийся влагой базальт, еще можно было разглядеть. Пользовавшегося дурной славой Дома Арана уже не существовало, да и Перу давно оставило свои притязания на этот район Колумбии. Но призрак старого города Ла Чорреры уцелел, как и остатки старой каучуковой дороги - троха, - по которой нам вскоре предстояло пройти сто десять километров, отделяющих Ла Чорреру от Рио-Путумайо. В 1911 году почти двадцать тысяч индейцев отдали свою жизнь, чтобы проложить эту дорогу через джунгли. А тем, кто отказывался работать, отсекали мачете ступни ног и ягодицы. И ради чего? Ради того, чтобы в 1915 году смог свершиться сюрреалистический акт, торжество гордыни, типичное для техноколониализма, - по всей длине дороги проехал автомобиль. То был пробег из ниоткуда в никуда.

Когда я проходил этой мрачной пустынной дорогой, мне часто казалось, что я слышу рокот голосов или шарканье ног, закованных в кандалы. Несмотря на невнятные монологи Джона

Брауна, я не был готов к встрече со столь странным окружением. В то утро, когда корабль отплывал, унося нас вниз по реке, мы по пути на пристань зашли к старику. Его глаза и кожа блестели. Он был стражем инфернального мира, что начинался ниже Пуэрто-Легисамо, и сам отлично сознавал это. Рядом с ним 5 ощущал себя младенцем, и это он тоже знал.

"Пока, детки, пока", - таково было его краткое напутствие.

ГЛАВА ВТОРАЯ. В РАЙ ДЬЯВОЛА

В которой выходят на сцену Соло Дарк и Ив и обрисовывается прошлое каждого члена нашей компании. Философские размышления во время неспешного спуска по реке Рио-Путумайо.

Я уже говорил, что в компании нас было пятеро? То есть стало пятеро, когда мы прибыли в Ла Чорреру, а из Пуэрто-Легисамо мы отправились в шестером. Мы с Ив жили вместе, насколько могут жить вместе двое, когда они каждый вечер выгружаются с корабля, чтобы вместе с четырьмя другими спутниками развесить гамаки между деревьев. И он тоже был с нами. Он - это Соло Дарк.

Придется объяснить, что за тип этот Соло. Он был участником неформальной религиозной группировки, существовавшей в Южной Америке в Индии я таких не встречал - и называвшейся Новый Иерусалим. Ее приверженцы, которые, похоже, питались главным образом фруктами, являли собой племя, состоявшее большей частью из американцев, слонявшихся с 1962 или с 1963 года по Латинской Америке, докучая при этом друг другу, сожительствуя друг с другом, ненавидя друг друга и плетя интриги. Используя карты для спиритических сеансов, они общались с созданиями, которых называли Детьми Света. У них была разработана целая мифология, вращавшаяся вокруг феномена перерождения. Если их послушать, то все мы - перерожденцы.

Один из них утверждал, что в прошлой жизни он был Распутиным, другой, беженец из глубин культа Хари Кришны, носивший белый балахон и белые же резиновые сапоги, раньше был Эрвином Роммелем. Вдохновенным лидером всей группы был Соло. Последние четыре года он прожил с Ив.

Стоит ли говорить о том, что Соло был странный? Выглядел он эффектно: бездонные голубые глаза, длинные нечесаные волосы. Он верил, что в прошлых своих рождениях был какой-нибудь выдающейся личностью: Христом, Гитлером, Люцифером, - диапазон одновременно наводящий тоску и легко угадываемый. Поскольку мои установки сами не были слишком твердыми, передо мной встала своеобразная дилемма. Последние три года я то жил как отшельник, изучая мертвые азиатские языки, то странствовал по малонаселенным районам Индонезии в поисках чешуекрылых. Мне не были знакомы правила поведения, которые успели укорениться в среде наиболее экстравагантных моих собратьев в пост-чарли-мэнсоновскую эру. "Неужели мы это как-нибудь не утрясем? - думал я. - Или мы несчастливые хиппи?" Наверное, я слишком долго пробыл в Азии. В любом случае, очень скоро мне предстояло узнать, что среди энтузиастов Нового Иерусалима полно странных типов, ужиться с которыми будет трудно.

Если Соло не одобрял какой-то ваш поступок, он на миг застыпал с глубокомысленным видом, а потом изрекал что-нибудь. В это мгновение ему благодаря общению с Детьми Света открывалось, что вам, к примеру, не стоит чистить фрукты металлическим ножом. Эти тайные силы повелевали всеми событиями нашей жизни, вплоть до самых незначительных. Путешествовал Соло в сопровождении целого зверинца: собак, кошек, обезьян (у него была одна обезьяна, которую он считал воплощенным Христом). Он настаивал, чтобы все животные питались исключительно вегетарианской пищей, поэтому они стали болезненными и ракитичными. Звери так и шарили глазами вокруг, а он говорил мне: "Вот это - Будда, это - Христос, а вон тот - Гитлер". Нет, до такого идиотизма, конечно, не доходило; я несколько сгущаю краски, чтобы передать атмосферу, но все же было ясно: у Соло явно не все дома.

Таким образом, из Пуэрто-Легисамо мы отплыли в шестером: Ванесса, Дейв, Ив, Деннис и я, и еще Соло. Шестеро чудаков.

Впервые наша компания собралась в канун Нового года, немногим более двух месяцев назад. Тогда мы встретились с Соло и Ив (они в ту пору еще жили вместе и не собирались к нам присоединяться). Наша встреча состоялась в окутанном туманами городке Сан-Агустин в Колумбии. Теперь казалось, что та ночь была в далеком прошлом. Только через день или два после упомянутого вечера Ванесса, Дейв и я уехали в Боготу. После нашего отъезда Ив и Соло постоянноссорились. В разгар последнего скандала Соло нарочно столкнул ее с лошади в глубокую грязную лужу на глазах множества гостей. Тогда Ив и ушла от него и, перебравшись в Боготу, поселилась в

квартире, которой они с Соло позволили нам всем пользоваться. За две недели, пока группа собирала снаряжение для экспедиции, мы с Ив сблизились, и она присоединилась к нашей "команде", первоначально состоявшей из четырех человек. Ритуалы расставания и осквернения, соединившие нас с Ив, преобразили жесткий, пронзительный свет Кордильер, струившийся сквозь потолочное окно нашего пансиона, в мягкий и насыщенный. Но идилия удалась не для всех. Для Ванессы, которая когда-то была моей любовницей, это, естественно, стало чем-то противоположным. Двери внутри зеркального лабиринта чувств открылись и приглашали войти.

"Послушай, - сказал я ей,- эта женщина мне нравится и, кроме того, она же говорит по-испански! - Это был самый сильный аргумент, к тому же он взвывал к разуму Ванессы. -' Неужели ты всерьез хочешь, чтобы мы столько дней таскались по амазонским джунглям с нашим "образцовым" знанием местного языка? Это очень здорово, что Ив едет с нами".

В конце концов Ванесса согласилась. Тем временем ситуация усложнилась еще больше. Дейв, не зная о том, что Ив сблизилась со мной и отказалась от своих прежних планов отправиться в путешествие по Перу, пригласил Соло присоединиться к нам. Во время нашей первой встречи в Сан-Агустине на Дейва произвело большое впечатление то, что Соло знает колумбийское захолустье. Вот он и дал Соло телеграмму, в которой пригласил его встретиться с нами во Флоренсии, чтобы вместе отправиться на Амазонку. Когда во Флоренсии мы выгрузились из допотопного самолета колумбийских BBC, нас было пятеро: Дейв, Ванесса, Ив, Деннис и я, а с нами - Лхаса, щенок Ив, и полтонны снаряжения, которое предстояло переправить вниз по Рио-Путумайо. В аэропорту нас поджидал Соло, который считал, что женщина, с которой он прожил четыре года, отправилась в Перу вместе с воплощением Роммеля в белом балахоне и резиновых сапогах того же цвета. Когда же он обнаружил, что это не так, у ограды аэропорта разыгралась бурная сцена выяснения отношений.

Позже, добравшись до города, мы с Ив поселились в гостинице в одном номере, предоставив Соло самому решать, как быть дальше. Поскольку милосердия с любой стороны ожидать не приходилось, я понадеялся, что Соло, увидев, что жизнь Ив приняла новый оборот, сам уйдет с дороги. Встреча с Соло меня расстроила, и поскольку я довольно мягкотел и терпеть не могу натянутых отношений, то предпочел уклониться от прямого разрешения конфликта.

Соло заявил к нам в номер. Поговорив о необходимости рассмотреть все точки зрения, он перешел прямо к делу: "Похоже, мне здесь делать нечего. Я собираюсь лететь обратно в Боготу".

"Ну и слава Богу", - подумал я.

После этого он вернулся в свой номер и вступил в контакт с Детьми Света. Через два часа он пришел и сообщил нам: "Без меня вы его не найдете. Под "ним" он подразумевал у-ку-хе. - Вы ничего не смыслите в джунглях. А я человек лесной".

Я с большой неохотой примирился с этой мыслью. Дальше нам предстояло лететь в Пуэрто-Легисамо. Теперь с нами был и Соло, а также его собака, его кошка и его обезьяна. Он носил балахон и был вооружен посохом, украшенным яркими, развевающимися фахас - полосками местной ткани. Вид у него был зловещий и дурацкий одновременно.

Я знал, что суда уходят из Пуэрто-Легисамо, когда им вздумается, и полагал, что ждать нам придется долго, может быть, даже недели две. Гостиница была крошечная, еда ужасная. Я надеялся, что между нами возникнут трения и Соло в конце концов уедет. Ему доставляло удовольствие вовлекать Ив в долгие, душераздирающие беседы. Это начинало действовать всем на нервы.

Но мои предчувствия не сбылись. Оказалось, что одно из суденышек, "Фабиолита", отплывает вниз по реке через два дня. И вот за несколько часов нам удалось все уладить. Мы заплатили шестьсот песо, чтобы обеспечить себе места. На рассвете назначенного дня все наши звери, камеры, книга перемен "Ицзин", сачки для бабочек, формальдегид, дневники, экземпляр "Поминок по Финнегану", средство от насекомых, хлорохин, противомоскитные сетки, гамаки, бинокли, магнитофоны, гранола, арахисовое масло и медикаменты, а также все прочее, что необходимо человеку для путешествия по бассейну Амазонки, было свалено на берегу реки. Когда мы поднялись на борт крошечного торгового суденышка, которому отныне предстояло стать нашим средством передвижения, капитан Эрнито показал нам наши места - ящики с лимонадом, отливавшим флюоресцентной зеленью, электрической желтизной и пронзительным багрянцем. Нам сообщили, что путь до места нашего назначения займет от шести до двенадцати дней, "в зависимости от того, как пойдут дела". Джон Браун спустился к реке, чтобы помахать нам на прощанье. И он действительно извлек большой белый носовой платок и стал им махать. Вскоре

старик превратился в едва различимое пятнышко. Пуэрто-Легисамо исчез вдали, а нашим миром стали река, зеленый берег, пронзительные крики попугаев и насекомых и коричневая вода.

Двигатель медленно, но верно увлекал нас на середину сверкающей коричневой реки, а над нами были огромное небо и огромное солнце. Что за волшебный миг! Ты сделал для путешествия все, что мог, и наконец отправился в путь и больше ни за что не отвечаешь, возложив свое бремя на пилота или штурмана, капитана или диспетчера. Оборвались все узы с миром, который ты покинул, а лежащая впереди цель неведома. Излюбленный миг, более привычный и все же менее ощущимый в стерильной атмосфере трансконтинентальных авиалайнеров... Насколько же богаче он переживается здесь, в окружении груза из вяленой рыбы и лимонада местного разлива, отравленного сверкающими красителями.

Я расчистил себе крошечное пространство, где можно было сесть, скрестив ноги, и свернулся самокрутку из превосходного килограммового запаса Санта-Марта-Голд (сорт марихуаны), который мы скопили за время месячного пребывания в Боготе. Течение реки было сродни крепкому дыму, который я вдыхал... Течение дыма, течение воды и течение времени. Все течет, как сказал мой любимый грек. Гераклита прозвали плачущим философом, как будто он говорил так от отчаяния. Но при чем тут плач? Мне по душе его слова: они вовсе не заставляют меня плакать. Вместо того чтобы толковать *pante rhea* (Правильно: *Panta rhei* (*panta Kineltai Kai ouden menei* (греч.) Все течет (все движется, и ничто не остается неизменным.) Выражение приписывается древнегреческому философу Гераклиту как основное положение его философии. - Прим. перев.) как "ничто не вечно", я всегда считал это изречение западным выражением идеи дао. И вот мы тоже движемся вместе с течением Рио-Путумайо. Какая же это роскошь покуривать, снова оказавшись в тропиках, на солнце, подальше от смены времен года и мест погребения. Подальше от жизни в Канаде в условиях чрезвычайного положения, на краю раздувшейся от войны, обезумевшей Америки. Смерть матери и совпавшая с ней потеря всех моих книг и предметов искусства, которые я собрал, бережно переправил домой и хранил и которые потом сгорели в одном из тех лесных пожаров, что периодически опустошают холмы Беркли. Рак и Огонь. Огонь и Рак. Подальше от этих ужасов, где государственные дома цвета зеленоватого воска медленно разрушаются, покрываясь паутиной трещин, посреди живого духовного ландшафта.

А до этого был Токио: его инопланетная атмосфера, притворные попытки включиться в рабочий цикл. Насколько может человек утратить все человеческое, пробыв некоторое время в нечеловеческой ситуации? Ночи в поездах. Душные помещения английских школ Акикабары. Токио вынуждал к трате денег, когда единственным выходом было их беречь.

Я мысленно возвратился в те десять месяцев углубляющегося отчуждения, которые начались, когда я покинул тропики Азии и, как комета, которую силы притяжения едва не столкнули с собственной звездой, пронесся через Гонконг, Тайбэй, Токио и Ванкувер, прежде чем меня забросило в работающую на войну Америку и дальше, во внешнюю тьму иного, нового, отчаянно нищего тропического мира. Маршрут полета из Ванкувера в Мехико пролегал над местом успокоения моей матери, которая первую зиму спала в своей могиле. И дальше, через Альбукерк, который промелькнул в пустынном пространстве ночи мимолетным чередованием света и тьмы. Все дальше и дальше .- и все ближе к тому, что тогда было только замыслом: к Амазонке.

А посреди реки прошлое сумело проникнуть в тишину и раскрыться перед мысленным взором, развертывая темную ткань переплетенной казуистики. Силы, зримые и тайные, тянувшиеся из глубины прошлого, перемены мест, обращения в другие религии - поиски собственного "я" делают каждого из нас микрокосмом в более крупной исторической структуре. Инерция интроспекции приводит к воспоминаниям, ибо только благодаря памяти нам дано уловить и понять прошлое. Если взять факт переживания и сотворения настоящего, то все мы в нем - актеры. Но в промежутках, в те редкие мгновения, когда чувственное восприятие молчит, когда переживание настоящего сведено к минимуму, как во время долгого воздушного перелета или любого праздного копания в себе, память обретает свободу голоса и вызывает из прошлого пейзажи наших наивысших устремлений.

Ныне - в том ныне, которое лежит за рамками этой истории, в том ныне, где эта история сама стала прошлым, - прошлое уже не так тревожит меня, как тогда. Ныне оно приобрело для меня определенность, какой тогда еще не имело. А не имело потому, что было еще совсем свежим, потому что приходилось снова и снова переживать его в памяти и извлекать из него уроки. Перед нами простирались пять дней путешествия по реке - безмятежное время, освобождающее ум для блужданий и поисков.

На широкой реке, чьи далекие берега были для нас лишь темно-зеленой линией, разделяющей небо и землю, нам открылись две всеобъемлющие категории: ведомое и неведомое. Неведомое было везде, и оно заставляло нас использовать в разговоре притянутые за уши аналогии: Рио-Путумайо похожа на священный Ганг; джунгли наводят на мысли об Амбоне; небо напоминает небеса над равниной Серенгети, и так далее. Иллюзия понимания была неудачной попыткой хоть как-то сориентироваться в новой обстановке. Но в этой игре неведомое не выдавало своих тайн и Рио-Путумайо так и не становилась похожей на Ганг. Необходимо познать самую суть неведомого - только тогда сумеешь правильно понять его.

То, что мне здесь ведомо, - это люди, которые приехали со мной. Они выступают как известные величины, потому что я знал их в прошлом. И пока будущее остается похожим на прошлое, они останутся мне ведомы. Разумеется, это не Нью-Йорк, не Боулдер и не Беркли, и нам нелегко порвать связь с окружающей средой, развить в себе чувство правильности действий, которое никогда не отказывает нам в *savoir faire* (Сметливость (франц.,)). Холодная эстетика чужака: "Я, мэм? Я здесь проездом". Именно то, что эти люди мне знакомы, превращает их в окна в моем воображении, окна, которые открываются в прошлое.

И первое, конечно же, Деннис; линия его жизни дольше всех остальных идет параллельно с моей. Нет необходимости упоминать, что у нас обоих одинаковые гены. Наша связь уходит так далеко в прошлое, что почти теряется в самом раннем, еще лишенном языка ощущении. Мы росли в одной семье, делили одни и те же запреты и свободы, пока в шестнадцать лет я не ушел из дома. Но с Деннисом я остался близок.

Два с половиной года назад, когда мне шел двадцать второй год, я томился в недрах "Каранджи" - лайнера Британской пароходной компании, - ослабевший, в полубреду, страдающий от крапивницы, меланхолии и дизентерии. Тогда, в 1968-м, билет от Порт-Виктории на Сейшельских островах до Бомбея стоил тридцать пять долларов. Несмотря на болезнь, я вынужден был путешествовать самым дешевым классом, иначе мои финансы не позволили бы мне добраться до дома. Койкой мне служила металлическая пластина, откидывающаяся от переборки. Общественные туалеты и грохот двигателей. Трюмная вода, плещущаяся из одного угла в другой. Вместе со мной в трюме путешествовали тысячи перемещенных индийцев Уганды, жертвы политики африканизации, проводимой правительством Уганды. Всю ночь напролет женщины-индиганки ходили взад-вперед в туалет и обратно по моему коридору, заполненному водой и громыханием двигателей; Я бы этого не вынес, не будь у меня гашиша и опиума. Для этих мелких индийских буржуа мои утешения, да и я сам, были ярким примером испорченности и нравственного падения, на который они лицемерно указывали своим чадам в пространных чирикающих наставлениях, клеймящих пороки хиппи и жизни в целом.

После множества подобных дней и ночей я проснулся однажды посреди ночи в лихорадке. Невыносимо пахло карри, испражнениями и машинным маслом. Я выбрался на открытую кормовую палубу. Ночь стояла теплая, запах карри ощущался даже здесь. Я сел, прислонившись спиной к металлическому ящику, покрытому толстым слоем краски, - в нем хранили противопожарное оборудование. Скоро я почувствовал, что жар спадает, и на меня снизошло огромное облегчение. Казалось, меня понемногу перестает мучить и недавнее прошлое, и романтическое разочарование от Сейшельских островов и Иерусалима. При этом освободилось свободное пространство, позволившее обратить взгляд в будущее и увидеть его. Сама собой пришла неожиданная мысль: мы с Деннисом отправимся в Южную Америку. Даже тогда я знал это наверняка.

И вот это произошло. Не сразу, после новых скитаний по Востоку, но в конце концов к февралю 1971 года это пророчество материализовалось. Река, джунгли и небо сомкнулись вокруг и повлекли нас к Ла Чоррере. Это наше суденышко мало напоминало "Каранджу", но его маленький дизель был эхом более мощных двигателей, отделенных от нас временем. Да, первым предстает передо мной Деннис, предстает окрашенный в коричневатые тона воспоминаний о том, как мы вместе подрастали в маленьком городке в Колорадо. Вот он, всегда рядом со мной; мы с ним будто две мошки, заключенные в озаренный солнцем мир янтарных воспоминаний о летних вылазках и вечерах.

А вот и остальные, совсем иные истории.

С 1965 года по 1967-й мы с Ванессой были студентами-радикалами в Беркли. Она была из Нью-Йорка, из Верхнего Ист-Сайда. Отец - видный хирург, старшая сестра - практикующий психоаналитик, мать приглашала на чай жен делегатов ООН. Сначала Ванесса училась в частных

школах, но потом родители решили продемонстрировать либеральный шик и поддержали ее выбор Государственного университета в Беркли. Она умница, в ее чуть неловкой сексуальности проглядывает что-то диковатое. Ее большие карие глаза не в силах скрыть кошачью жестокость и мелочную страсть к шпилькам. Мы вместе учились в Беркли, в экспериментальном колледже, но осенью 1968-го я отправился в Нью-Йорк, чтобы попытаться продать вымученную рукопись, которую я родил во время добровольного затворничества на Сейшельских островах, откуда вернулся всего несколько месяцев назад. Это был незрелый и бессвязный обличительный опус в стиле Маклюэна, которому, к счастью, суждено было умереть, едва родившись. Но той запутанной осенью я взял свой труд и полетел в Нью-Йорк, где не знал никого, кроме Ванессы.

Она вытащила меня из ночлежки на 43-й Западной улице, где я претерпел вынужденную посадку, и убедила перебраться в отель "Олден" на Централ-Парк-Уэст, место, которое выбрала для меня ее матушка. Три года отделяли наше теперешнее отплытие вниз по реке в самое сердце комиссарии Амазонас от того безмятежного мгновения, когда мы с Ванессой сидели в Центральном парке, в ресторане под открытым небом, возле фонтана - она с бокалом "дюбонне", я с кружкой пива "левенброй". В глазах бедного ученого и революционера, каковым я тогда себя воображал, вся эта сцена, в ее небрежной элегантности, казалась театральной, причем стоимость постановки явно превышала тот уровень, который я обычно мог себе позволить. Разговор коснулся моего брата, тогда восемнадцатилетнего, которого Ванесса никогда не видела:

На мой взгляд, Деннис просто гений. Так или иначе, я, его брат, просто благоговею, наблюдая его вблизи.

- Так у него есть идея, которой, по-твоему, суждено большое будущее? - спросила она.

- Это еще слабо сказано! Я думаю, что ему, возможно, удалось схватить ангела Познания за горло и уложить на обе лопатки. Его идея, что некоторые галлюциногены работают потому, что внедряются в ДНК, просто фантастична. Она звучит настолько правдоподобно, что я не могу от нее отмахнуться. Политическая революция выродилась в слишком мрачную штуку, так что на нее надеяться нечего. Выходит, самая интересная в жизни невероятность - это ДМТ, верно?

- Вынуждена согласиться, хотя и неохотно.

- Неохотно только потому, что вывод, к которому мы приходим, слишком большая крайность. А смысл его главным образом в том, что пора кончать заниматься ерундой. Надо браться за разгадку тайны ДМТ. Ведь ты сама знаешь: каждый, кто хоть десять минут посвятил изучению западной цивилизации, сразу увидит, что места, с которыми этот кайф позволяет соприкоснуться... Ведь это просто феноменально, и если разобраться во всем как следует, то это могло бы - ты знаешь, я думаю, наверняка могло бы - иметь огромное значение для преодоления исторического кризиса, в котором мы все находимся.

- Ладно. Скажем так: я пока воздержусь от окончательного суждения. И что же дальше?

- Сам не знаю. Как насчет путешествия на Амазонку? Ведь именно там родина этих психоактивных растений. К тому же там такое безлюдье, что, видит Бог, их хватит на всех.

- Очень может быть. Только я пытаюсь попасть на раскопки, которые начнутся в Австралии, в пустыне Гибсона, на будущий год.

- Понимаю. А я через несколько месяцев должен отправляться в Азию за травкой, и кто знает, насколько я там застряну? Нет, эта поездка на Амазонку, если, конечно, она вообще случится, - дело далекого будущего. Но ты об этом подумай и кое о чем еще...

- Он таинственно понизил голос... - вставила Ванесса, подражая ремарке из радиоспектакля.

- Вот именно. И это "кое-что" - летающие тарелки. Я знаю, это звучит дико, только они каким-то образом тоже тут замешаны. Пока все довольно туманно, и, к счастью, не так уж важно, но ДМТ как-то связан со всем психическим измерением - ты, наверное, слышала о юнгианском подходе к проблеме тарелок. Я знаю, что дело темное, пока только догадка, но многообещающая.

Дейв был совсем другой. Мы прозвали его Дитя Цветов. Он являл собой восхитительный и парадоксальный сплав наивности и упрямой интуиции. Если бы костюм Арлекина можно было приобрести в магазине готового платья, он бы непременно в него вырядился. Его генеалогическое дерево украшали некий польский князь, посол приблизительно 1639-1658² в дворе Ее Величества королевы Елизаветы, и друг моего личного кумира, доктора Джона Ди. Я встретил Дейва в Беркли летом 1967 года. Мы оба ловили попутную машину на углу улиц Эшби и Телеграф. Наконец какая-то добрая душа нас подобрала, и, переезжая через мост по дороге на Сан-Франциско, мы познакомились. В Беркли Дейв зарабатывал на жизнь, продавая "Беркли Барб" и все, что приходится продавать, когда слоняешься без дела. За время, прошедшее с тех пор, Дейв расстался

и с нью-йоркской общиной, которую идеализировал, и с Сиракузским университетом, где он получил степень по этноботанике. В письмах, которыми мы обменивались, пока я был в Бенаресе, он высказал решимость присоединиться к нашей экспедиции в бассейн Амазонки. В джунглях и горах Южной Америки ему предстояло обнаружить мир, еще более чарующий, чем он ожидал. Дэйв и по сию пору не вернулся из того первого путешествия.

Только два года назад мы смогли начать претворять свои планы в жизнь. В конце августа 1969 года я по воле рока превратился из контрабандиста, перевозящего гашиш, в беженца: одна из партий, которую я переправлял из Бомбея в Эспен, попала в руки американской таможни. Мне пришлось уйти на дно и скитаться по Юго-Западной Азии и Индонезии - в первой я осматривал руины, во второй ловил бабочек. Потом пришел черед моей японской эпопеи. Однако вряд ли все это дало мне перевес в опыте по сравнению с остальными. И все же новый статус нарушителя закона не умерил моего страстного стремления на Амазонку. Я по-прежнему мечтал попасть в зеленый мир властелинов лиан.

Наконец Ванесса, Дэйв и я собрались в Виктории, в Британской Колумбии. Там мы три месяца прожили в общитом досками доме, который снимали у семейства сикхов, - просматривали статьи, писали письма и поддерживали постоянную связь с Деннисом, жившим тогда в Колорадо. Работая на будущее, мы накапливали сведения о почти мифическом мире, который никто из нас никогда не видел.

Пока я жил в Канаде, после долгой борьбы с раком умерла моя мать. Ее похоронили, и вот наконец остров Ванкувер остался далеко позади, затерянный в снежном вихре, как будто пространство, раздвигаясь, все дальнее отделяло нас от него. Постепенно наше путешествие стало вырисовываться: одно за другим рушились препятствия, мешавшие нам проникнуть в так давно предвкушаемый волшебный мир, пока не наступил этот безмятежный миг, наш первый день на реке. Из моего дневника:

6 февраля 1971 года.

Наконец-то мы освободились от пуповины, соединявшей нас с цивилизацией. Сегодня утром под изменчивыми небесами, какие обычно бывают над Амазонкой в сухой сезон, мы тронулись в путь. Мы - часть флотилии торговцев бензином и фруктовой водой, которые направляются в Ла Чорреру и наверняка подбросят нас до Эль-Энканто, что на Рио-Кара-Парана. Приближаясь к абсолютному географическому центру тайны, я, как всегда, склонен поразмышлять о смысле этого поистине странного поиска. Мне трудно передать словами ту насыщенную субстанцию, из которой состоят мои ожидания. Теперь уже можно почти не сомневаться: если мы будем столь же упорно стремиться вперед, как это было до сих пор, то в конце концов достигнем желанной цели. Мы так давно к ней идем, и понять это так трудно. Прогнозы, какими мы станем или что будем делать, когда закончится наша экспедиция, неосознанно опираются на ту посылку, что пережитое нас никак не затронет, посылку, которая является заведомо ложной, однако сейчас мы едва ли можем представить себе нечто иное.

Позже: через два часа после выхода из Пуэрто-Легисамо встречный ветер заставил нас причалить к перуанскому берегу, чтобы дождаться там более тихой погоды. Сразу вырисовывается особенность нашего речного путешествия: следовать фарватеру - значит рыскать поперек реки, обычно вблизи одного из берегов.

Земля скрыта густым пологом джунглей, напоминающим Центральный Серам или побережье Амбона, - настоящие венерианские леса. Скоро все наши сны и явь заполняют глухой стук двигателя, воркованье голубей (часть нашего груза) и гладкая коричневая поверхность Путумайо, похожей на священный Ганг.

Соло пристально наблюдает за мной.

Ведомое остается позади. Ширь реки. Сейчас тайна заключается в самой необычности этих мест. Водная гладь. Пятидневный спуск по Рио-Путумайо приведет нас к устью Рио-Кара-Параны. Там стоит миссия, которая называется Сан-Рафаэль. Мы ищем доктора Альфредо Гузмана, который в одной из статей упоминается как владелец подлинного образца у-ку-хе, предмета наших поисков. Гузман - антрополог, изучает быт индейцев витого вверх по течению от Сан-Рафаэля в деревушке с очаровательным названием Сан-Хозе-дель-Энканто. Эта деревушка расположена у начала старой дороги сборщиков каучука, которая ведет через джунгли к Ла Чоррере. Гузман не только может облегчить наши поиски, но и помочь нам нанять носильщиков для перехода по суше. Но до встречи с этой личностью еще много дней,

Тем временем тесный мирок торговой посудины "Фабиолита" стал нашим миром, как и ее цель - продажа пластиковой обуви, консервов и рыболовной лески обитателям группок поднятых на сваи домишек, несколько раз на день появляющимся на берегу. Мы причаливаем, швартуемся, и, пока шеф нашей посудины торгуется с колонистами, я беру сачок для ловли бабочек и бреду в джунгли в надежде укрыться от кусачих мух, которые кишают у причала. Иногда завязываются долгие ожесточенные споры, в которых принимают живейшее участие все присутствующие. Иногда на нас снисходит молчание, длящееся по нескольку часов, и каждый, удобно устроившись, созерцает извины берега или клюет носом на грани I сиесты.

7 февраля 1971 года.

Воскресенье. Вчера вечером мы прибыли в безымянное местечко и в первый раз за все пребывание на Амазонке развесили гамаки и противомоскитные сетки. В восемь утра мы снова на реке - под льющими дождь свинцовыми небесами. Приближение к тайне выражается во множестве настроений. Воздух восхитительно насыщен кислородом, а ароматы, долетающие из проплывающих мимо увитых лианами лесов, меняются с частотой и утонченностью сонаты. День, как обычно, отмечен краткими остановками для полицейского досмотра да все более пустынными берегами. Сегодня утром после сорокаминутного плавания мы миновали мелкое углубление в глинистом берегу на перуанской стороне реки. Там вокруг выхода соли собирались тысячи попугаев. Их пронзительное многоголосье и радужно-зеленое оперение только усилили впечатление, что мы плывем в водном мире Венеры. Мы пришвартовались напротив соляной жилы, и несколько членов экипажа переплыли реку, чтобы наловить попугаев и добавить их и к без того обширному зверинцу нашего торговца. Не считая нашей обезьянки, звериное население этого корабля дураков насчитывает двух собак, котенка, американского тапира, петуха, свинью и голубей в клетке. Сегодня полнолуние, а завтра мы прибываем в Эль-Энканто. Там, если наши планы сбудутся, мы повстречаемся с доктором Гузманом. Вот и проявила разделяющая нас напряженность: Ванесса и Соло, у которых, казалось бы, так мало общего, выглядят задушевными друзьями.

Может быть, причина в том, что Ванесса на меня в обиде? Все это довольно неприятно. Деннис очень спокоен. Дейв паникует, хватит ли наших запасов еды: он хронический паникер. И сама наивность. Похоже, он думал, что стоит только снять обувь, подойти к брату-индеецу и сказать, что хочешь познать тайны леса, как тебе тут же ответят:

"Пойдем, сын мой, пойдем с нами, и ты познаешь тайны леса".

Теперь, оказавшись лицом к лицу с джунглями Амазонки, он выглядит слегка ошеломленным. Звери Соло каждый час падают за борт. Капитан нас ненавидит, потому что приходится останавливаться и вылавливать из реки намокших обезьян.

Этой ночью мы остановились на ночлег на перуанском берегу. После наступления темноты все собрались вокруг костра. Разговор вертелся вокруг ожидаемого полного затмения Луны. Мы обсуждали вероятную судьбу экипажа "Аполлона-14", который этой ночью возвращался с Луны. То были последние новости, которые мы получили перед отплытием из Пуэрто-Легисамо.

Посреди ночи я проснулся в своем гамаке. Вслушиваясь в кишащую насекомыми тьму, я натянул башмаки и стал пробираться к отвесному склону холма, нависавшему над местом нашей стоянки. Оттуда открывался вид на реку и путь, по которому мы приплыли сюда в угасающем свете позднего вечера. Сейчас все преобразилось: внезапно на джунгли пала призрачная тишина, луна окрасилась в оранжево-красный цвет, затмение шло своим чередом, приближаясь к полной фазе. И сама сцена, и ощущение от нее были совершенно "нездешние". Затерянные в беспредельности джунглей и рек, более огромных, чем мне когда-нибудь приходилось видеть, мы, казалось, стали свидетелями рождения иных измерений, столкновения неземных геометрий, явления властелинов таких мест, о которых человечество не ведало и не мечтало. Вдали, на расстоянии в несколько миль, из неподвижно висящего в небе облака лился дождь; рядом со мной черная листва отсвечивала оранжевыми сполохами.

В тот миг я не знал, что затмение, которое выгнало меня, одинокого наблюдателя, из гамака, приглашая полюбоваться этим призрачным зрелищем, всего через несколько часов вызовет гигантский сдвиг, который в районе Сан-Андреас-Фолта в Южной Калифорнии обрушит миллиарды тонн каменных глыб. В адском Лос-Анджелесе едва не началась паника. Представляю, как всклокоченные горожане, будто персонажи жестокого мультика, выпутив глаза, вываливаются под ослепительными огнями на смрадные улицы, спеша излить свою истерику на слетевшиеся стаи репортеров. Ничего не ведая о мире, скрытом за лесами и реками, я вернулся к своему гамаку

в непонятно приподнятом, возбужденном настроении - казалось, этот странный миг предвещает великие события.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПО ПРИЗРАЧНОМУ ПУТИ

В которой мы знакомимся со странным антропологом и его женой, расстаемся с Соло Дарком и добираемся до места назначения - Ла Чорреры.

На следующее утро, вскоре после рассвета, наше суденышко покинуло широкое течение Рио-Путумайо и свернуло на Рио-Кара-Парану, чтобы проделать последние несколько миль до Сан-Рафаэля, где нам предстояло высадиться на берег. Кара-Парана больше соответствовала моим представлениям о тропической реке: в самом широком месте ее русло не превышало нескольких сотен футов, берега поросли буйной зеленью, спускающейся к самой воде. Оно было столь извилистым и прихотливым, что видимость по курсу редко превышала полмили. К середине утра мы причалили к невысокому откосу, увенченному белым флагштоком и несколькими зданиями из рифленого железа, которые выглядели лишними в этом мире крытых пальмовыми листьями хижин.

Это и была миссия Сан-Рафаэль. Нас вежливо, хоть и без особого энтузиазма, встретил падре Мигель, худощавый кастилец с глубоко посаженными глазами и едва заметным трепетом - следствием малярии, перенесенной несколько лет назад. Он прожил на Амазонке больше тридцати лет. По его лицу было невозможно прочитать, что он о нас думает. На своем веку он повидал много проезжих антропологов, ботаников и искателей приключений, но я почувствовал, что наши длинные волосы и раскованные манеры его насторожили. Его настороженность возросла еще больше, когда я спросил о докторе Гузмане. По тому, как застыло лицо старого священника, сразу стало ясно, что мой вопрос попал в больное место. Тем не менее он предложил подвезти нас вверх по реке до места, откуда начиналась дорога на Сан-Хозе-дель-Энканто.

- Да, доктор Гузман наверняка там. Он всего три недели назад проезжал здесь, собирается возобновить изучение местных наречий. И жена тоже с ним. - Взгляд священника стал жестким. - Будьте уверены, вы застанете его дома.

Дежурная монахиня, ла мадре, как надлежало обращаться в таких местах к старшей монахине, пригласила нас к столу. Пока мы ели. Ив более подробно расспросила священника о Ла Чоррере.

- Да, - подтвердил он, - экспедиции с полным грузом потребуется пять дней, чтобы добраться до места.

Мы предупредили, что нам потребуются носильщики для переноски снаряжения. Падре Мигель сказал, что в Эль-Энканто мы сможем рассчитывать на помощь, но сейчас, в разгар охотничьего сезона, мужчины могут не согласиться бросить охоту ради путешествия в Ла Чорреру. Поскольку на последнем этапе пути в Ла Чорреру мы решили не обременять себя излишком снаряжения, то после обеда еще раз перебрали свои пожитки. Пришло скрипя сердце расстаться со многими книгами: наша подборка материалов по растениям и психоактивным веществам уменьшилась до самых необходимых статей; лишние камеры и снаряжение для ловли насекомых были отданы на хранение - все это мы сложили в сундук, чтобы оставить в доме священника до нашего возвращения. Лхаса, щенок Ив, в конце концов осталась с ла мадре - монахиня так восхищалась малышкой, что мы подумали: грех упустить такую удачную возможность.

Завершив труды, мы погрузили значительно полегчавшее снаряжение в мощный катер священника - несказанная роскошь в мире, где обычным средством передвижения служит весельное каноэ. Через несколько минут мы уже вспарывали бурую гладь реки, распространяя вокруг расходящуюся волну оглушительного грохота;

Здесь священник выглядел более человечно и непринужденно, ветер яростно трепал его коричневую сутану, длинная борода подрагивала в сверкании брызг и солнечных лучей. Сорок минут стремительной езды - и мы покрыли расстояние, которое на каноэ преодолевали бы целый день. Внезапно священник повернул катер под прямым УГЛОМ к течению, целясь прямо на длинную белую песчаную косу. Мотор заглох, как нам показалось, в самый последний миг, и в Оглушительной тишине мы легко скользнули на песчаную отмель. Это место выглядело не менее пустынным, чем любое другое, которое мы миновали во время этой бешеной гонки, но священник выбрался на берег и показал нам широкую дорогу, полузаросшую лианами. Пока мы сваливали свои пожитки в кучу на прибрежном песке, падре Мигель объяснил, что до деревни всего полмили.

- Я уверен, что вас там хорошо примут, - прокричал он с реки, разворачивая свой катерок. И вскоре исчез из виду. Он уже давно скрылся за излучиной реки, и звук его мотора затих, а лоснящаяся вода все еще колыхалась и хлюпала о берег - последний отзвук редкого вторжения.

Тишина. Потом, как будто кто-то отдернул занавес, на нас обрушилась волна резкого стрекотания насекомых. И снова тишина. Вокруг только джунгли, река, небо - и больше ничего. Мы остались одни, с нами больше не было опытного старожила - мы осознали все это в тот миг на песчаной косе, на берегу тропической реки, как две капли воды похожей на сотни других таких же рек. Ощущение остановившегося времени не могло продолжаться долго. Нужно было найти деревню и сделать все возможное, чтобы переправить с реки свои вещи. Хорошо бы управиться до темноты, потом будет время, чтобы поразмыслить о ситуации. Карабулить груду снаряжения не захотел никто, поэтому мы оттащили его от берега и спрятали в кустах, после чего зашагали по дороге. Ванесса несла свой ящик с камерами, я - раздвижной фибергласовый сачок для бабочек.

Дорога была широкая и вполне проходимая - очевидно, за ней следили. По мере того как мы удалялись от берега, растительность становилась все менее буйной, и вскоре с обеих сторон потянулись заросли низкого кустарника. Почва была красная, состоящая из латеритной глины; на солнце она высохла и растрескалась, образуя кубические выступы с острыми гранями. Через полчаса пути мы одолели длинный пологий подъем, и нам открылся вид на группу хижин на песке под россыпью пальм. Наше внимание сразу же привлек один необычный дом, стоящий в середине деревни: он не принадлежал к обычной разновидности крытых пальмовым листом свайных построек. Пока мы обозревали окрестности, нас заметили: люди внизу стали, бегать взад-вперед и что-то кричать. Первого из тех, кто подбежал к нам, мы спросили про доктора Гузмана. Окруженные хихикающими и перешептывающимися людьми, мы подошли к странному дому. Он был сооружен из пальмовых листьев, ловко переплетенных меж длинных, изогнутых арками шестов. Окон в нем не было, и он стоял прямо на земле, напоминая буханку черного хлеба. Мы все признали в нем маллоку - разновидность постройки, традиционную для индейцев племени витото.

Внутри, в гамаке, подвешенном меж двух закопченных стоек, лежал доктор Альфредо Гузман. Лицо его неестественно исхудало, темные глаза глубоко запали, руки были нервные, костлявые. Не вставая, он жестом предложил нам сесть. Только опустившись на землю, я разглядел за гамаком затененную часть маллоки, где сидела полная белая женщина в брюках цвета хаки, перебирая бобы в отполированном камнями витотском горшке. После того как все мы расселись, она подняла взгляд. У нее были голубые глаза и ровные зубы.

Гузман заговорил, не обращаясь, как нам показалось, ни к кому конкретно:

- Жена разделяет мои профессиональные интересы.
- Какая удача, - откликнулась Ванесса. - Это значительно облегчает жизнь,
- Да. - За этим вялым ответом последовала обескураживающая пауза.

Я решил перейти прямо к делу.

- Доктор, просим извинить нас за то, что мы нарушили ваше уединение и вторглись в местную социальную среду. Нам вполне понятно ваше желание работать спокойно и без помех. Но нам необходимо попасть в Ла Чорреру, и мы надеемся, что вы поможете нам нанять здесь носильщиков, которые будут нас сопровождать. К тому же мы прибыли сюда с особой целью. Я имею в виду вироловые галлюциногены, о которых вы сообщили Шульцу. Разумеется, я передаю свои слова в сжатом виде: наша беседа заняла больше времени и шла не столь гладко. Мы поговорили, наверное, минут двадцать. К концу разговора мы выяснили, что доктор Гузман поможет нам подыскать носильщиков и отправиться в путь, но на это уйдет несколько дней. Еще мы узнали, что Гузман - ярый структуралист, марксист и шовинист, поборник прав мужской части населения, что его интерес к витото граничит с манией, а коллеги в Боготе считают его помешанным. Он не пообещал нам, что мы непременно найдем у-ку-хе, и сказал, что оно - тайна постепенно вымирающего племени. После того как беседа закончилась, наша маленькая группа вместе с десятком селян вернулась к реке, и мы перенесли снаряжение в ветхую заброшенную хижину на краю деревни.

Когда мы разбивали лагерь, к нам подошла Анна-Лиза Гузман, принесла несколько чашек дымящегося кофе и осталась поболтать. В отличие от ее мужа, наше присутствие, похоже, скорее радовало женщину, нежели настораживало. Она училась в Лондонской экономической школе, изучала антропологию, а материал для дипломной работы собирала в Колумбии, где и встретила пылкого пожилого коллегу. Теперь, она разрывалась между полным свар и интриг мирком

университета Боготы и деревушкой Сан-Хозе-дель-Энканто. Ее очень тревожила пагубная склонность мужа жевать коку.

Как и большинство мужчин племени витото, Гузман не мог жить без коки, и от постоянного ее употребления у него развилась настоящая паранойя. По утрам его подбородок всегда украшали пятна коки. Поскольку к женщинам в племени относились крайне сурько, Альфредо сказал Анне-Лизе, что для того, чтобы вписаться в местное общество, ей придется усвоить образ жизни здешних женщин. Это подразумевало, что она должна толочь камнями корни коки, а также приготовлять коку, жевать которую женщинам не разрешалось. Мужчины тем временем полеживаются в гамаках и слушают транзисторные приемники. Женщины вместе с собаками и детьми живут под домами, мужчины же - в домах. В пять часов пополудни женщин с детьми и собаками отсылают спать. Мужчины удаляются в длинный дом, где предаются беседам и жеванию коки до половины пятого утра. В качестве самой изысканной разновидности юмора у них ценится пуканье. Существует десять тысяч способов пукать, и все вызывают буйное веселье. Мы жили с этими людьми бок о бок и оставались в столь неуютном окружении до утра восемнадцатого февраля. Такой срок - почти целая неделя - потребовался для того, чтобы уговорить двух юношей бросить охоту и помочь нам перенести пожитки до Ла Чорреры.

Мы были рады перерыву в нашем путешествии, поскольку плавание на "Фабиолите" нас изрядно измотало. Каждый день я проводил часть времени за ловлей насекомых, а иногда писал или размышлял, лежа в гамаке. Доктора Гузмана за эту неделю мы видели очень редко. Он относился к нам с такой же скрытой опаской, как и другие мужчины - предводители общин. Правда, не все были одинаково робки: всегда находилось несколько витото разного возраста, которые пристально наблюдали за тем из нас, кто в данный момент был наиболее занят делом. Одним из самых странных поступков доктора Гузмана была его просьба, чтобы на любой вопрос, касающийся отношений в нашей группе, мы отвечали, что все мы братья и сестры. Такое утверждение вызывало у людей изумление, естественное для любого разумного существа. Поэтому я полагаю, что мы чрезвычайно заинтересовали селян; ведь единственный авторитет, у которого они черпали все сведения об окружающем мире, уверял их, что столь разношерстная группа, как мы, состояла исключительно из родных братьев и сестер. И эта была лишь одна из странностей добрейшего доктора. Однажды знаменным днем, в одиночестве охотясь в лесу за насекомыми, я вышел из-за большого дерева и наткнулся на удивленного Гузмана - он совершенно неподвижно застыл над ручьем с острогой в руке. Мы возвращались в деревню вместе, и по дороге он изложил мне свои взгляды на жизнь:

- Вас везде подстерегают опасности. Никогда не плавайте в реке в одиночку. Под водой скрываются огромные твари. Здесь водятся анаконды. Лес кишит змеями. Не забывайте об этом, когда отправитесь в Ла Чорреру. Лес не прощает ошибок.

Я провел месяцы в джунглях Индонезии и каждый день ловил насекомых в лесах Амазонки, с тех самых пор, как началось наше путешествие в Сан-Хозе-дель-Энканто. У меня были свои представления о лесных опасностях, но они меркли в сравнении с рассказами безудержно жестикулирующего доктора, который брел рядом со мной. Нам явно не повезло, что мы угодили в столь странную ситуацию. Гузман держал жену в ежовых рукавицах. Он жил в кошмарном мире видений, преследовавших его из-за пристрастия к коке. У жены его не было случая перемолвиться словом с людьми, говорящими по-английски, с того времени, как она поселилась в джунглях. Естественно, ее интересовало, что творится в мире. Жевать коку ей не разрешалось, а Гузман своим поведением все больше походил на мужчин племени витото.

То и дело происходили разные случайности, которые держали нас в постоянном напряжении. Близ деревни убили бушмейстера, самую ядовитую из гадюк, после чего принесли и стали демонстрировать всем. Случайности? Скорее, дурные предзнаменования или зловещие события. Как-то утром огромный тарантул, самый большой из тех, каких мне приходилось видеть, совершил рейд по деревне - так, во всяком случае, могло показаться со стороны, поскольку его внезапно обнаружили почти в самом ее центре. А может быть, кто-то нарочно выпустил его?

Ночью, за два дня до отправления, около нашей хижины загорелось дерево. Во всем этом угадывалась недвусмысленная враждебность, и мы ускорили подготовку к отправлению. Но без носильщиков было не обойтись, а нанять их мы могли только после того, как мужчины вернутся с охоты.

От Гузмана почти ничего нельзя было добиться. По поводу у-ку-хе он сказал: "Это просто смехотворно, мой друг. Вам его не достать. Эти люди даже не понимают испанского. Они говорят

только на витото. Пятьдесят лет назад здесь истребили сорок тысяч их соплеменников. У них нет причин относиться к вам дружелюбно, а снадобье они держат в строжайшем секрете. Что вообще вы здесь делаете? Мой вам совет, убирайтесь из джунглей подобру-поздорову, пока это еще возможно".

Но он был и по-своему полезным источником информации: мы узнали, что у-ку-хе всегда готовят с добавками золы других деревьев, которую смешивают с ДМТ-содержащей смолой. Мы чувствовали, что именно эти дополнительные ингредиенты и есть ключ к его оральной активности, поскольку обычно ДМТ нейтрализуется ферментами в толстой кишке. Деннис был полон решимости предпринять подробную ботаническую идентификацию "тайных активизаторов". В идеале мы надеялись первыми составить хорошую коллекцию этих растений. Это будет нашим скромным вкладом в этноботанику Амазонки.

Наконец восемнадцатого мы тронулись в путь - в шестером, в сопровождении двух юношей витото. Староста деревни вышел, чтобы пожелать нам счастливого пути. Даже доктор Гузман улыбался, несомненно довольный тем, что жизнь в деревушке снова войдет в свою колею после того, как ему целую неделю приходилось играть роль хозяина, принимающего делегацию всемирного электронного племени. Пожалуй, никто так не радовался прощанию с деревушкой, как я. Шагая по широкой тропе, или троче, я чувствовал, как мое настроение поднимается. Наконец-то все надоевшие препятствия остались позади! Только Соло продолжал еще докучать мне своим присутствием. И я решил: будь что будет, но этот нарив придется вскрыть. Слишком уж странными становились отношения в нашей группе. Соло был в своем репертуаре. Он настоял, что он отправится 'по троче первым. Уйдет далеко вперед, потом заострит колья и воткнет их в землю по особой схеме - это будут фетиши.

Во время спуска по реке, до прибытия в Эль-Энканто, мы постоянно курили траву. Соло в это время просто часами сидел, глядя в одну точку. В конце концов я заподозрил, что он решил меня прикончить и что у него не все дома. Так вот, оказывается, какая странная мне выпала участь: погибнуть от руки психа, чьего-то старого дружка, которому каким-то чудом удалось пробраться в нашу экспедицию!

Я стал размышлять над иронией судьбы. Мне припомнилось, что знатока грибов Гордона Уоссона и его жену во время их второго путешествия в грибную деревню Уатла де Хименес, что лежит на отдаленном нагорье в Мексике, сопровождал тайный агент ЦРУ. Вся история психоделиков могла бы сложиться иначе, обнаружь Уоссон это грязное притязание вовремя. Тогда бы абсурдная идея ЦРУ навсегда оставила псилоцибин так называемой "отечественной прерогативой" никогда не смогла бы возникнуть. Только благодаря своеевременной публикации молекулярной структуры псилоцибина - то была заслуга швейцарского фармаколога и изобретателя ЛСД Альберта Хоффмана - удалось разрушить эту мрачную и грандиозную фантазию. И вообще я размышлял о критических моментах. Мне пришло на память замечание Джона Уэйна о том, что "мужчина должен вести себя по-мужски".

Как только эта мысль пришла мне в голову, я решил воспользоваться моментом и, остановившись на тропе, громогласно заявил, что Соло самый отъявленный в мире болван. Иными словами, взял быка за рога. Какое-то мгновение казалось, что сейчас мы уложим друг друга на месте. Ванесса принялась визжать и бросаться между нами. Носильщики-витото застыли на месте, разинув рты. Инцидент закончился вничью, но к концу дня Соло решил повернуть назад. Денег у него не было, к тому же он страдал от невыносимой боли - у него раздулся флюс. Словом, у него не было никаких причин, чтобы оставаться с нами. Тяготы одиночества и плохое питание могут довести до крайности даже здорового человека, и я пришел к твердому убеждению, что он выбит из колеи и способен на все. Чтобы унять зубную боль, он жевал коку, но это не помогало. Ему была необходима медицинская помощь. Вечером Соло пришел ко мне и объяснил, что у него не хватит денег, чтобы подняться вверх по реке. Он предложил мне килограмм своей травы, и я сразу же воспользовался этим случаем, чтобы заплатить ему сотню долларов. Когда на следующее утро мы снимались с места, он уже ушел.

Нас окружали джунгли, впереди ожидала Тайна. После ухода Соло я многозначительно помалкивал, поигрывал сачком для бабочек и ощущал себя сродни Van Вину, сладострастному герою сюрреалистического романа Набокова "Ада". В конце концов, разве часто выпадает нам удовлетворение от победы над соперником? Особенно над соперником, который заявляет, будто искренне верит, что он Иисус Христос или Гитлер?

Мы держали путь в Ла Чорреру под увитым лианами пологом буйного амазонского леса; вокруг было дивно, как в раю. Мы то и дело вспугивали радужно-голубых *morphos* - бабочек размером с блюдце, которые лениво отдыхали на свисающих над тропой широких листьях. Внезапно они взмывали в воздух, демонстрируя изумительные переливы великолепнейших бледно-сапфировых оттенков, и быстро исчезали в тенистых зарослях. Мы быстро шагали вперед, и мне снова пришел на память Набоков с его показавшимися тогда пророческими строками, написанными в "Бледном огне" его героем, вымыщенным американским поэтом Джоном Шейдом:...и этот редкий дар, Природы - "радужка", когда над гранью гор В пустыне неба нам утешит взор Сквозного облачка опаловый овал, - Зерцало радуги, построенной средь скал Долины дальней сыгранным дождем. В какой изящной клетке мы живем!

Вечером мы сделали привал под навесом из пальмовых листьев, где был знак, судя по которому, мы одолели за день двадцать пять километров. Мы плотно поужинали консервированным сыром и куриным супом с овощами из пакетов, а утром, как только рассеялся туман, окутавший землю на рассвете, снова вышли на тропу. В этот день нам пришлось здорово попотеть - мы переносили самую тяжелую поклажу, используя метод, который после двух часов работы давал каждому час передышки. Нелегкое это было дело, скажу я вам. Мне кажется, мы уже начинали ощущать воздействие "феномена" - отолосок наших будущих легкомысленных экспериментов с законами физики, до которых оставалось несколько дней. Трудно сказать наверняка. Мы перестали есть. Женщины заявили, что удобства ради нужно отказаться от завтрака и ужина. Они так решили, поскольку готовка лежала на них, а для того чтобы развести костер в сыром амазонском лесу, приходилось изрядно потрудиться.

Утром мы поднимались в половине пятого, пили кофе и к половине четвертого по полудни проходили километров двадцать пять. Припаршивая работенка! Тропа шла то вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Мы выходили к реке и обнаруживали, что моста нет, приходилось соображать, как переправиться. Нужно было постоянно следить, чтобы носильщики что-нибудь не стащили или вообще не бросили нас на произвол судьбы. Несмотря на изнурительный труд, мы остро ощущали присутствие поистине бескрайнего, полного жизни леса, сквозь который пробирались. На второй день мы с утра до вечера тащились вперед, хотя силы наши убывали. Наконец мы добрались до укрытия, похожего на то, которым воспользовались прошлой ночью. Оно стояло на вершине высокого холма, чуть пониже примитивного моста, перекинутого через речку. После наступления темноты, собравшись вокруг костра, мы долго курили и разговаривали в ночи, предчувствуя близкие приключения, которые мы уже ощущали, но еще не могли себе представить. Носильщики-витото разложили завернутую в листья снедь и ели отдельно от нас, держась с нами дружелюбно, но отчужденно.

На четвертый день после полудня носильщики заметно оживились, предвкушая скорое прибытие в Ла Чорреру. Во время одного из привалов Ванесса указала на радугу - она висела прямо над тропой, по которой мы шли. Мы обменялись приличествующими событию шутками, навьючили на себя поклажу и поспешили дальше. Через несколько минут мы уже шагали сквозь подлесок и скоро очутились на краю обширной поляны, представлявшей собой неровный выгон. За ним виднелись постройки миссии. Когда мы вступили на поляну, навстречу нам вышел индеец. Мы, запинаясь, объяснились с ним по-испански, после чего он быстро переговорил с нашими носильщиками на витото и повел нас в том направлении, откуда пришел.

Мы пересекли пространство, огороженное каймой леса, потом полузакрытый внутренний двор - возможно, это была танцплощадка. На стенах темперой были нарисованы забавные эльфы с острыми ушами. Наконец нас подвели к заднему крыльцу более солидного деревянного здания - очевидно, это был дом священника. Из двери появился здоровенный бородатый мужчина в домашней одежде, грубоватый на вид. Его в совершенстве смог бы сыграть Питер Устинов. Несмотря на угадывающийся веселый нрав, он явно не был в восторге от нашего появления. Интересно, почему здешние обитатели все такие нелюдимые? Может быть, они не любят антропологов? Но мы-то в основном были ботаниками. Что было делать? Нас приняли вежливо и даже радушно. Воздержавшись от дальнейших расспросов, мы развесили гамаки в пустовавшем доме для гостей, куда нас проводили. Все ощущали облегчение: наконец-то мы добрались до цели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. СТОЯНКА У ПОРОГА

В которой мы знакомимся с грибами и шаманами Ла Чорреры.

Большая часть бассейна Амазонки образована аллювиальными отложениями с Анд. В Ла Чоррере все по-другому. Река Рио-Игара-Парана сужается и забирается в расселину. Течение ее становится стремительным, потом спадает с гребня - порога, - создавая не то чтобы водопад, а узкий желоб (чорро в переводе означает "стремнина"), зажатый в ущелье поток, который, разливаясь, образует значительных размеров озеро.

Ла Чоррера - райское местечко. Вы настойчиво стремитесь к цели, и вот она перед вами. Здесь нет ни жалящих, ни кровососущих насекомых. Вечерами туман клубится над обширным пастбищем, создавая чарующий пасторальный пейзаж. Есть миссия, пеняющееся озеро внизу, кольцо джунглей и, к моему удивлению, крупный рогатый скот белой масти.

На следующий день после нашего прибытия я стоял на краю выгона, расчищенного испанскими священниками - они возглавляют миссию Ла Чорреры со времени ее основания в 1920 году, - и вертел в руках превосходные экземпляры грибов того же вида, который отведал во Флоренции. А передо мной, на выгоне, росли десятки таких же красавцев. Рассмотрев несколько из них, мы с братом пришли к выводу, что это та же самая *Stropharia cubensis*, которую мы находили раньше, один из самых крупных и выносливых из содержащих псилоцибин грибов и, несомненно, самый широко распространенный.

И что дальше? У нас не было данных по правильной дозировке псилоцибина, а каталог наш включал цветущие растения, но не грибы. Общими усилиями мы вроде бы припомнили, что в оаха-канских грибных ритуалах, о которых писал в "Лайфе" Гордон Уоссон, грибы всегда употреблялись парами, причем зараз съедалось несколько пар. Мы решили, что в тот вечер каждый из нас съест по шесть грибов. В отрывке из моего дневника за следующий день без обиняков говорится:

23 февраля 1971 года.

Неужели мы действительно стоим лагерем на краю иного измерения? Вчера Дейв обнаружил *Stropharia cubensis* на влажном пастбище позади дома, где мы развесили свои гамаки. За полчаса мы с ним собрали тридцать восхитительных экземпляров" насыщенных псилоцибином. Каждый из нас съел по шесть грибов, после чего мы провели всю прошлую ночь на волнах безгранично яркого и живого и в то же время легкого и изменчивого кайфа, Где-то между странным светом на выгоне и обсуждением нашего проекта у меня создалось впечатление, что, проникнув таким образом в местную психоделическую флору, мы сделали гигантский шаг к более глубокому пониманию. Многогранными щедрым, сложный, как мескалин, и сильный, как ЛСД, гриб этот, если использовать слова, сказанные о пейоте, 'учит нас правильно жить. Насколько мне известно, этот конкретный вид гриба не употребляется ни одним туземным племенем, таким образом, он представляет собой нейтральную территорию в триптаминовом измерении, которое мы исследуем. Прибегнув к помощи невостребованного растительного учителя, можно получить доступ в мир эльфов-алхимиков. Ощущения, которые дает *Stropharia cubensis*, бывают тонкими, но могут подняться до высот и размаха сильнейших психоделических переживаний. Однако они чрезвычайно переменчивы, и уловить их очень трудно. Обменявшиесь сбивчивыми описаниями своих видений, мы с Деннисом отметили сходство их содержания, наводящее на мысль о феномене телепатии или об одновременном восприятии одного и того же невидимого пейзажа. Заключительный этап эксперимента сопровождался жестокой головной болью, но она быстро прошла, а телесного напряжения и усталости, которые часто присутствуют при употреблении неэкстрагированных растительных снадобий, таких, как пейот или дурман, и вовсе не было.

Этот гриб - дверь в иные измерения, которую робкие феи оставили приоткрытой для любого, кто сумеет найти ключ и-пожелает воспользоваться его силой - силой видения, -о для того, чтобы исследовать этот своеобразный психоактивный комплекс, подаренный нам природой.

Мы приближаемся к сложнейшему событию, с которым может встретиться планетная экология.

Это возникновение жизни из темного кокона материи.

Таковы были мои впечатления после первого же погружения в мир видений, где царит наш гриб. Необходимо объяснить, что имеется в виду под "странным светом на выгоне", поскольку не исключено, что он имеет некоторое отношение к последующим событиям. Через час после того, как мы съели грибы и благополучно перенеслись на чарующую равнину мысленных образов, красочных и летучих, кто-то из нас завел разговор. То ли это был Дейв, то ли мой брат Деннис. Пожалуй, все-таки Деннис. Он сказал, что теперь мы все находимся в гостях у Тайны, поэтому, вместо того чтобы торчать в хижине, лучше выйти в ночь, окунуться в теплый туман, окутывающий выгон. Причем идти должны не все, а делегация. Кто именно? Деннис назвал Дейва

и меня, сказав, что Дейв наименьший скептик, а я - наибольший. Ванесса отвергла мою кандидатуру на место "самого большого скептика" и предложила Денниса и Дейва. Я с энтузиазмом поддержал ее предложение; мне вовсе не улыбалось тащиться на темный росистый выгон, к тому же, будучи скептиком, я не особо верил в трансцендентную способность этой затеи.

Итак, они ушли, громогласно восхваляя всеобъемлющую силу клубящегося над землей тумана, а потом, после театрально короткой паузы, прокричали как бы из-за сцены, что видят вблизи над пастбищем парящий рассеянный свет. Было предпринято расследование. Крики продолжались, но ужетише. Свет оставался - все такой же рассеянный. Я решил, что настало время вмешаться более трезвым головам, и двинулся во влажную ночную темень. Осторожно перебрался через изгородь из колючей проволоки, огораживавшую выгон; она была мокрой на ощупь, но теплой - такие вот парные ночи стояли на Амазонке. Присоединившись к Дейву и Деннису, я обнаружил, что ситуация гораздо ближе к тому, что они описывали, чем я ожидал. Впереди, в нескольких ярдах от нас, действительно виднелся тусклый свет. Казалось, он отступает, если пробуешь к нему подойти.

Сeriей коротких бросков мы прошли по направлению к свету метров тридцать. Окутанные густым клубящимся туманом, мы ощущали себя оторванными от наших оставшихся в доме товарищей.

Можно пойти на свет, только лучше не забираться слишком далеко, а то заблудимся: ведь мы совсем не знаем здешних мест, - уговаривал вернуться Дейв, но мы шли все дальше и дальше. Иногда казалось, что свет висит над землей на высоте футов в двадцать, но как только мы начинали подходить, он удалялся то взмывая вверх, то снова опускаясь. Мы бросались вперед, стараясь его настигнуть, но он каждый раз нас опережал. Мы преследовали этот летучий убегающий свет минут десять, после чего решили остановиться. Когда мы повернули назад, мне показалось, что я увидел мигание рассеянного света - будто кто-то плясал перед костром.

Я мгновенно выбросил из головы мысли об НЛО и вспомнил ряд зловещих случайностей, предшествовавших нашему прощанию с доктором Гузманом и его свитой в Сан-Хозе-дель-Энканто. Уж не шаман ли это пляшет вокруг костра? Имеет ли это какое-то отношение к нам? Ночной инцидент так навсегда и остался загадкой, но сама его странность предвещала то, что ожидало нас впереди.

Строки из моего дневника говорят сами за себя. Я как бы между прочим написал о "доступе в мир эльфов-алхимиков". Я назвал гриб дверью в иные измерения и связал его с преображением жизни на планете. В этом обнаруживается более юная, более наивная, более поэтическая душа - душа более интуитивная, запросто объявляющая дикую несусветицу Гностической Истиной, покерпнутой из галлюциногенных переживаний.

И тем не менее за двадцать лет эти мои идеи мало изменились. Тогда же я жаждал подтверждения и получил его. Я изменился - и скорее всего жаждал измениться. Для меня это было правдой тогда и остается правдой до сих пор: с появления гриба все превратилось в постоянное преображение. Теперь, по прошествии времени, после двух десятилетий размышлений на эту тему, я по-прежнему могу увидеть в тех самых ранних переживаниях многие мотивы, которые устояли перед натиском лет и так и остались тайной. В тот вечер мы с Деннисом в какой-то момент оба сумели увидеть и описать одинаковые внутренние видения. В последующие годы при использовании псилоцибина это повторялось неоднократно. И чувство изумления остается таким же свежим.

Те ранние эксперименты с грибами в Ла Чоррере окутывал ореол одушевленности и загадочности; не раз возникала мысль, что гриб - нечто большее, чем растительный галлюциноген или даже классический спутник шамана. Меня осенила догадка: а что, если на самом деле гриб этот - разумное существо, причем не земное, а посланец иной цивилизации? Во время транса оно способно обнаруживать себя, проявляясь в обращенном внутрь сознания того, кто его воспринимает.

В дни, последовавшие за нашими первыми опытами с грибами моя жизнь и жизнь моего брата претерпели колоссальное и странное преображение. До тех пор, пока Жак Валле не опубликовал в 1975 году свой "Невидимый колледж", где отметил, что элемент абсурдности всегда является частью ситуации, в которой происходит контакт с неведомым, мне не хватало смелости вернуться к тому, что случилось с нами в Ла Чоррере, и попытаться подвести его под какую-то известную модель. Я годами рассказывал отрывки из нашей истории, никогда не раскрывая перед слушателями всю невероятную цепь событий, поскольку прекрасно сознавал, что могут предположить о нашем психическом состоянии в то время.

Любой рассказ о контакте с неведомым сам по себе достаточно невероятен, к тому же главным действующим лицом нашей истории являются галлюциногенные грибы, с которыми мы экспериментировали. Одно то, что мы занимались такими растениями, поставило бы под сомнение любые упоминания о контакте с иными мирами у всех, кто не относится с пониманием к употреблению галлюциногенов. Каждый объявил бы наш "случай с НЛО" наркотическим бредом. Но это не единственная сложность, когда начинаешь рассказывать нашу историю. События в Ла Чоррере вызвали острые противоречия среди их участников и последовавшие за ними горькие переживания. Было высказано несколько мнений о том, что произошло, каждое из которых базировалось на фактах, которые оппоненты не знали или объявляли несостоятельными.

То, что некоторые из нас восприняли как прорыв в запредельное, другие объявили игрой буйной фантазии.

Мы были плохо подготовлены к событиям, которые на нас обрушились. Ведь начали мы как наивные наблюдатели чего-то, а чего -мы толком и сами не знали; поскольку же наша связь с этим феноменом продолжалась много дней, мы смогли обнаружить некоторые его аспекты. Я рад, что описанный здесь метод может оказаться эффективным для возбуждения того, что я здесь называю переживанием контакта с иными мирами (но он может быть и опасен, так что, друзья, не пытайтесь следовать нашему примеру).

Первый галлюциногенный "полет" со строфарией в Ла Чоррере произошел двадцать второго февраля 1971 года, немногим больше, чем через двадцать четыре часа после нашего прибытия туда и предшествовавшего этому четырехдневного перехода через джунгли из Сан-Хозе-дель-Энканто, что на Рио-Кара-Паране. Запись в моем дневнике на следующий день недвусмысленно свидетельствует о том, что я был просто заворожен. Это было последнее, что я сумел заставить себя записать. Дальше идут несколько недель молчания. Весь день я купался в блаженстве. Я знал одно: гриб оказался лучшим галлюциногеном из тех, что мне доводилось пробовать; он создавал неведомое дотоле ощущение радости жизни. Казалось, он открывает двери в те края, которые я из-за своей склонности к анализу и реализму считал для себя навеки недоступными.

До этого я никогда не пробовал псилоцибин и был поражен его контрастом с ЛСД, которая по сравнению с ним казалась жестко психоаналитической и личностной. В отличие от ЛСД, грибы так и излучали веселую эльфовскую энергию; тем более заманчивымказалось погружение в их полный видений транс. Я ни сном ни духом не ощущал величия сил, собиравшихся вокруг нашей маленькой экспедиции. На уме у меня было одно: до чего же здорово, что эти грибы оказались здесь! Даже если мы не найдем ни у-ку-хе, ни аяхуаску, грибы всегда у нас под рукой, к тому же они удивительно интересны.

Мы планировали провести здесь месяца три, постепенно изучая растительную и социальную среду витото, которые, как это было заведено, жили в деревне на расстоянии километров четырнадцати по дороге, ведущей от миссии Ла Чоррера на Рио-Игара-Паране. Мы знали: у-ку-хе - это табу, и потому не спешили. Первый день после эксперимента с грибами мы посвятили проверке снаряжения, перенесшего тяготы перехода по тропе, и отдыху в касите, куда нас любезно проводил дежурный капуцин отец Хосе Мария. Днем мы собрали следующую партию грибов и высушали у очага.

Вечером мы решили снова отведать грибов. Я растер их в порошок, который все мы вдохнули. Запах был восхитительный, похожий на шоколад, и мы решили, что это удачная мысль. Я был наверху блаженства, мне все нравилось, особенно изумительным было место, где мы оказались.

Но сегодня все сложилось по-другому. Мы еще не отошли от вчерашнего кайфа, и, пока все сидели, ожидая, когда нас заберет, Ванесса с Деннисом постоянно пререкались. Очевидно, она его достала, и он сказал: "Знаешь, ты просто ведьма, и я сейчас скажу тебе почему". И он разразился длинным монологом, в котором излил все, что накопилось у него на душе.

Следующий день мы отдыхали, ловили насекомых, собирали растения, занимались стиркой и болтали со священником и жившим в миссии монахом - оба они принадлежали к аскетическому ордену францисканцев, который вел здесь миссионерскую деятельность. Через них мы пустили слух, что нас интересуют люди, знающие толк в лекарственных растениях.

В тот же день в каситу зашел молодой витото по имени Базилио и, услышав от священника о наших интересах, предложил сводить нас к своему отцу, шаману, пользующемуся авторитетом в округе. Базилио сделал вывод, что нас интересует аяхуаска, самый известный в этих краях галлюциноген, расспрашивать о котором никому не возбранялось.

У-ку-хе был гораздо более засекреченной темой. За месяц или два до нашего появления в Ла Чоррере произошло убийство - даже несколько убийств, - и Гузман утверждал, что все они имели отношение к у-ку-хе. Предполагали, что какой-то шаман убил одного из двух братьев-шаманов, разрисовав верхнюю перекладину лестницы "ДМТ-содержащей смолой" Когда жертва ухватилась за перекладину, смола впиталась в пальцы, у несчастного закружила голова, он упал и сломал себе шею. Шаман, у которого убили брата, нанес ответный удар, подстроив несчастный случай. Жена, дочь и внук предполагаемого убийцы плыли на каноэ по реке повыше чорро. По непонятной причине они не смогли пристать берегу, и их перебросило через порог. Все сочли, что они стали жертвой колдовства. Спасти удалось только жене. Так что сейчас было явно не время соваться с расспросами об у-ку-хе.

Базилио утверждал, что аяхуasca находится в маллоке, то есть в доме его отца, на расстоянии дневного перехода вверх по реке. Каноэ у него было маленькое, так что поехать с ним могли только двое из нас. Посоветовавшись, мы решили, что ехать нужно нам с Ив. Мы сразу же отправились к реке, я захватил с собой коробочку из-под пленки, в которой был грибной порошок.

День выдался тихий, небо было безоблачное. Казалось, все вокруг напоено безмятежностью и бездонным покоем, будто вся земля дышит тихой радостью. Сохранись это ощущение на том же уровне, оно так и осталось бы лишь приятным воспоминанием. Теперь же, в свете более поздних событий, я оглядываюсь на тот день все углубляющегося удовлетворения и почти идиллического покоя, как на первое дуновение ветра, который вскоре унес меня в мир невообразимо мощных переживаний.

К вечеру мы добрались до деревушки, где жил Базилио. Наш новый знакомый, витото, в отличие от обитателей Сан-Хозе-дель-Энканто, оказался очень дружелюбным. Нам показали спутанные заросли посадок аяхуаски и подарили черенки и пучок побегов, чтобы мы сами смогли приготовить отвар. Базилио рассказал нам о своем единственном опыте с аяхуаской: несколько лет назад, промучившись несколько дней от непонятной лихорадки, он принимал ее вместе с отцом. Он сказал, что аяхуаску настаивают в холодной воде - редкий способ для этой местности, где обычно применяются отвары. После того как измельченную аяхуаску вымачивают в течение суток, сырья вода приобретает галлюцинопенные свойства. В своих видениях Базилио пришлось преодолеть множество "изгородей". Он испытал чувство полета. Его отец видел, что "плохой воздух", вызвавший болезнь сына, исходил из миссии, в которой, по его мнению, была сосредоточена дурная сила. После этого случая Базилио поправился и стал реже бывать в миссии - так он сам сказал. Все это было весьма интересно - наш первый выход в "полевые условия" удался на славу, к тому же услышанное вполне совпадало с нашими сведениями об аяхуаске и распространенными в этих краях поверьями.

Той ночью мы развесили гамаки в маленькой хижине близ главной маллоки. Мне снились изгороди и выгон возле нашей миссии. На следующий день рано поутру Базилио повез нас обратно. Добытые нами экземпляры Banisteriopsis caapi сами по себе были достаточной причиной для гордости, однако я снова ощущал душевный подъем, глубины которого оставались неизведенными.

"Странно", - пробормотал я себе под нос, когда вдали показалась миссия, выходящая на озерную гладь, и возвышающаяся над причалом. шеренга финиковых пальм.

"Очень странно".

ГЛАВА ПЯТАЯ. СОПРИКОСНОВЕНИЕ С ИНЫМ

В которой мы перебираемся в другой дом, а Деннис испытывает странное переживание, которое разделяет нашу группу.

Вернувшись к своим друзьям, мы узнали, что учителя, профессорес, которые должны были приехать, чтобы преподавать в миссионерской школе, наконец прибыли. Их доставил местный пилот, знаменитый Джордж Цаликас, который поддерживал аварийную связь между Ла Чоррерой и внешним миром и раз в месяц привозил почту. Это означало, что нам потребуется новое жилье, поскольку мы обосновались в учительских апартаментах. Священник предложил нам временно воспользоваться ветхой хижиной, которая стояла на сваях на невысоком холме - пониже миссии, но намного выше обширного озера, образованного чорро. Вот в этой хижине, которую мы сразу же окрестили "домом на пригорке", мы и решили пожить, пока будем готовиться к тому, чтобы

перебраться глубже в окрестные джунгли, подальше от душноватой атмосферы миссии. Все утро мы отдыхали, пуская по кругу самокрутку, и планировали дальнейшее путешествие.

Из разговора с братом Луисом, седобородым стариком, который, кроме отца Хозе Марии, был здесь единственным представителем Церкви, Дейв и Ванесса выяснили, что поблизости есть вполне крепкий туземный дом, расположенный по пути в деревню, на которой были сосредоточены все наши помыслы об у-ку-хе. Обычно он стоял пустым, но теперь в нем разместились люди, которые к началу учебного года привезли в миссию детей. У витото принято оставлять ребятишек под присмотром падре на шесть месяцев в году. Моменты сбора в миссии в начале и конце учебного года знаменуют у них пик светской жизни, а заодно и повод поиграть в футбол, а вечером устроить *builes* - танцы, поскольку витото - заядлые танцоры. Мы попали в самое время такого собрища, но через несколько дней все семьи должны были разъехаться и освободить много жилья. Дейв, Деннис и Ванесса уже обследовали одно такое место и решили, что оно нам идеально подходит - там отличные условия для сбора растений и насекомых, к тому же оно расположено в глубине джунглей.

Мы перетащили снаряжение в "дом на пригорке" и перевесили туда же свои гамаки. Получилось тесновато, но терпимо: ведь скоро мы переберемся в лес. Потом, повинувшись общему импульсу, рано утром мы отправились на выгон позади миссии. Найти грибы - эта мысль была на уме у всех. Вечером мы вернулись домой, каждый нес добычу: по шесть или по восемь тщательно отобранных экземпляров. Мы съели их, а потом, по мере того как вечерний кайф углублялся, выкурили по самокрутке, свернутой из кусочков недавно собранной *Banisteriopsis caapi*. Дым саари давал восхитительный аромат тонких благовоний, и каждая затяжка вызывала медленный чарующий поток изысканных галлюцинаций, которые мы тут же прозвали "растительным телевидением".

Каждая вспышка образов продолжалась минут пятнадцать, потом угасала, после чего мы вдыхали новую порцию дыма саари. Всего действие психodelиков сохранялось пару часов. Мы постоянно поддерживали его, ведя оживленную дискуссию на тему: а не пример ли это тех снадобий, которые умудренные опытом шаманы изготавливают со времен позднего палеолита, желая удивить друг друга?

Вечер близился к ночи, и наша беседа перешла на обсуждение возможности нарушения нормального психического состояния, если рассматривать эту проблему с точки зрения психологии и, с другой стороны, с наивно-реалистических позиций шаманских феноменов. Нас особенно занимали стекляистые жидкости, которые, если верить слухам, аяхуаскеро выделяют на поверхности кожи и используют для того, чтобы заглянуть в прошлое и будущее. Эта идея о некой голографической алхимической жидкости, саморожденном жидкокристалльном шаре, казалась мне странной и почему-то очень притягательной. Вопрос о том, возможно ли такое в принципе, есть, по сути дела, еще одна, пока не раскрыта, но насущная проблема: действительно ли то, что нам, современным людям, осталось узнать о природе реальности, лежит на поверхности и нужно только слегка перестроить свой нынешний взгляд на вещи, или же мы понимаем ничтожно мало и полностью заблуждаемся относительно своего истинного положения в мире? Неожиданно для себя я стал утверждать, что реальность состоит из речи и нам необходимо каким-то образом выбраться из культурной темницы языка, дабы встретиться лицом к лицу с той реальностью, которая таится за внешними образами. "Если уж бить, бей через маску!" - что-то в этом роде.

Разгорелся ожесточенный спор. Ив, Деннис и я страстно отстаивали эту точку зрения. Ванесса с Дейвом защищали психологическо-редукционистский подход к необычным событиям. Они утверждали, что все можно рассматривать в контексте фантазий, заблуждений и оправдания желаемого. По их мнению, ничто из того, что происходит во время галлюцинаций, не имеет места в реальном мире - все это лишь игра воображения. Потом, позабыв про идеологию, они объявили, что наша страстная убежденность - не более чем наивная одержимость. Мы отвечали, что они умаляют истинную силу бессознательного; пусть попробуют доказать некоторые бихевиористско-материалистические взгляды человечества - то-то им придется удивиться! И так далее. Жизнь в экспедиции была полна стрессов и углубляющихся противоречий, напряженность подспудно накапливалась уже несколько недель. Только, на мой взгляд, даже в таком случае истинная причина ее крылась в ощущении, что что-то связанное с нашими опытами с грибами усугубляет эту напряженность или, во всяком случае, обостряет кризис, вынуждающий нас решать, стоит ли углубляться в измерение, истинную природу которого мы еще не постигли.

Каждый эксперимент с грибами становился учебным упражнением с неожиданным выводом. Трое из нас были готовы стать детьми алхимии и, раздевшись донаага, погрузиться в источник мудрости, чтобы черпать меру вещей изнутри. Такова была наша установка - назовите ее комплексом Фауста или одержимостью. Я считал, что нашей первоочередной задачей является продолжение программы исследований, которая привела нас в Ла Чорреру. Однако Ванесса и Дейв воспринимали реальность исследуемого нами измерения или скорее нашу растущую уверенность, что это измерение включает нечто большее, нежели только психологические элементы, как угрозу. В такой вот ситуации оказались мы - компания друзей, разделяющих общий набор символов, полностью отрезанная от мира джунглями, сражающаяся с эпистемологической проблемой, от окончательного решения которой, похоже, зависело, сохраним мы рассудок или нет.

Короче говоря, Дейв с Ванессой отдалились от нас, устранились от возбужденных теоретических дискуссий на тему, существует ли возможность пасть жертвой невидимого. Не было ни споров, ни сцен, просто после той ночи возникло общее молчаливое понимание: мы дошли до места, где наши пути расходятся. Одни из нас были решительно настроены углубиться в систему идей грибного транса, других же пугала внезапно разверзшаяся бездна, и они предпочли оставаться только свидетелями происходящего. Теснота "дома на пригорке" и поляризация двух подходов - все это, вместе взятое, вдохновило Ванессу на более активные контакты (под предлогом игры в шашки) с местным полицейским гарнизоном, который состоял из трех молодых колумбийцев, изнывающих от тоски по родным Андам. После нескольких азартных партий она получила вполне серьезное предложение улучшить наши стесненные жилищные условия, перебравшись вместе с Дейвом в пустующий дом на берегу реки, который официально числился за полицией. Именно этому дому, стоявшему у пристани Ла Чорреры, позже суждено было стать местом моего соприкосновения с Иным. Ванесса и Дейв сняли свои гамаки и спокойно перебрались к подножию холма в новый "речной дом". Расставание было дружеским. "Теперь мы будем больше времени проводить в воде", - смеялась Ванесса.

Шел шестой день нашего пребывания в Ла Чоррере. Мы принимали грибы три раза. Все были здоровы, спокойны и довольны тем, что нам удалось сохранить такую хорошую форму. Вокруг было полно насекомых и растений, которых мы могли собирать, пониже чорро лежало озеро, где можно было поплавать. Мои новые отношения с Ив казались многообещающими и к тому времени уже достаточно продвинулись. Нас баюкало жаркое тропическое солнце, глядящее с бездонного синего неба. Такое безмятежное состояние почти всегда кажется предвестником скорых перемен. Где-то глубоко и незримо назревали грядущие события.

В то утро после ухода двух наших друзей Деннис, Ив и я, погруженные в свои мысли, лежали в гамаках, а тем временем зной и стрекотанье насекомых говорили, что день близится к полудню. Я совсем забросил дневник, и аккуратные записи уступили место долгим полетам фантазии, головокружительным и прекрасным: то были слабые отзвуки углубляющегося контакта с Иным, хотя тогда я этого еще не понимал. На нас спустилась очередная теплая ночь, и мы спали долго и безмятежно. Когда утренние туманы, окутавшие землю, растаяли, наступивший день оказался столь же ясным и безоблачным, как, очевидно, и все дни в этом сказочно красивом селении, расположенном в гуще джунглей. Каждый день казался жемчужиной, сотворенной алхимиком из прошлой ночи, теплой и звездной.

На следующий день мы занялись исследованием необычного места на берегу озера, по направлению к чорро. Сам чорро производил незабываемое впечатление: Игара-Парана резко сужается, мощь и скорость потока внезапно и устрашающе возрастают. Озеро, куда река сбрасывает воду, - это не просто вместилище для стремительного потока, а место древней геологической катастрофы, которая разрушила слой базальта глубоко под земной поверхностью, образовав огромный провал и усеяв северный берег близ утеса тысячами обломков величиною с дом. Миссия прилепилась на вершине этого базальтового холма и является самой высокой точкой ближайших окрестностей.

Мы идем по берегу реки, потом пробираемся вдоль спускающегося к чорро обрыва, пока на расстоянии ста футов до чорро он не становится таким крутым, что дальше нам не пройти. Но и здесь земля сотрясается от дрожащего рокота миллионов тонн воды, низвергающейся по каменному руслу чорро. Странные растения, стелющиеся по земле, кажется, сроднились с этой бурной атмосферой подернутого туманом песка и гулкого грохота. Ощущение собственной ничтожности рядом с острыми каменными глыбами и близость к могуществу стремительно несущейся воды рождали гнетущее и какое-то тревожное чувство. Мне стало намного легче, когда мы друг за

другом вскарабкались на крутизну и отправились в обратный путь через луга и пастбища, которые миссия за годы отвоевала у джунглей бесплатным трудом своих прихожан-витото.

Выбравшись на ровную поверхность, но все еще находясь в зоне влияния чорро, мы передохнули. Здесь, на небольшом плато, возвышающемся над всей округой, издавна находилось маленькое кладбище миссии. На шестиугольном клочке земли, обнесенном грубой изгородью, постепенно сравнивались с землей десятка два могил - многие из них, судя по всему, были детскими. Пугающая краснота латеритной почвы представляла здесь во всей своей наготе. Даже в такой дивный солнечный день на этом месте лежала печать тоскливого одиночества. Передохнув, мы поспешили прочь от этого странного сочетания пустоты, заброшенности и отдаленного гула падающей воды.

После прогулки и чрезмерного обилия солнца и камня нас невольно потянуло к сплошной стене джунглей, что высилась за выгоном позади миссии. Широкие песчаные дороги вели к россыпи селений индейцев племен витото, бора и муинейн, которые представляют "туземный компонент" комиссарии Амазонас; остальные - это несколько миссий, полиция и неклассифицируемые субъекты, главным образом торговцы, а также мы.

Мы спустились по тропе к нашему дому и обнаружили, что он все еще занят. Возвращаясь через пастбище, над которым пламенел живописный закат, мы снова набрали грибов - столько, чтобы нам с Деннисом и Ив досталось больше, чем во все прошлые дни, - пожалуй, штук по двадцать на брата.

Именно когда мы шли через пастбище, я впервые заметил или, во всяком случае, впервые упомянул, что все вокруг необычайно красиво и что я чувствую себя настолько хорошо, что возникает странное ощущение, будто все происходит в кино или в каком-то большем, чем обычный, масштабе. Даже небо напоминало кадр, сделанный объективом "рыбий глаз", - все казалось кинематографически преувеличенным. Что это было? Может быть, легкое искажение пространства, навеянное растущим содержанием психоцибина? Псилоцибин может вызывать такие нарушения восприятия. Я ощущал, что стал трехметрового роста, почти великанином -совсем как Алиса, когда она ела гриб и становилась то большой, то маленькой. Странное это было чувство, но на редкость приятное.

Вернувшись в "дом на пригорке", мы разожгли огонь и сварили рис, чтобы перекусить. Время от времени шел дождь. После обеда мы долго курили, ожидая, не зайдут ли Ванесса с Дейвом. Дождь все усиливался, и наконец мы укрылись в доме и каждый съел порядочную кучку грибов. Строфария подействовала быстро, и галлюцинации получились очень яркие, но, несмотря на увеличенную дозу, примерно через час переживания не особо отличались от прежних наших полетов. Мы вышли из транса и стали негромко обмениваться впечатлениями.

Деннис пожаловался, что ему мешали проникнуть глубже мысли об отце (он жил в Колорадо), о том, получил ли он наше последнее письмо, отправленное перед началом спуска по Рио-Путумайо. Вид у брата был печальный - будто под влиянием галлюциногена усилилась его тоска по дому. По крайней мере, мне так показалось. Я постарался его успокоить, и несколько минут мы тихо разговаривали в темноте. Он рассказал, что в его кайфе присутствовали разнообразные переживания: поднимающийся изнутри жар и странное неслышное жужжание, которое, по его словам, помогло ему проникнуть в загадку похожего на глоссолалию (Глоссолалия - особый вид расстройства речи: произнесение бессмысленных сочетаний звуков, сохраняющих некоторые признаки связной речи (темп, ритм, структуру слога и т.п.). - Прим. перев.) лингвистического феномена, который я пережил под действием ДМТ и который описывал ему раньше. Я попросил его воспроизвести звуки, которые он слышал, но Деннис, похоже, считал, что это невозможно. Пока мы разговаривали, дождь понемногу утих, и мы услышали слабый звук переносного транзисторного приемника: кто-то воспользовался передышкой в ливне, чтобы подняться на холм по тропинке, проходившей чуть ниже нашей хижины. Беседа наша прервалась, мы вслушивались в тихий звук приемника - он приближался, но потом стал затихать.

И тут последовал поворот событий, едва не отправивший нас в мир иной: как только радио замолкло, Деннис издал громкое, скрежещущее жужжание, которое продолжалось несколько секунд, при этом тело его словно окаменело. После минутного заташья он разразился залпом взводнованных, испуганных вопросов. "Что случилось?" - твердил он и - это особенно врезалось мне в память - "Я не хочу превращаться в огромное насекомое!"

Было видно, что Деннис сам перепуган случившимся, и мы с Ив постарались его успокоить. То, что для нас показалось не больше чем странным звуком, совершенно очевидно произвело совсем

другое впечатление на того, кто его издавал. Я понимал его состояние: мне оно было знакомо по опытам с ДМТ, где что-то вроде мысленной глоссолалии, которая мне самому казалось исполненной глубочайшего смысла, превращалась в сущую белиберду, когда я пробовал облечь ее в слова и передать другим.

Деннис сказал, что в звуке была заключена колоссальная энергия, а сам он ощущал себя некой физической силой. Мы несколько минут поговорили об этом, после чего Деннис решил повторить попытку. И повторил, но на этот раз все закончилось гораздо быстрее. Он снова сказал, что ощущал высвобождение огромного количества энергии. Он чувствовал, что если направит голос вниз, то сможет оторваться от земли. Тогда нам пришла в голову мысль, что можно издавать звуки, усиливающие метаболизм психоделиков, а Деннис предположил, что пение может ускорять метаболизм некоторых из них. По словам брата, у него возникло внутреннее ощущение, будто он приобрел какую-то шаманскую силу.

Деннис стал расхаживать взад-вперед, громко произнося: "Нет, чтобы прямо сейчас из тьмы возникла Ванесса вместе со своим скептицизмом!" Он чувствовал, что ее скептицизм непременно рухнул бы, не выдержав его демонстрации реальности столь странного феномена. Я возразил, что она сочла бы это лишь странным звуком в сочетании с галлюциногеном, в действии которого все больше сомневалась.

В какой-то момент брат так развелся, что мы все втроем вышли из хижины и остановились, глядя в кромешную тьму. Деннис размышлял о том, стоит ли сейчас отправиться на поиски Ванессы и Дейва, чтобы обсудить с ними произошедшее. Наконец мне и насмерть перепуганной Ив с трудом удалось уговорить его вернуться в хижину и отложить все до утра.

Снова оказавшись в хибине, мы еще раз попытались разобраться в том, что произошло. Я вполне понимал изумление Денниса: ведь именно знакомство со зрительными и речевыми особенностями ДМТ когда-то, впервые заставило меня заняться проблемой психоделиков и их места в природе. Кажется невероятным, когда под влиянием этих растительных метаболитов меняется все то, что ты считал незыблевой реальностью, и волнение - вполне объяснимая реакция на столь поучительный, более того, пугающий опыт.

Мы с братом всегда были близки, и эта близость особенно усилилась с тех пор, как умерла наша мать, но, путешествуя по Азии, я испытал такие переживания, которые ему были пока неведомы. Чтобы помочь всем успокоиться, а заодно и доказать, что то, что сейчас пришлось испытать Деннису, может случиться с каждым, мне пришло в голову рассказать одну историю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. КАТМАНДУ: ИНТЕРЛЮДИЯ

В которой взгляд в прошлое, на некоторые излишества в тантрическом стиле, произошедшие когда-то в главном оплоте хиппи в Азии, помогает пролить свет на странный эпизод с грибами в Ла Чоррере.

Два года тому назад, весной и летом 1969-го, я жил в Непале, где изучал тибетский язык. Волна интереса к буддизму еще только начиналась, поэтому те из нас, кто оказался в Непале из любви к тибетскому языку, объединились в сплоченную группу. Цель, которую я преследовал, изучая язык, отличала меня от большинства европейцев и американцев, которых привели в Непал проблемы лингвистики. Почти всех их интересовали те или иные аспекты философии буддизма махаяны, меня же влекла религиозная традиция, существовавшая еще до VII века и проникновения буддизма в Тибет.

Эта местная добудийская религия тибетцев представляла собой разновидность шаманизма и была тесно связана с мотивами и космологией классического сибирского шаманизма. Тибетский народный шаманизм, носящий название бон, и сейчас практикуют в горных районах Непала, пограничных с Тибетом. Буддисты обычно презирают таких практиков, считая их еретиками и вообще недостойными людьми.

Мой интерес к религии бон и тем, кто ее практикует (их называют бонпо), вырос из страстного увлечения тибетской живописью. В ее произведениях самые фантастические, причудливые и свирепые образы обычно родом из добудийской части народного пантеона- Дхармапалы, устрашающие хранители буддийского учения, многорукие и многоголовые, окруженные ореолом пламени и света, - это исконные бонские божества, чья верность появившейся позже буддийской религии поддерживается только благодаря могущественным ритуалам и обетам, которыми связаны эти всесильные демоны.

Мне казалось, что шаманской традиции, породившей столь диковинные фантастические образы, в свое время было известно какое-то галлюциногенное растение. Известно, что сибирские шаманы достигали экстатического состояния, используя гриб *Amanita muscaria*, и Гордон Уоссон провел исследование, подтверждающее, что в Индии в ведический период использовали тот же гриб. Поскольку Тибет лежит, грубо говоря, между двумя этими территориями, то вполне возможно, что до появления буддизма галлюциногены являлись частью местной шаманской традиции.

Amanita muscaria - только один из возможных кандидатов, которые могли применяться в древнем Тибете в качестве галлюциногена. Другим подозреваемым является *Peganum harmala* из семейства *Zygophallaceae*. Он, как и *Banisteriopsis caapi*, содержит значительное количество галлюциногенного бета-карболинового алкалоида гармалина и, возможно, сам является галлюциногеном. Разумеется, его сочетание с каким-нибудь DMT-содержащим растением - а флора Индии может похвальиться не одним таким - должно давать сильный галлюциноген, по своему составу близкий к настоем амазонской аяхуаски.

Так что в Непал меня привел интерес к тибетской живописи и шаманским галлюциногенам. Я узнал, что в Непале и в Индии, близ Симлы, есть лагеря беженцев, население которых почти полностью состоит из отверженных бонпо, поскольку в лагеря, где живут беженцы-буддисты, их пускают неохотно. Мне хотелось перенять у бонпо сохранившиеся знания о галлюциногенах, которые когда-то, возможно, были широко известны и использовались в шаманской практике. По наивности своей, я жаждал подтвердить возникшую у меня гипотезу о влиянии растительных галлюциногенов на тибетскую живопись, а потом написать об этом монографию.

Но вскоре после прибытия в Азию огромность задачи и усилия, которых потребовало бы ее осуществление, предстали передо мной в своих истинных размерах. Предполагаемый план был всего лишь наброском, тогда как такому исследованию нужно было посвятить жизнь! И разумеется, я обнаружил, что ничего не удастся сделать до тех пор, пока я не выучу тибетский. Поэтому я на время отложил свои научные замыслы и решил, что те несколько месяцев, которые обстоятельства позволяют мне пробыть в Непале, будут полностью посвящены освоению тибетского языка.

Я уехал из Катманду, подальше от соблазнов, предлагаемых курильнями гашиша, и от праздных увеселений международной компании путешественников, контрабандистов и искателей приключений, которые прочно обосновались в городе. Итак, я перебрался в Боднатх, деревушку, история которой теряется в веках, расположенную в нескольких милях к востоку от Катманду. В последнее время туда нахлынули толпы тибетцев из Лхасы, и все они говорили на лхасском диалекте, который понимают повсюду в Гималаях. В деревне жили буддисты, и я договорился, что буду учиться у тамошних монахов, не упоминая о своем интересе к бонпо. Поиски жилья привели меня в дом Ден Ба-до, местного мельника. Он принадлежал к невари, одной из основных этнических групп Непала. Зажиточный мельник согласился сдать мне комнату на третьем этаже своего глинобитного дома, выходящего окнами на грязную главную улицу Боднатха. Я сторговался с одной местной девушкой, чтобы она каждый день приносила мне питьевую воду, и удобно устроился в своем новом жилище. Я побелил глинобитные стены комнаты, приобрел на рынке в Катманду огромную сетку от москитов и разместил под ней книги и скамеечку - из тех, которые тибетцы используют для письма. Наконец, довольный и счастливый, я принялся старательно изображать из себя молодого путешественника и ученого.

Учителя моего звали Таши Гъялцен Лама. Он принадлежал к школе Гелугпа и был очень добрый и понимающий человек. Несмотря на почтенный возраст, он каждое утро являлся ровно в семь, чтобы в течение двух часов заниматься со мной. Я был невежественен, как дитя. Мы начали с чистописания и алфавита. Затем после ухода ламы я еще несколько часов занимался, а остаток дня принадлежал мне. Я обследовал охотничий заповедник царя Непала восточнее Боднатха и индуистские места ритуального сожжения трупов - они находились в соседнем Пашупатинатхе. А еще я познакомился с несколькими европейцами, которые жили в округе.

Среди них оказалась пара англичан, моих сверстников. Оба были по-своему привлекательны. Он, худощавый блондин с орлиным носом и ироническими манерами, характерными для образцового продукта британской системы закрытых учебных заведений, надменный и изысканно вежливый, отличался, тем не менее, оригинальностью и часто бывал забавен. Она, маленькая, болезненно худая - про себя я назвал бы ее костлявой, - рыжеволосая, сумасбродная и циничная, она, как и ее спутник, обладала острым умом.

Родственники считали их паршивыми овцами, и они вели кочевую жизнь хиппи, как и все мы в то время. Эту пару связывали странные отношения: из Англии они приехали вместе, но ослабление внутреннего напряжения, наступившее после прибытия в буколический Непал, оказалось слишком большим испытанием для их хрупкой связи. Теперь они жили порознь: он на одном краю Боднатха, она, в одиночестве, на другом. Встречались они только для того, чтобы вместе "наносить визиты" или поиграть друг у друга на нервах.

Сам не знаю почему, но в этом экзотическом окружении я был совершенно очарован ими обоими. Когда они приходили - поодиноке или вдвоем, - я охотно прерывал свои занятия, чтобы пообщаться с ними. Мы быстро подружились. Говорили мы, естественно, о моей работе, поскольку она касалась галлюциногенов: они относились к ней с интересом, так как еще в Лондоне попробовали ЛСД. К тому же мы выяснили, что в Индии у нас есть общие знакомые и что все мы любим романы Томаса Харди. Наша идиллия была на редкость приятной.

В то время для исследования шаманского измерения я использовал очень своеобразный метод: на самом пике вызванных ЛСД переживаний курил ДМТ. Так я поступал каждый раз, когда принимал ЛСД, а делал не так уж редко. Это позволяло мне подольше задержаться в триптаминовом измерении'. Приближалось летнее солнцестояние 1969 года, и я решил провести очередной такой эксперимент.

Я собирался принять ЛСД в ночь солнцестояния, а потом до утра просидеть на крыше, покуривая гашиш и любуясь звездами. О своем плане я рассказал друзьям-англичанам, и они выразили желание присоединиться ко мне. Я мог бы только порадоваться этому, но существовало одно затруднение: в округе не было надежного ЛСД. Мой собственный скучный запас прибыл в Катманду в пророческом укрытии - керамическом грибке, отправленном из Эспена почтой.

Получивши, я предложил им в качестве замены семя гималайского дурмана, *Datura metel* Дурман - однолетний кустарник, источник ряда тропановых алкалоидов - скополамина, гилосциамина и других составов, дающих псевдогаллюциногенный эффект. Они создают ощущение полета или смутные, ускользающие видения, но все это происходит в мире, с которым трудно совладать и припомнить который потом тоже бывает трудно. В Непале семена дурмана применяют садху (странствующие отшельники, или святые), так что в этих краях об этом растении знают. И все же я предложил его в шутку, поскольку о том, как сложно справиться с действием дурмана, ходят легенды. К моему удивлению, друзья мои охотно согласились, и мы договорились, что в назначенный день они придут ко мне в шесть часов вечера, чтобы вместе провести эксперимент.

Когда условленный день наконец настал, я перенес одеяла и трубки на крышу дома. Оттуда открывался чарующий вид на окрестную деревню и возвышающуюся над ней огромную ступу, с верхней части которой глядели нарисованные глаза Будды. В то время верхние золоченные уровни ступы стояли в лесах - шел ремонт поврежденной части, куда несколько месяцев назад ударила молния. Увенчанная куполом громада ступы придавала глинянитной беленой деревушке Боднатх фантастический, какой-то нездешний вид. Еще дальше на тысячи футов вздымались величественные отроги Аннапурны. Предгорья, как лоскунное одеяло, пестрели изумрудными клочками рисовых полей.

Часы показывали шесть, а друзей моих еще не было. В семь они тоже не появились, тогда я принял драгоценную таблетку Оранжевого Сияния и сел в ожидании. Через десять минут они пришли. Я уже чувствовал, что меня забирает, и показал им на две кучки семян дурмана, которые подготовил для них. Они забрали семена вниз, в мою комнату, чтобы там растолочь пестиком в ступке, прежде чем принять, запив чаем. Когда они вернулись на крышу и удобно устроились, меня уже носило по просторам воображения.

Мне казалось, что прошло много времени. Когда они усаживались, я витал слишком далеко, чтобы общаться с ними. Она сидела прямо напротив меня, он чуть подальше, сбоку, в тени. Он наигрывал на флейте. Я передал им трубку с гашишем. В небе медленно взошла полная луна. Я впал в навеянные галлюциногеном грэзы, которые длились минуты, а ощущались как не одна жизнь. Очнувшись после особенно длинной череды видений, я обнаружил, что мой друг закончил игру и удалился, оставив меня наедине со своей дамой.

Я обещал обоим, что этим вечером дам им попробовать ДМТ. Стеклянная трубка и крошечный запас оранжево-воскового ДМТ лежали передо мной. Медленно, плавными, как во сне, движениями я набил трубку и передал ей. На все это с огромной высоты смотрели яркие, мерцающие звезды. Она взяла трубку и сделала две глубокие затяжки - вполне достаточно для такой хрупкой особы, - потом трубка снова перешла ко мне, и я сделал четыре глубочайших

затяжки, причем четвертую задерживал до тех пор, пока хватало дыхания. Для меня это была огромная доза ДМТ; сразу же возникло чувство, будто я попал в полный вакуум. Я услышал пронзительный вой и звук разрывающегося целлофана, которые сопровождали мое преображение в охваченного оргазмом ультравысокочастотного гоблина - именно таким становится человек в угаре ДМТ. Меня окружала трескотня механических эльфов и арочные своды - куда круче арабских, - которые посрамили бы даже самого Биббиенну.

А вокруг бушевали проявления некой силы, одновременно враждебной и причудливо прекрасной.

К тому времени, когда в обычных условиях можно было бы ожидать угасания видений, предварительно принятая доза ЛСД подбросила меня еще выше. Подпрыгивающие орды механических эльфов слились в неразличимый рев - толпа эльфов наступала. Внезапно я обнаружил, что лежу над землей на высоте в несколько сотен миль в сопровождении серебристых дисков. Сколько их было, сказать не могу. Я был сосредоточен на виде простирающейся внизу земли и скоро понял, что лежу над Сибирью, по-видимому, по полярной орбите, направляясь на юг. Впереди виднелись величавое Шанское нагорье и массив Гималаев, вздывающийся перед желтовато-красной пустыней Индии, Солнце должно было взойти часа через два. Сделав несколько последовательных рывков, я сошел с орбиты и выбрал место, откуда смог отчетливо различить круглую впадину - долину Катманду. Еще один рывок - и долина заполнила все поле зрения. Похоже, я снижался на огромной скорости. Вот индуистский храм и дома Катманду к западу от города, вот храм Свайамбхунатх, а в нескольких милях к востоку - ступа в Боднатхе, сверкающая свежей побелкой. Потом Боднатх стал стремительно надвигаться, превращаясь в мандалу из домов и концентрических улиц. Среди сотен крыш я отыскал свою. И в следующий же миг, влетев в свое тело, вновь узрел плоскость крыши и женщину прямо перед собой.

Она явилась на эту встречу наряженная, совершенно неуместно одетая в длинное серебристое вечернее платье из атласа, словно извлеченное из чьего-то фамильного сундука, - такие можно встретить в лавке старинной одежды в Ноттинг Хилл Гейт. Я упал ничком, и мне показалось, что моя ладонь попала в какую-то прохладную белую жидкость - то была ткань ее платья. До этого мгновения ни один из нас не рассматривал другого в качестве потенциального любовника. Наши взаимоотношения строились на совершенно иной основе. И вдруг все обычные нормы отношений перестали существовать. Мы бросились друг к другу, и у меня возникло отчетливое ощущение, что я прошел сквозь ее тело и оказался у нее за спиной. Одним движением она стянула платье через голову. Я сделал то же самое со своей рубашкой, которая превратилась у меня в руках в изодранную тряпку, когда я стаскивал ее с себя. Я слышал, как разлетелись во все стороны пуговицы, как неудачно приземлившись, разбились мои очки.

Мы занялись любовью. Или, скорее, пережили нечто, имеющее весьма отдаленное отношение к этому занятию, но совершенно своеобразное. Мы оба пели и вопили, захваченные глоссолалией ДМТ, катались по крыше, качаясь на волнах набегающих геометрических галлюцинаций. Она преобразилась: трудно описать словами, какой она стала, - женское начало в чистом виде, Кали, Левкотея, нечто эротическое, но нечеловеческое, нечто обращенное к виду, но не индивидууму, излучающее угрозу людоедства, безумие, простор и уничтожение. Казалось, она вот-вот сожрет меня.

Реальность разбилась вдребезги. То был секс на самой границе возможного. Все преобразилось в оргазм и зримый лепечущий океан эльфской речи. Потом я увидел в том месте, где склеились наши тела, из нее на меня, на крышу струится, растекаясь повсюду, какая-то стеклянистая жидкость, что-то темное, блестящее, вспыхивающее изнутри разноцветными лучами. После видений, вызванных ДМТ, после приступов оргазма, после всего, что было, это новое наваждение потрясло меня до глубины души. Что это за жидкость и что вообще происходит? Я взглянул на нее. Я заглянул прямо в нее -- и передо мной возникло отражение поверхности моего же собственного разума. Что это было - транслингвистическая материя, живой, переливающийся вырост алхимической бездны гиперпространства или порождение полового акта, совершенного в полном безумии? Я снова заглянул в темную глубину и на этот раз увидел ламу, который обучал меня тибетскому языку, - в это время он, должно быть, спал на расстоянии мили отсюда. Но в жидкости я увидел его в обществе незнакомого мне монаха; они оба глядели в отполированную до зеркального блеска пластину. И тут я понял, что они наблюдают за мной! Это было выше моего разумения; Я отвел взгляд от жидкости и от моей партнерши: настолько сильна была окружающая ее аура нечеловечности.

И тут до меня дошло, что мы, находясь на моей крыше, в течение нескольких минут пели, горланили и издавали дикие органические вопли! Это означало, что весь Боднатх проснулся и сейчас разбуженные жители откроют окна и двери и потребуют у нас ответа, что происходит. И что же, собственно, происходило? Мне пришла на память любимая дедушкина присказка: "Боже милосердный! - промолвил вальдшнеп, когда его закогтил ястреб". Это абсурдно неуместное воспоминание вызвало у меня взрыв неудержимого хохота.

Но вскоре мысль о том, что нас могут увидеть, отрезвила меня до такой степени, что я понял: нужно срочно убираться с этого открытого места. Мы оба были совершенно голые, а вокруг нас царил полнейший и необъяснимый хаос. Девушка лежала не в силах подняться. Тогда я взял ее на руки и стал пробираться по узкой лестнице мимо кладовых с зерном к себе в комнату. Помню, что при этом я все время твердил, обращаясь к себе и к ней: "Я человек, человек". Мне было необходимо уверять себя, поскольку в тот миг я был в этом совершенно не уверен.

Мы выждали в моей комнате несколько минут. Постепенно я понял, что каким-то чудом - это было не менее странно, чем все остальное, что с нами произошло, - никто не проснулся и не призывает нас к ответу, желая узнать, что случилось. Похоже, никто ничего не услышал! Чтобы как-то успокоиться, я приготовил чай, и пока я им занимался, мне удалось понять состояние моей партнерши. Казалось, она находится в бреду и совершенно не способна говорить со мной о том, что только что произошло между нами на крыше. Именно так обычно и бывает после дурмана - очень трудно, а порой и просто невозможно припомнить, что же с тобой приключилось. Похоже, несмотря на то что случившееся включало самое сокровенное, что только может произойти между мужчиной и женщиной, я был единственным свидетелем, способным хоть что-то припомнить.

Размышая об этом, я выполз обратно на крышу и нашел свои очки. Невероятно, но они были целы и невредимы, хотя я ясно слышал, как они разбились. Натеков стеклянной жидкости - эктоплазматических выростов нашего тантического действия - нигде не было видно. Подобрав свои очки и нашу одежду, я вернулся в комнату, где спала моя партнерша. Курнув гашиша, я забрался под противомоскитную сетку и улегся рядом с ней. Несмотря на все возбуждение и полученную организмом стимуляцию, я сразу же заснул.

Не знаю, сколько времени я проспал. Внезапно я очнулся от глубокого сна. Было еще темно. Мой подруги и след простыл. Я изрядно встревожился: если она по-прежнему не в себе, ей опасно бродить ночью по деревне одной. Я вскочил, набросил на себя халебу и отправился на поиски. Ни на крыше, ни около кладовых ее не оказалось.

Обнаружил я ее на первом этаже дома. Она сидела на земляном полу, уставившись на свое отражение в бензобаке мотоцикла, принадлежавшего зятю мельника. Все еще не ориентируясь в окружающей обстановке - явление, типичное для дурмана, - она продолжала находиться во власти галлюцинаций и не могла понять, кто перед ней.

- "Вы мой портной?" - все спрашивала она меня, пока я вел ее в комнату.

- Вы мой портной?"

Когда мы снова оказались наверху в моей комнате, я снял халебу, и мы оба обнаружили, что на мне надет некий предмет туалета, который она деликатно назвала своими "штанишками". Мне они были явно малы, и ни один из нас не знал, как они на мне оказались. Этот маленький эпизод достойно увенчал изумительный вечер, и я оглушительно расхохотался. Я возвратил ей трусики, и мы снова улеглись спать, озадаченные, успокоенные, усталые и довольные.

После этого совместного переживания мы с девушкой особенно подружились. Любовью мы больше никогда не занимались - нас вполне устраивала дружба. О событиях на крыше она не помнила абсолютно ничего. Через неделю или около того я поведал ей о своих впечатлениях относительно произошедшего. Она изумилась, но отнеслась к случившемуся благосклонно. А что случилось, я и сам не знал. Я окрестил стеклянную жидкость, которую мы вырабатывали, "любовь". Это нечто большее, чем любовь, нечто меньшее, чем любовь, может быть, и вовсе не любовь, а некое пока непознанное до конца потенциальное человеческое переживание, о котором известно так мало.

Вот эту историю я и рассказал Дейву и Ив той ночью в Ла Чоррере, в "доме на пригорке", под раскачивание наших гамаков в свете фонаря да под то стихающий, то возобновляющийся стук дождя по крыше из пальмовых листьев. Именно тот случай и заронил во мне интерес к фиолетовой жидкости, которую, если верить слухам, шаманы-аяхуаскero выделяют из кожи и используют для гадания и целительства. И каждый раз, рассказывая эту историю, я обращаю главное внимание именно на феномене жидкости. И в ту туманную ночь, стараясь успокоить

Денниса, я тоже сделал основной акцент на нем, умолчав о том дурацком моменте, когда я проснулся в женских трусиках. Он только чертовски смущал, ничего не прибавляя к смыслу истории. Тогда я никому не рассказал об этом эпизоде, он остался моим личным воспоминанием. И сейчас я упоминаю о нем только потому, что позже этому нелепому инциденту суждено было оказаться центральным моментом проявления телепатии, убедительнее которого мне наблюдать не доводилось.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ФИОЛЕТОВАЯ ПСИХОЖИДКОСТЬ

В которой Деннис начинает обрисовывать свой подход к алхимическому опусу, а психожидкость -была она транслингвистической материей или нет - становится предметом спора.

Мой рассказ закончился, и все мы на несколько часов забылись беспокойным сном. В тусклом свете зари мы с Ив добрались до группы хижин, лепившихся по берегу Игара-Параны, повыше чорро, на расстоянии трех четвертей мили от нашего приюта. Мы знали, что витото, которые спускаются по реке, чтобы привезти детей в школу, останавливаются в этих обычно пустующих домах. Мы надеялись прикупить яиц, папайи или тыквы, чтобы внести разнообразие в наше меню, состоящее из неочищенного риса, юкки и бананов.

Мы нашли там только маленькую горстку людей; единственным товаром, которые был у них на продажу, оказались плоды сердцевидной формы размером с грейпфрут, полные скользких сладковатых зерен, плавающих в прозрачном красноватом сиропе. В те времена этот плод еще не был известен ботанической науке, лишь через несколько лет Шульц опишет его и назовет *Macoubea witotorum*. Мне же предстояло снова встретиться с этим плодом. Он оказался очень дешевым, и поскольку мы пришли в надежде хоть что-то купить, то потратили пятнадцать песо, получив взамен фунтов пятьдесят этих диковинных фруктов. Несмотря на то что я почти всю ночь напролет носился по океану мысленных галлюцинаций, я ощущал себя бодрым и здоровым. Взвалив на спину битком набитый мешок - это и была вся наша покупка, я быстрым шагом направился обратно к миссии.

Ходьба доставляла мне радость. Мешок казался легким, нести его было одно удовольствие. Не останавливаясь на отдых ни на минуту, мы с Ив вернулись в миссию и пошли в расположенную на берегу обитель Ванессы и Дейва, чтобы вместе позавтракать. Когда мы выходили из хижины на поиски пропитания, Деннис крепко спал. Теперь его не было - очевидно, проснувшись, он сразу же помчался будить Ванессу, чтобы поведать ей о том, что он пережил несколько часов назад. Доносящийся изнутри жужжащий звук, чувство одержимости - обо всем этом он возбужденно рассказывал, когда мы вошли в "речной дом" и я опустил на пол свою ношу. Пока все возились с завтраком, события минувшего вечера обсуждались и тщательно анализировались. На Ванессу и Дейва не произвело впечатления взволнованное заявление Денниса о том, что нам удалось уловить и некое в высшей степени своеобразное энергетическое поле. Я предложил Деннису не спорить о природе пережитого, а просто уединиться после завтрака и записать все, что придет в голову, о том странном звуке, который он издавал. Брат послушался моего совета и полез на холм к нашему дому, чтобы там побывать одному и сделать следующую запись:

28 февраля 1971 года.

Берусь за эти страницы со странным чувством ответственности, которое может возникнуть у человека, который столкнулся с каким-то необъяснимым феноменом: невероятным порождением сна или непонятным явлением природы. Задача, стоящая перед таким человеком, была бы весьма тонкой: описать феномен как можно точнее. Моя задача усложняется тем, что феномен, который я должен постараться описать, сам по себе имеет отношение к средствам описания, то есть к языку. Это довольно странное утверждение станет более осмысленным по мере исследования.

Что-то подсказывает мне, что, перед тем как двинуться дальше, необходимо упомянуть, кто же я такой. Еще двадцать четыре часа назад я считал, что знаю это, теперь же этот вопрос стал самым сложным из тех, которые когда-нибудь вставали передо мной. Вопросы, вытекающие из него, дадут ответы, которые позволят нам понять и использовать феномен, так трудно поддающийся описанию. Может статься, что это последние буквы грубого языка, которые я использую для того, чтобы что-то описать: поскольку данный феномен начинается на той грани языка, где наша способность создавать понятия пытается нащупать слова, но не находит их, я должен соблюдать осторожность, дабы не смешивать язык - символ - метафору и реальность, с которой я пытаюсь их соотнести.

Когда я позже прочитал этот пролог, он показался мне одновременно и грандиозным, и пугающим, но Денниса окружала аура спокойной уверенности, которая поневоле внушала уважение. Я ощущал, что Логос борется со словарем своего новейшего средства выражения. Похоже, ему все лучше удавалось достичь своей цели. Я стал читать дальше:

Поскольку любое явление возможно до какой-то степени описать эмпирически, наше тоже не является исключением. Проблема заключается в том, чтобы, воздействуя на химические процессы человеческого организма, вызвать совершенно особый звуковой и слуховой феномен. Такое состояние становится возможным, если ввести в организм растительные алкалоиды, обладающие высокими биодинамическими свойствами, а именно триптамины и МАО-ингибиторы (химические вещества, которые замедляют действие моноаминоксидазы - ферментной системы, окисляющей многие компоненты пищевых продуктов и психоактивных веществ до состояния безвредных побочных продуктов, или препятствуют ему. В присутствии МАО-ингибиторов вещества, которые при обычных условиях в процессе метаболизма превратились бы в пассивные побочные продукты, напротив, приобретают большую длительность физиологического и психологического действия), очень тщательно контролируя их параметры. По-видимому, данный феномен возможен в присутствии одних триптаминов, хотя торможение МАО определенно способствует его возбуждению, облегчая абсорбцию триптаминов. Непосредственно в нашей группе этот феномен удалось вызвать двоим: Теренс уже несколько лет экспериментирует со звуковым феноменом, возникающим под воздействием ДМТ. (Мои эксперименты заключались в следующем наблюдении: спонтанная глоссолалия, которую у меня вызывает ДМТ, иногда возбуждает нечто вроде приступа синестезии, при котором синтаксические конструкции, разговорная речь действительно становятся зримыми. Возможно, подобный эффект скрывался и за пережитым На крыше в Непале. Очевидно, столь необычные речевые и голосовые проявления характерны для состояний, вызываемых ДМТ).

До вчерашнего вечера, когда, приняв девятнадцать грибов строфария, я возбудил эту звуковую волну и в течение нескольких секунд испытывал на себе ее действие, Теренс был единственным известным мне человеком, который утверждал, что способен издавать этот звук. Прошлой ночью, съев грибы, мы легли в гамаки и стали ждать. К этому времени неприятная тяжесть, которая обычно ненадолго разливается по телу в начале вызванных строфарией видений, совершенно прошла. Она сменилась, по крайней мере у меня, теплым приливом удовлетворения и приятного самочувствия, который, казалось, постепенно затухает где-то внутри. Такие ощущения бывали у меня и раньше - и после грибов, и сразу же после кайфа от приема ДМТ. Потом мы заговорили о людях, которые находятся на большом расстоянии от нас, и о том, можно ли попробовать связаться с ними через четвертое измерение: поскольку для шаманизма магическая связь на расстоянии, по-видимому, вполне обычное дело, такой поворот разговора не был для нас чем-то странным. Одно могу сказать совершенно определенно: в какой-то миг, близкий по времени к этой теме, я услышал безмерно далекий- и слабый звук. Он раздавался где-то между ушами и доносился не снаружи, а изнутри - это совершенно точно, каким бы невероятным это ни казалось, - причем на редкость отчетливо, хотя и на самом пределе человеческого слуха. То был звук, похожий на очень слабый сигнал радиоприемника, зудящего где-то вдали: сначала он напоминал перезвон колоколов, но, постепенно усиливаясь, превратился в электрическое пощелкивание, потрескивание, бульканье, шипение. Я попытался воспроизвести эти звуки голосом - просто эксперимента ради, издавая гортанное гудение и жужжание. И вдруг получилось, будто мой голос и этот звук намертво соединились: звук стал моим голосом, но он исходил из меня в таком искаженном виде, какой не способен принять ни один человеческий голос. Внезапно звук значительно усилился и теперь походил на стрекотанье гигантского насекомого.

Пока Деннис писал, остальные лениво плавали в реке и занимались стиркой под чистым, бездонно синим безоблачным амазонским небом. Порой монотонный звон цикад вдруг вздыпался слитной волной и, перемахнув через теплую, сверкающую гладь ласково струящейся Игара-Параны, как электрический разряд падал на землю, притихшую под зноем тропического дня.

Ближе к вечеру Деннис вернулся на берег - он искал меня. Застал он меня за стиркой теннисных туфель - этим делом я занимался на большом плоском камне, который благодаря неровности речного дна удобно выступал из воды на фут или около того. И конечно, благодаря этому удобству, он служил в округе излюбленным местом для стирки. А место было волшебное, но его волшебство еще таилось в будущем, его отделяли от сегодняшнего дня ровно две недели. Мы сидели на камне

и разговаривали. Со времени вчерашнего эпизода со странным звуком прошло часов шестнадцать. Деннис сказал, что письменное упражнение оказалось весьма полезным.

- Вот и отлично! Ну, к чему же ты пришел?

- Еще не уверен. Я очень волнуюсь, но какова бы ни была причина моего волнения, она рождает мысли в мозгу едва ли не быстрее, чем я успеваю их записывать.

- Мысли? Что за мысли?

- Забавные. Мысли о том, как можно использовать этот эффект, эту штуку - словом, что бы это ни было. Интуиция мне подсказывает, что это имеет отношение к психожидкостям, о которых писал Майкл Харнер в июньском выпуске "Нейчерал хистори" за 1969 год, и к тому, что случилось с тобой в Боднатхе. Помнишь, Харнер высказал предположение, будто аяхуаскеро изрыгают некую волшебную жижу, на которой и основана их способность предсказывать будущее? Вот и у нас получилось что-то в этом роде - транслингвистический феномен, издаваемый голосом.

Так мы неторопливо беседовали на берегу реки, перебирая возможности и случайности. Деннис непременно хотел связать то, что произошло со мной в Непале, с весьма странным явлением, бытующим у шаманов дживаро в Эквадоре. Эти шаманы принимают аяхуаску, после чего они - и любой другой, кто ее примет, - получают способность видеть некую субстанцию, про которую говорят, что она фиолетовая или темно-синяя и пузырится, как жидкость. Когда после приема аяхуаски у вас возникает рвота, вы выбрасываете именно эту жидкость; кроме того, она выступает на коже как пот. Вот эту любопытную штуку дживаро и используют в большинстве своих колдовских обрядов. Все это держится в строжайшей тайне. Очевидцы утверждают, что шаманы выливают жижу на землю перед собой и, глядя в нее, видят другие края и времена. Если верить им, природа этой жидкости полностью выходит за пределы обычного опыта; она состоит из пространства-времени или мысли, или же представляет собой чистую галлюцинацию, которая приобретает объективное выражение, но всегда ограниченное пределами жидкости.

В своих исследованиях дживаро Харнер был не одинок. С самого начала поступления этнографических отчетов с Амазонки пошли слухи и неподтвержденные сообщения о волшебных выделениях и психофизических объектах - продуктах человеческой жизнедеятельности, - которые благодаря использованию галлюциногенов и заклинаний наделяются колдовскими силами. Мне припомнилось замечание алхимиков о том, что тайна скрыта в испражнениях.

- Материя, существующая за пределами трех измерений и потому

- Да. Не уверен, что это значит, но, по-моему, нечто в этом роде. Черт побери, а почему бы и нет? Я имею в виду, что это звучит довольно дико, но ведь это еще и система символов, которую мы принесли с собой и которая согласуется с магией шаманов, - а ведь именно ее поиски и привели нас сюда.

- "Вот зачем ты взошел на борт, парень, - гоняться за Белым Китом по всем морям и океанам, на обоих полушариях земли, пока не прольется его черная кровь и не перевернется он кверху брюхом". Ты ведь это имел в виду?

Обращение к мелвилловской риторике было неожиданным и совсем не характерным для него. И где он только нахватался цитат?

- Да, пожалуй.

- Только дело вот в чем: если действительно происходит что-то сверхъестественное, нужно его исследовать и выяснить, что же это такое, а потом свести к какой-то понятной схеме. Положим, мы не представляем, с чем имеем дело, но, с другой стороны, нам известно, что мы прибыли сюда, чтобы исследовать магию шаманов в целом. Поэтому сейчас мы должны продолжать работу над этим эффектом - или как там еще его можно назвать - в надежде, что мы знаем что делаем и что у нас достаточно данных, чтобы его раскусить. Мы забрались слишком далеко, чтобы заняться чем-то другим, а пренебречь таким случаем - значит упустить блестящую возможность.

- Да, ты прав, - ответил я. - Только впереди у нас темный лес. Сначала Иное показалось нам таким доступным - сам знаешь, новичкам часто везет. Это все гриб или гриб вместе с дымом аяхуаски - трудно сказать наверняка. Слишком много переменных. Да к тому же еще столько совпадений.

- То-то и оно. Я чувствую, нас ждет что-то потрясающее. Остается только пристально наблюдать за своей буйной фантазией и не проворонить того, что развивается. Добрый старый метод Юнга - только и всего.

- Да, - согласился я, - в идеале все это можно было бы довести до такого момента, когда можно будет поставить какой-то опыт, чтобы проверить подлинность этого эффекта.

Мне припомнился эпизод в книге "Учение дона Хуана", когда пейотный человечек, Мескалито, поворачивает руку ладонью вверх, и на ней Карлос Кастанеда видит случай из своего прошлого.

Если этот феномен действительно существует в природе, то, быть может, суть его вот в чем: образуется очень тонкая чувствительная пленка жидкости, связывающей нас с иными измерениями и способной улавливать мысленные образы. И когда вы в нее смотрите, возникает совершенно обратная связь. Жидкость становится зеркалом, в котором отражается не ваш физический облик, а мша внутренняя сущность. Разумеется, все это одни рассуждения. Существует ли такая жидкость на самом деле? Или это всего лишь галлюцинация? Кто, спрашивается, может в такое поверить?

У Денниса возникло твердое убеждение, что это как-то связано со звуком, что возможно либо стабилизировать такое вещество, либо вызывать его появление, каким-то образом изменяя свой голос-Идея странная и шаткая, поскольку ее можно экстраполировать до бесконечности: ведь что бы это ни было, оно состоит из того же материала, что и само воображение. Если ограничить это вещество тремя измерениями, оно может быть чем угодно, и все же фиолетовая эктоплазменная мыслежидкость должна существовать только в четвертом измерении. Можно предположить, что, пробив иное измерение, можно заставить эту жидкость, кипя, выливаться наружу. Одним словом, болтовня для умников. Глупейший словесный понос.

Он долго и вдохновенно распространялся на эту тему. Я был в восторге. ЕГО идеи казались мне замечательными. Я ощущал, что из триптаминового океана в наши сети попалась еще одна идея. Только - что с ней делать? - вот в чем вопрос.

Вспоминая об этом теперь, столько всего узнав за прошедшие двадцать лет, трудно с уверенностью сказать, во что именно мы верили тогда, в Ла Чоррере, какого уровня понимания достигли в ту пору.

Нами владели легкость и восторг - первые навеянные грибами переживания с этим дивном уединенном месте привели нас в состояние плавно нарастающей эйфории. Счастливое это было время. Нас подстегивала перспектива скорой разгадки Тайны - так мы тогда называли весь спектр эффектов, входящих в вызываемый триптамином экстаз, - да еще в обстоятельствах, столь близких к идеальным. Вот что стало компасом и кораблем в наших поисках; ажурные топологии галактических ульев в диметилтриптаминовом забытье, то переплетение дешевой болтовни и формальной математики, где желания превращаются в коней, и все пускаются вскачь. Нам не была чужда мысль об Ином, но она представляла перед нами только в виде мимолетных проблесков, в облике *lux natura*, лучей духовности, пробивающихся из глубин органической природы. В то время мы были поклонниками Богини, но еще не стали ее возлюбленными.

Мне кажется, все члены нашей маленькой экспедиции ощущали, что вокруг нас что-то открывается, что время растягивается и мы медленно кружимся в расширяющемся зеленом мире, пульсирующем странной, почти эротической жизнью, который окружал нас на тысячи миль. Джунгли как разум, висящая в космосе планета как разум - образы упорядоченности и разумной организации, толпясь, подступали со всех сторон. Какими же мы были маленькими, как мало знали и как неуемно гордились тем, что знали, ощущая себя сродни посланцам человечества, встретившим нечто неведомое. Иное, нечто такое, что с самого начала находилось на грани человеческого восприятия. В эти первые дни, проведенные в Ла Чоррере, к нашему задору примешивалось какое-то гордое и надменное величие.

Следующий день, первого марта, прошел без особых событий. Деннис корпел над своим дневником. Я ловил насекомых. Ванесса фотографировала окрестности миссии. Вечером мы все опять собирались вместе у гребня холма, где стояло наше маленько жилище. Мы с Ив сидели рядом, глядя на озеро, в безмолвном согласии друг с другом и рекой.

Первой заметила неладное Ив. Озеро пониже чорро белело хлопьями пены, которую взбивал поток воды, низвергающийся сквозь узкое русло. Плавающие на бурной воде хлопья отмечали течение реки, которая впадала в озеро и вытекала из него с противоположной стороны. Именно это привлекло внимание Ив. Понаоблюдав за поверхностью воды несколько минут, она заметила, что в движение крапчатой поверхности у дальнего берега озера внезапно вкраилась перемена: вода там как будто застыла. Вот именно - просто остановилась. Поверхность казалась заледеневшей, и в то же время другая половина реки продолжала течь как ни в чем не бывало.

Из хижины вызвали Денниса и Ванессу, и они согласились, что эффект удивительный. Когда они стали гадать о причинах, было ли тому виной время дня, освещение, оптическая иллюзия или что-то другое, я ушел: все во мне противилось их доводам. Как только высказывалась очередная

догадка, у меня возникала глубокая внутренняя уверенность, что ситуация развивается именно так, как ей надлежит развиваться, и каждый играет роль, отведенную ему, причем делает это безупречно.

Такое состояние спокойного, всепонимающего смирения было для меня чем-то новым. Возможно, оно усилилось под влиянием съеденных грибов, но проявляться начало раньше, во время месячного пребывания в Колумбии, предшествовавшего нашему походу в джунгли. Еще несколько недель назад я бы принял участие в этом споре, теперь же предоставил ему развиваться своим чередом. Проходя по берегу, я искал места, где бы присесть: Деннис дал мне прочитать выдержку из своего дневника за тот день.

1 марта 1971 года.

Вчера вечером, съев один гриб и покурив травы, я снова вызвал тот феномен. Переживание почти полностью совпало с тем, которое было у меня в первый раз: вздывающаяся, пульсирующая волна гортанного гудения, которое стремительно усиливалось и набирало сокрушительную энергию по мере того, как я его издавал. Я мог бы продлить этот звук и дальше, за пределы краткого всплеска, но не стал - из-за энергии. Уверен, что скоро смогу вызывать этот звук, совсем не прибегая к триптамину или каким бы то ни было другим веществам. С каждым разом включаться становится все легче, и теперь я чувствую, что смогу воспроизвести его в любое время. Совершенно ясно, что звук представляет собой обучаемое действие, которое вызывается и стимулируется триптаминами, но, если его понять и освоить, можно обойтись и без триптаминов. До сих пор нам удалось установить наличие своеобразного голосового феномена у двух индивидуумов, поставленных в сходные экспериментальные условия. Теперь нужно попытаться выяснить, что же представляет собой данный феномен. Необходимо провести эксперименты со звуком и, базируясь на их результатах, вывести теории, которые помогут нам понять процесс в действии. Теренс экспериментирует с этими звуками гораздо дальше, чем кто-то другой (насколько мне известно, единственный, кроме него, я сам), и ему уже удалось обнаружить кое-что интересное.

Нечто вроде того, что обычно невидимая синтаксическая паутина, удерживающая вместе и языки, и весь мир, может отвердеть или изменить свой онтологический статус и стать видимой. Похоже, и вправду существует некое параллельное измерение мысли, где все состоит из видимой речи, что-то вроде соседнего мирка, населенного эльфами, которые сами воспевают себя в жизнь и приглашают всех встречных последовать их примеру. Он описывает состояние, вызываемое ДМТ, в котором возможны продолжительные всплески такой звуковой энергии, когда видишь, как звуковые уровни уплотняются и в конце концов материализуются, превращаясь в крошечных существ, похожих на заводных гномов, сделанных из материала, напоминающего стеклянную пену, которая изливается из тела, рта и половых органов в течение всего времени, пока длится звук. Она пузырится, фосфоресцирует и не поддается описанию. Перед ней языковая метафора беспомощна, ибо на самом деле вещество это представляет собой запредельную для языка материю. Это речь, но состоит она не из слов; это речь, которая становится и является тем, о чем говорит. Она суть более совершенный первичный Логос. Мы убеждены, что, экспериментируя с этими голосовыми феноменами-при воздействии психоделиков и без них, - можно будет постичь транслингвистическую материю и использовать ее для достижения любой реальности, ибо произнести что-либо таким голосом - значит заставить это случиться!

Не будучи в то время химиками, мы сумели обратить сгущение духа в идею транслингвистической материи. Слово, предмет и познание слились воедино в лучших традициях высшей тантрической йоги. Брат мой был во власти откровения - тайны алхимии в ее самом традиционном смысле:

Столь опрометчивое утверждение могло бы показаться нелепым, не будь оно подкреплено долгими, изнурительными размышлениями на эту тему. Наши исследования в области химии мышления, метаболизма триптамина, природы мысли, сознания, истории, магии, шаманизма, квантовой и релятивистской физики, метаморфозы, насекомых, алхимических процессов и т.д. в совокупности с интуитивным пониманием некаузальных синхронистических процессов, происходящих под действием строфарии, позволяют нам осмелиться на не совсем уж диковинную догадку относительно того, чем может быть этот облекающийся в форму звук. Влияя на нервные ткани, галлюциногены способны во временном измерении вносить изменения в сознание. Понятно, что само сознание тоже может производить изменения в трех измерениях. Под действием триптаминов появляется возможность при наличии определенных условий слышать и издавать

голосом звук, который проходит через копировальное устройство высших измерений и сгущается, образуя транслингвистическую материю, т.е. материю, которая повторяет себя во времени, - вроде голограммы, которая повторяет себя в пространстве. Субстанция, возникновение которой инициируют звуки, - это триптамин, продукт метаболизма мысли, проходящей через высшее пространственное измерение. Она является собой молекулу иного измерения, совершающую путь во внешнем для себя пространстве "этого" мира. Гипермерная природа данного материала такова, что он является собой одновременно все - и понятия, и мысли, и миры, и людей, и события, - сплавленное в единое целое силою алхимии ума, достояния высших измерений.

Такова гипотеза загадочной и магической слизи, легенды о которой и по сию пору сохранились на менее исследованных притонах Амазонки. Там ходят упорные слухи о неком магическом веществе, которое искусные шаманы выделяют из своего тела. Оно якобы помогает им врачевать, творить чудеса и добывать сведения, которые невозможно получить никаким из обычных способов. Как волшебные зеркала, знакомые нам по сказкам, волшебные жидкости из бытующих в джунглях поверий - это окна, позволяющие заглянуть в далекие времена и края. Наша задача состояла в том, чтобы создать достоверную модель того, как может происходить такой феномен, не забывая при этом об известных или подразумеваемых законах физики и химии. Задача не из легких! В своем дневнике Деннис размышлял:

Возникает множество вопросов относительно феноменологии этой временной голограммы как жидкой матрицы. Мы полагаем, что триптамин, продукт метаболизма высших измерений - алхимический феномен, заключающийся в правильном соединении триптамина (соединения, почти повсеместно встречающегося в органическом мире) с произносимым голосом звуком, который опосредован умом.

Именно ум управляет этим процессом, а управление заключается в гармонической настройке на внутренний аудиолингвистический феномен, который, возможно, представляет собой "тон" электронного парамагнитного резонанса молекулы псилоцибина. И когда наступает смыкание с этим тоном - процесс, который заключается главным образом в доведенном до совершенства звукоподражании внутреннему тону, - то вырабатывается гипермерный триптамин. Является ли он таким же продуктом ума, как и мысль? Реален ли он, как любая жидкость, как вода? Харнер утверждает, что шаманы дживаро под влиянием триптамина, употребляемого вместе с *Banisteriopsis caapi* (аяхусака), замедляющей действие МАО, вырабатывают светящуюся жидкость, благодаря которой и творят все свои колдовские дела. Говорят, что эту невидимую обычным глазом жидкость может увидеть любой, кто отведает настой аяхусаки, которую часто связывают с фиолетовым свечением и темно-синими галлюцинациями. Возможно, речь идет о термической плазме, видимой только в ультрафиолетовом спектре. Если окажется, что этот феномен подпадает под вышеупомянутую категорию "продукт ума" и действует так, как описано, но с одной оговоркой: он не имеет отношения к обычному пространству-времени, то он все равно представляет собой суть того гиперизмерения, которое Юнг назвал коллективным бессознательным.

Если оглянуться в прошлое с высоты двадцатилетнего опыта, эти записи покажутся одновременно заумными и наивными. Теория о возможности совместной метаморфозы мира мысли и материи противоречит принципам интуитивизма и концептуально усложнена, и все же именно уверенность, что за этим феноменом или за представлением о нем скрывается нечто реальное, явилась тем главным, что привело нас к исследованию шаманизма в бассейне Амазонки. Прочитав эти записи впервые, я усомнился в прочитанном. Казалось, в нем нет и крупицы здравого смысла. Я так и не сумел толком ничего понять. Однако и сегодня, когда позади лежат годы исследований, направленных на осмысление событий в Ла Чоррере, эти идеи кажутся такими же волшебно близкими и одновременно далекими, какими показались мне тогда. У нас была теория и был опыт, и вскоре мы решили попытаться связать их воедино, поставив эксперимент, результаты которого были бы абсурдны, не содержись в странных идеях, рожденных в тот период, зерна практической истины.

Вечером, перед тем как лечь спать, Ив, Деннис и я выкурили самокрутку Санта-Марты-Голд. Когда мы уселись и начали этот ритуал, вокруг стояла тихая, совершенно ясная ночь. Ив что-то сказала по этому поводу, и все мы на миг взглянули на Млечный путь. Небо было усеяно миллионами звезд. Мы покуривали, храня благоговейное молчание. Прошло, наверное, минут пять, а каждый из нас все еще блуждал в своих мыслях. Мечты наши прервал возглас Денниса:

- Взгляните, как быстро изменилась воздушная среда! Туман поднимается.

И точно. Вокруг на расстоянии футов в семьдесят жался к земле слой густого тумана толщиной всего в несколько футов. И вот, прямо у нас на глазах, он начал разбухать, распространяясь ввысь и вширь, пока не превратился в плотную пелену, окутавшую всю окрестность. Всего несколько минут - и на месте бездонного и ясного неба возникла сплошная завеса тумана. Я был искренне изумлен. Первым предложил объяснение Деннис, причем уверенность его была еще более ошеломляющей, чем само явление:

- Это нестабильность давления, которая под влиянием нашей горящей самокрутки смогла перейти критический порог.

- Ты, должно быть, меня разыгryваешь! - не поверил я. - Неужели ты хочешь сказать, что жар от нашей самокрутки заставил воду вокруг нас сгуститься в видимый туман, и это явилось началом цепной реакции для всего перенасыщенного влагой окрестного воздуха? Не можешь же ты утверждать такое всерьез!

- Нет-нет, именно так оно и есть! Более того, это произошло не случайно, вернее сказать, нечто, может быть, гриб, использует это в качестве примера. Это его способ показать нам, что малые нестабильности в системе могут создавать общие большие колебания. (Разумеется, никто из нас не мог тогда знать, что в последующие десятилетия математики будут изучать такие вот идеи под названием "теория и динамика хаоса")

- Ну, ты даешь!

Эта болтовня Денниса выбила меня из колеи. Я и вообразить не мог, что его объяснение верно, и недоумевал, как он сам может считать его правдоподобным. Мне впервые пришло в голову, что он слегка свихнулся. Тогда, думая об этом, я не пользовался жаргоном психоаналитиков, но заметил у себя реакцию, которая включала мысль о том, что он соскальзывает в мифopoэтическую реальность, или, как я тогда для себя сформулировал, "у него крыша поехала".

Тем временем туман стал совершенно непроглядным, и все мы пошли спать. Но перед этим Ив рассказала, что во время молчания, предшествующего появлению тумана, у нее была галлюцинация. Когда она сидела с закрытыми глазами, ей привиделось странное, похожее на эльфа существо, которое катило по земле сложный многогранник. И каждая его грань, сказала она, казалась окном в другое время и в другой мир.

- Камень! - вырвалось у меня. Я почти ощутимо представлял ее видение: да это же *lapis philosophorum* (философский камень), лучезарная цель, веками манившая алхимиков и магов, блеснула в тропической ночи в виде Огромного многомерного алмаза, философский камень, хранимый подземным гномом. Какой глубинной и проникновенной силой обладал этот образ! Казалось, я ощущал душевые чаяния древних алхимиков - признанных авторитетов и никому не известных тружеников, искающих этот *lapis* в клубящемся дыму своих перегонных кубов. Я, казалось, видел золотую цепь adeptov, уходящую в далекое эллинистическое прошлое, Гермесовы скрижали, проект, затмевающий своим размахом империи века, - не что иное, как попытка спасения падшего человечества силой возвращения материи утраченной духовности. Я никогда не представлял себе загадку камня в таком разрезе, но, пока я слушал рассказ Ив о том, что она видела, у меня возник мысленный образ, который и по сию пору остается со мной. Это образ философского камня как гипермерного самоцвета, превращающегося в НЛО человеческой души как космического корабля. Именно он есть универсальная панацея после конца времени, а вся история - это лишь ударная волна сего окончательного осуществления потенции человеческой души. Вит такие мысли, такие откровения, казавшиеся мне тогда шевелением чего-то необъятного, чего-то смутно предчувствуемого, протянувшегося через миллионы лет и имеющего отношение к судьбе человечества и возвращению души к ее рождающему восторг и трепет тайному источнику, посетили меня в ту ночь. Что же происходило с нами?

Чувство необычного было почти осязаемо. Казалось, темные бездны пространства и времени разверзаются прямо у нас под ногами. Образ висящей в космическом пространстве Земли эмоциональнодовел над всем, что нас окружало. Что же это было в действительности? Я лежал в гамаке, взволнованный и напуганный, постепенно погружаясь в сон. И вот он пришел, спасительный и глубокий, а с ним и глубокие сновидения, от которых к утру ничего не осталось, кроме ощущения зияющей звездной бездны.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ОПУС НАЧИНАЕТ ВЫРИСОВЫВАТЬСЯ

В которой Деннис обнародует свою стратегию осуществления Великого Деяния.

Утро 2 марта 1971 года выдалось в Ла Чоррере хрустально-прозрачным и жарким. Этого дня мы - Ив, Деннис и я - давно ждали, чтобы завладеть домом в лесу, который наконец освободился. Именно в то утро мы были возбуждены больше чем обычно, что было связано с частыми сменами жилья. Вот уже три дня, сразу же после эпизода с глоссолалией, случившегося двадцать седьмого, Деннис беспрестанно твердил, что энергия этого феномена столь велика, что нельзя продолжать эксперимент, пока мы не окажемся в полном уединении, которое обеспечит нам дом в лесу.

Мы начали переселяться на новое место вскоре после рассвета, чтобы не делать это в дневное пекло. Путь, по которому нам предстояло перебраться самим и перетащить снаряжение, пролегал через пастбище - мы не бывали там со временем опыта с грибами, который провели три дня назад. Весь выгон пестрел строфариями. Казалось, не было ни одной коровьей лепешки, из которой не торчал бы отличный золотистый гриб. Я пообещал себе, что как только мы приведем в порядок свой новый дом и покончим с переездом, то сразу же снова примемся за грибы.

Однако в свете последних заманчивых теорий и первоначальных этноботанических планов мы все же не оставляли мысли о поисках неуловимого у-ку-хе. Первоочередной же нашей задачей было использовать аяхуску в качестве МАО-ингибитора и решающего наши проблемы психоделика, а кроме того, приготовить и испробовать настой из *Banisteriopsis caapi*, которую мы с Ив получили от Базилио несколько дней назад. (Научная основа нашей работы подробно описана в "Невидимом ландшафте". Эта книга - выражение нашей общей всесторонне обдуманной точки зрения, которая сложилась у нас к 1975 году. С этих пор идеи эти подвергались многократной переоценке по мере того, как отсеивались мифы и заблуждения, вплетенные в ткань их первой концепции.)

Получилось так, что остаток дня после переезда мы с Ив провели, расчищая пространство вокруг хижины и выдирая из песчаной почвы большие древесные корни. Мы раскладывали их на солнце для просушки, чтобы потом использовать вместо дров для костра, который нам понадобится для приготовления аяхуски. Физическая усталость приносила наслаждение. Казалось, все напоено энергией и светом. Деннис после случая с внутренним звуком, который мы восприняли так неоднозначно, вел себя довольно замкнуто и раздраженно. Захватив дневник, он побрел по лесной тропе, ведущей к деревне витого, которая располагалась километрах в тринадцати от нас. Ближе к вечеру брат вернулся очень возбужденный. Он закончил предварительные наброски к тому, что впоследствии стало называться "Экспериментом в Ла Чоррере". Это, по сути, единственная запись его идей, сделанная в то время, и как таковая, она является собой единственный экземпляр важнейших документальных сведений о том, как мы относились к тому, что делали, в тот момент, когда мы это делали.

Разумеется, эти записи не представляют собой окончательного варианта наших теоретизирований на данную тему, так, что не стоит судить их слишком строго. От самого момента своего рождения эти идеи стали подвергаться постоянному уточнению. И все же, каким законченным было видение, как отлично вписывались в него все детали! Теория, изложенная в записях моего брата, остается рабочей основой для понимания этого эффекта, который мы вызвали пятого марта во время завершения эксперимента. Они стали для нас рабочими наметками и в качестве таковых принесли нам неоценимую пользу. Однако эти записи не предназначены для робкого читателя, поскольку их можно принять за алхимический трактат.

А что такое алхимия, как не испытание пределов языка да и пределов материи тоже! Аппараты алхимиков лучше всего работают в воображении. Возможно, маги захотят получше вникнуть в эту алхимическую абракадабру, и для них я дам расшифровку в следующей главе. Остальные же читатели скорее всего лишь пробегут по ней торопливым взглядом, чтобы снова углубиться в то, что и без набросков заумных теорий представляет собой чертовски любопытную историю:

4 марта 1971 года.

Проведенные вчера новые эксперименты с феноменом психозвукового отклонения ставят ряд новых интересных вопросов и углубляют то понимание, которым мы обладаем на сегодняшний день. И остановился ни термине "психозвуковое отклонение", потому что в настоящее время то, что Мне довелось испытать вкупе с пнем, 0 чём мне рассказывали раньше, дает мне основание считать: все это связано с созданием посредством голоса особого энергетического поля, способного прорвать трехмерное пространство. Пока мне непонятно, обладает ли это поле электромагнитной природой, но, похоже, что оно искривляет пространство таким образом, что то, пройдя через высшее измерение, снова возвращается к себе. Вот как это получается:

Чтобы сделать звук слышимым, необходимо принять достаточную дозу псилоцибина. Насколько мы понимаем, этот звук представляет собой электронный парамагнитный резонанс (ЭПР) содержащихся в грибе алкалоидов псилоцибина. Наличие в аяхусаке быстро обменивающихся, обладающих высокой энергией триптаминов играет роль антенны, которая делает нервную ткань очень чувствительной к энергии парамагнитного резонанса, содержащегося в строфарии псилоцибина. Именно этот принцип и дает возможность сделать сигнал слышимым. Далее, используя в качестве антенны добавку триптомина, его необходимо усилить до уровня, который представляется его максимальной амплитудой. Затем посредством создаваемого голосом звука эта энергия вводится в гарминовый комплекс человека и гриба, небольшая часть которого предварительно охлаждается до абсолютного нуля - температуры, при которой вибрация молекул прекращается, что вызвано поглощением ЭПР-импульсов псилоцибина.

После обнаружения такой ЭПР-волны возникает возможность ее усиления в мозговых контурах методом пропускания через гарминовый комплекс, то есть имитируя голосом псилоцибиновый ЭПР и тем самым заставляя усиленный звук издавать гармонический тон (при этом в процессе метаболизма получается гармин и таким образом возбуждается гарминовый ЭПР). Поскольку гарминовые комплексы - это всего лишь продление той самой биосинтетической цепи, которая превращает триптофан в псилоцибин, то ЭПР-тон псилоцибина можно рассматривать как гармонический обертон гармина и наоборот.

Используя гармонические обертоны, можно извлекать тон, который будет гасить одну или несколько своих октав, отраженных в гармонических гаммах выше или ниже его. Это можно легко продемонстрировать на примере виолончели: предположим, мы берем какую-то ноту, скажем, ля, на открытой струне. Звук - это волновое колебание молекул воздуха, создаваемое струной, которая потом действует как резонатор. Громче всего звук слышен в той тональности, в которой извлекается, но он еще и озвучивает каждую вторую тональность ля в октавах выше и ниже ее. Можно погасить исходный тон, очень легко тронув струну в определенных гармонических тонах. При этом становятся слышны обертоны в верхнем и нижнем регистрах. Если как следует разбираться в теории гармонических резонаторов, то можно заранее сказать, какие обертоны начнут резонировать, если коснуться струны в Определенных точках.

Если мы перенесем принцип этого явления на возбуждение молекулярного ЭПР, то, в сущности, получим ту же картину. Когда ЭПР-тон псилоцибина становится слышим благодаря использованию триптоминовой антенны, он порождает гармонический тон в гарминовых комплексах - продукте метаболизма в системе, - вынуждая ее ЭПР резонировать на более высоком уровне. В соответствии с принципами акустики это автоматически приводит к затуханию первоначального тона, то есть псилоцибинового ЭПР, и вынуждает молекулы прекратить вибрацию; однако ЭПР-тон, поддерживающий молекулярную связь, сохраняется в течение микросекунды благодаря обертонному ЭПР гарминового комплекса. При этом мгновенно обесточенный сверхпроводник - псилоцибин - остается в подвешенном состоянии в низкоэнергетическом электромагнитном поле, создаваемом гарминовым ЭПР. Благодаря этому он снова обретает свой первоначальный, но усиленный сверхпроводимостью ЭПР-сигнал, который навсегда сообщает ему состояние сверхпроводимости.

По мере того как этот феномен развивается, он автоматически возбуждает процесс, обратный первоначальному. Псилоцибин, которому разум сообщает сверхпроводящий заряд, гармонически гасит ЭПР-резонанс содержащегося в мозгу гармина, Энергия ЭПР гармино-псилоцибинового комплекса мгновенно поглощается тканью гриба. Это вынуждает молекулы, обменивающиеся в организме и связанные с нервными ДНК, мгновенно достичь абсолютного нуля. Совершенно очевидно, что комплекс гармин-псилоцибин-ДНК должен тотчас же отделиться от клеточной ткани. Этот момент чреват большой опасностью, но есть возможность справиться с ней. Мы обнаруживаем, что эти молекулы, сгущаясь, покидают наше тело в сопровождении звука. Звук этот представляет собой гармонический ЭПР-тон данного комплекса, который усиливается в условиях сверхпроводимости, транслируется и вмерзает в сверхпроводящую ткань гриба. Сверхпроводящий заряженный псилоцибин действует как антenna, которая улавливает усиленные ЭПР-сигналы комплекса и сгущает колебательные сигналы в сверхпроводящую ткань.

Теперь можно вкратце подвести итог вышеизложенного:

- Гриб необходимо принять внутрь и услышать.
- Аяхусаку необходимо принять внутрь и зарядить обертонным ЭПР псилоцибина, используя для этого издаваемый голосом усиленный звук.

- ЭПР-резонанс псилоцибина в грибах затухнет и перейдет в сверхпроводящее состояние; небольшая часть физической материи в грибе уничтожится.

- Сверхпроводящий заряженный псилоцибин уловит ЭПР - гармонику комплекса аяхусаки; эта энергия окажется мгновенно и полностью поглощенной триптаминовой матрицей в высшем измерении. Она передастся грибу в виде издаваемого логосом звука и осядет на псилоцибине в виде связанного сверхпроводящего комплекса гармин-псилоцибин-ДНК.

В результате образуется молекулярный сгусток гипермерной сверхпроводящей материи, который получает и посыпает передаваемые мыслью сведения, хранит информацию и производит ее поиск в нервной ДНК по типу голограммического устройства и зависит от сверхпроводящего гармина как ом источника преобразующей энергии, а ом сверхпроводящей РНК как от временной матрацы. Этот сгусток, станет живой, функционирующей частью мозга молекулярного "певца", который ее создал. Состоять он будет из материи высших его измерений, то есть из материи, которая совершила круговорот через высшее измерение в результате гашения ее электрического заряда гармонической вибрацией, передачи этой вибрации через пространство (от сверхпроводящего передатчика к сверхпроводящему приемнику) и последующего повторного сгущения этой вибрации на сверхпроводящей матрице (заряженный псилоцибин в грибе), до тех пор, пока комплекс гармин-псилоцибин-ДНК не сгустится в сверхпроводящую молекулу.

Согласно этой теории, молекула, то есть сверхпроводящая материя, будет стабильна до тех пор, пока она сохраняет свою сверхпроводящую структуру, возможно, даже навсегда, поскольку источником питания для нее служит энергия собственного ЭПР. В таком случае она будет восприимчива к командам, передаваемым в нашу коллективную ДНК, и в качестве сверхпроводящего приемопередатчика и источника питания будет содержать гармин.

Ума не приложу, когда Деннис успел набраться такой учености! Никогда не слышал, чтобы он так рассуждал. Насколько я сумел понять то, что имел в виду Деннис, он полагал - и эта мысль показалась мне грандиозной! - что человеческое тело похоже на непознанный музыкальный и научный инструмент, возможности которого скрыты как во всем вокруг нас, так и в нас самих и о которых нам, увы, неизвестно. Он полагал, что разум может волевым усилием использовать певческий голос для взаимодействия с мозгом-как будто это цветомузыкальная установка и голограммический банк данных вместе взятые.

Деннис указал путь к некой оккультной науке, где можно достичь больших открытий, используя взаимодействие лишь четырех составляющих: певческого голоса, разума, мозга и воображения. Однако обещал он больше, чем навеянную пением коллективную синестезию. Он утверждал, что и законами акустики, и низкоамперными биоэлектрическими феноменами, и нашими телами - всем этим можно управлять, чтобы открыть перед экспериментатором дверь к исследованию состояний материи и областей физики, связанных с высокими энергиями и низкими температурами, которые, по крайней мере в наше время, лежат на периферии научных интересов, поскольку целиком зависят от чрезвычайно сложной и мощной аппаратуры. На какой-то миг могло почудиться, что силы шаманов, коренящиеся в тысячелетних познаниях в области микрофизики и биоэлектроники, намного превосходят наши собственные. Дверь, которая, казалось, вот-вот распахнется, оказалась дверью, ведущей из исторического времени к некому архаическому совершенству, ныне почти совсем забытому.

Может быть, шаманские традиции нашей планеты и есть подлинные хранители знания, которое, используя человеческое тело, ум, мозг как средство, оставило все достижения современной науки далеко позади? Ведь сама идея достаточно стара - вспомним хотя бы Пифагорову песню сирен, - и заключается она в том, что разум мощнее любого мыслимого ускорителя частиц, чувствительнее любого радиоприемника или самого большого оптического телескопа, а по улавливанию информации сложнее любого компьютера; что человеческое тело - его органы, его голос, его способность двигаться и его воображение - более чем достаточное средство для исследования любого места, времени или энергетического уровня во Вселенной. Именно эту идею Деннис и решил доказать, явив, так сказать, во плоти вполне материальный летательный аппарат линзообразной формы, способный преодолевать границы измерений. Он ничуть не сомневался, что сумеет создать его из собственной ДНК и живых организмов, имеющихся под рукой в джунглях Амазонки, - гриба и аяхусаки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. БЕСЕДА НАД ТАРЕЛКАМИ

В которой для всех и каждого перечисляются подробности проникновения в тайну Тела Воскресения и предпринимается частичная проверка нашей теории.

Читая записи Денниса, я почувствовал, что темы странного места, в которое мы попали, наконец приняли ощущимую форму. Я снова почувствовал в небе присутствие чего-то всеведающего, пристально наблюдающего за нами. Снова вернулся к началу записей и перечитал их еще раз, но мне не на что было опереться, чтобы оценить прочитанное. Казалось, научные размышления брата обрели самостоятельную жизнь. Он напоминал мне большой всезнающий компьютер.

Собравшись вокруг костра, мы все слушали, как Деннис объясняет нам свое видение эксперимента. Он ушел в него с головой. Идеи так и перли из него, как фарш из мясорубки: тысячи слов обо всех этих странных делах. "А знаете, что можно сделать?" - спросил он вдруг и тут же выдал гипотезу, которая теперь стала известна как центральная доктрина опуса. Он назвал ее гиперкарболяцией. Согласно его теории, певческий голос и сверхпроводимость (или полное исчезновение электрического сопротивления, которое обычно становится возможным лишь при температурах, близких к абсолютному нулю) можно использовать для приведения молекул психodelических соединений в состояние постоянной связи с живыми человеческими ДНК. Гипотеза Денниса была позаимствована из теории звука. Если тронуть струну, то она зазвучит в той октаве, в которой ее тронули, но, кроме того, еще и в октавах выше и ниже собственной тональности. Она обладает так называемыми гармоническими обертонами. Если вы тронете струну, а потом прижмете ее, то по-прежнему будете слышать гармонические обертоны - феномен, так очаровавший Пифагора. Деннис обратил наше внимание на то, что можно использовать два звука, так чтобы они гасили друг друга, если эти два звука абсолютно одинаковы.

Тот же феномен, который создает гармонические обертоны, можно использовать и для остановки движения молекул. В очень ограниченных пространствах, возможно, имеющих в поперечнике всего несколько тысяч ангстрем, можно создать низкие температуры с затуханием звука. Движение молекул - это разновидность колебаний, и при наличии нужного аудиосигнала такое движение прекратится. По сути дела, когда молекулярное движение прекращается, молекула достигает температуры абсолютного нуля, при которой становится возможной сверхпроводимость.

Деннис чувствовал, что нашупал способ вышибить запертые двери рая в этом ему должны были помочь психоактивные соединения - психоцибин, триптаминовый комплекс и бета-карболины, которые содержатся в аяхуаске. Если рассмотреть вибрацию молекул бета-карболинового ряда, говорил он, то можно обнаружить, что их электронный парамагнитный резонанс, перемещающийся от одной молекулы к другой, фактически представляет собой последовательность гармонических обертонов. Это интересно, поскольку психиатр Клаудио Нараньо в своем "Исцеляющем путешествии" сообщает, что 50 процентов его пациентов, принимавших гармин - бета-карболин, содержащийся в аяхуаске, - жаловались на гудение в голове. Оно не отмечается при употреблении других психodelиков и связано исключительно с этими гарминовыми соединениями. Эквадорские шаманы из племени дживаро тоже говорят о гудении в голове. Идея Денниса заключалась в том, что этот звук слышится при метаболизме аяхуаски в нервных тканях мозга.

Объяснить, как это происходит, далеко не просто. Электронный парамагнитный резонанс представляет собой явление в молекулярной структуре, при котором высокочастотная энергия вводится в молекулярную систему, а ЭПР-сигналы выходят из нее. Но не все соединения обладают электронным парамагнитным резонансом: чтобы проявить ЭПР-деятельность, молекула должна иметь кольцо, свободное от молекулярных связей. Все соединения со свободным кольцом резонируют при определенных условиях. У галлюциногенов, которые нас интересовали, имелись свободные кольца, как и у ДНК, молекулы, являющейся сосредоточием генетической структуры всего живого.

Когда в организме происходит метаболизм содержащихся в аяхуаске алкалоидов, возникает связь с триптаминовыми метаболитами в мозгу. И становится слышен звук - признак этого взаимодействия. Как только он становится слышен, его можно имитировать. Это и есть "голосовой звук".

Обычно никому не приходит в голову увидеть связь между этим звуком и создаваемыми ЭПР-сигналами, которые относятся к сфере микрофизики. Именно здесь Денниса и посетило не то заблуждение, не то озарение: он стал утверждать, что, используя этот звук, можно создавать материальные объекты. Он чувствовал, что, имитируя звук голосом, он, по сути, испускает

усиленный сигнал парамагнитного резонанса, усиленный, ЭПР-модулированный звук, который возникает при метаболизме псилоцибина у него в мозгу. Издавая такой звук, можно возбудить серию гармонических колебаний выше и ниже тоном в других активных соединениях, которые тоже присутствуют в мозгу.

А теперь начнем танцевать от этой теоретической основы. Если человек находится в правильной пространственной ориентации относительно молекулы, на которую он направляет звук, то стоит ему прервать звук, который он слышит, и молекула станет сверхпроводящей, потому что ее вибрации затухнут. Из миллионов таких молекул, испытавших воздействие звука, найдется несколько тысяч, которые правильно геометрически сориентированы. Тогда их молекулярное движение прекратится почти мгновенно. Особое свойство низких температур состоит в том, что между молекулами возникают очень высокие связующие энергии. Молекула, температура которой близка к абсолютному нулю, готова соединиться с чем угодно. Она отчаянно стремится стать частью структуры.

Деннис старался объяснить нам:

- Молекула гармина, структура которой похожа на колокольчик, издает звон, подобный колокольному, и гудение. Если мы сразу же погасим его, то при наличии в мозгу активной нервной ДНК, электрическая структура гармина становится настолько близка к молекулярной структуре аденина, одного из основных компонентов ДНК, что сможет его заместить. Таким образом она включится в цепочку. А когда это произойдет, ее кольцо активизируется. Она такого же размера, что и молекула аденина, но несколько сложнее. У нее есть свободное резонансное кольцо. - Деннис помолчал, потом, собравшись с мыслями, продолжал:

- Обычный ЭПР гармина - простой сигнал, но структура электронного спина ДНК - чрезвычайно сложная штука и происходит в широкой полосе частот. Когда гармин попадает туда, он перестает передавать собственный резонанс, потому что плотно встраивается в структуру макромолекулы и начинает передавать ЭПР-колебания ДНК. Вот в чем все дело. Если вы сумели проследить ход моих рассуждений, то остальное совсем просто. ДНК - это вы сами собственной персоной. Внешняя форма - просто множество мясистых макрофизических кристаллов, порождение генов - понимаете? - результат работы ферментов, приведенных в движение и закодированных ДНК. Известно, что нервная ДНК не участвует в метаболизме. Она никуда не девается. Мишечная ткань тела заменяется раз в несколько лет. Скелет тоже не тот, каким был пять лет назад, а вот нервная ДНК - исключение: она всегда на месте. С ней вы появляетесь на свет. Она - записывающее устройство и антенна вашей памяти. И не только нашей личной памяти, а памяти любого существа или организма, имеющего ДНК. И с ними можно установить связь. Именно таким образом мы и открываем путь к Божественному Воображению, именно так Уильям Блейк понимал Спасение. И теперь оно становится доступным.

Вот как это делается. Вы встраиваете в ДНК радио, и ЭПР-колебания начинают заполнять ваш организм, потому что связь становится постоянной, нарушить ее невозможно. И они расскажут вам обо всем - обо всем, что можно познать в мире пространства и времени, ибо они содержат все, что хранится в вашей собственной памяти и в памяти всех остальных. Всех нас связывает эта волшебная субстанция, и именно она делает возможной саму жизнь и заставляет ее принимать бесконечное множество форм. Все ДНК одинаковы, разнятся только личины. И в зависимости от них мы получаем бабочек, мастодонтов или людей.

- Это по-твоему, - уклончиво заметил я. Тем не менее, у меня создалось отчетливое впечатление, что я уловил то, что именно он хотел сказать. Организмы - это сложные структуры, внешний вид которых создавался и приобретал устойчивость на протяжении миллионов лет. Можно сказать, что их формы буквально отлиты течением времени, причем происходил этот процесс в гораздо более внушительном промежутке времени, чем тот, в который укладывается любая отдельно взятая жизнь, или тот, с которым ее можно соотнести. И в своей эмбриологии, и в своей морфологии эти организмы таят сведения о строении более грандиозной вселенной. Мистики всегда отстаивали эту мысль. А молекулярная биология, ставшая наследницей теории эволюции, судя по всему, ее подтверждает. Возможно, жизнь - это стратегия для расширения квантово-механической неопределенности до такого уровня, где макрофизическая химическая система (чем по сути и является человек) может пережить и понять ее. Если бы кому-то из нас удалось фармакологически воспроизвести химию наших нервных клеток, то перед этим счастливчиком открылось бы широкое поле для исследований - новые неведомые сферы восприятия и понимания, прекрасные

новые миры воображения, основанные на новых соотношениях нейропередатчиков в продолжающем развиваться мозгу людей. - "Мне ли судить?" - подумал я.

Меня заинтриговало то, как подробно Деннис изложил свои идеи, но тогда я просто не знал, что и сказать. Он уставился на меня, явно ожидая большего. Я верю в бесконечную, самопреобразующую силу человеческого разума и вида; я мог предположить, что существуют параллельные миры и альтернативные измерения. Я мог представить себе сколько угодно научно-фантастических гипотез, но при одном условии: пусть меня не просят поверить, что мне лично предстоит присутствовать на их открытии или превращении в реальность. Но именно об этом и говорил Деннис:

- Каким-то образом мы столкнулись или же нас подвели к встрече с событием, критическим для всего человечества: оно настолько преобразит онтологическую основу реальности, что разум и материя повсеместно превратятся в одно и то же и обретут способность в совершенстве отражать человеческую волю.

Ну как, спрашивается, можно такое переварить? Мы явились в Ла Чорреру с уверенностью: если Жизнь и Ум возможны, то вполне может статься, что загадки Вселенной неисчерпаемы. И все же что-то очень пассивное, но постоянно присутствующее неуклонно развивало эти идеи в наших умах - что-то, о чём мы вот уже несколько дней думали: "Уж, не гриб ли это?"

Мы больше часа проговорили об этих идеях и в конце концов пришли к выводу, что их необходимо проверить. По крайней мере, Деннис утверждал, что можно провести частичную проверку его гипотезы, чтобы убедить меня и наших товарищ. Он считал, что при стабилизации сверхпроводящего состояния в ближайших окрестностях должно наблюдаться заметное понижение температуры. Разговаривая, мы отошли от хижины и теперь брали по лесной тропинке.

- Можно попробовать получить эффект охлаждения прямо здесь, на этом самом месте, - вдруг предложил он.

Мы сели на песчаную тропу лицом друг к другу под лучами послеполуденного солнца. Для начала издав пару раз тихое механическое жужжание, Деннис изобразил звук, очень похожий на тот, который получился у него в "доме на пригорке" три дня назад. Звук этот невозможно было спутать ни с чем, он становился все громче и громче. Я взглянул на свои руки - они покрылись гусиной кожей, волоски встали дыбом. Меня затрясло как в лихорадке. Я крикнул Деннису, чтобы он перестал. Он сразу же послушался, вид у него был совершенно обессиленный. Я был в полной растерянности и совершенно искренне не мог сказать, обдало ли меня волной очень холодного воздуха, или же этот странный звук каким-то образом вызвал у меня такую реакцию - будто вокруг резко похолодало. Попутно я не забывал о том, что если этот эффект действительно создал порыв холодного воздуха, то он заодно нарушил все известные законы физики. Но дальше экспериментировать я не собирался: во всем этом было что-то зловещее, и, окажись эффект реальным, кто знает, к чему могут привести наши дальнейшие игры с ним? Мой непредсказуемый братец и его буйные идеи и способности больше чем когда-либо поставили меня в тупик. Все произошедшее казалось абсурдным и в то же время чрезвычайно притягательным - вроде гипнотической забавы, в которую втягиваешься помимо своей воли.

- Ну что, можно созывать пресс-конференцию? - настойчиво спрашивал меня Деннис, когда мы шли по тропе обратно. Но я едва слышал его, погрузившись в приятные мечты о еще недавно невообразимом будущем.

Вернувшись в лагерь, мы сообщили всем присутствующим, что Деннис создал волну холодного воздуха, возможность получения которой вывел из своей теории. Но все это звучало настолько неубедительно, что ни у кого не возникло желания пускаться в расспросы. После обеда Ванесса с Дайвом вернулись в свой "речной дом", а Ив, Деннис и я стали устраиваться на ночлег в лесу - первый со времени прибытия в Ла Чорреру.

Деннис пребывал в состоянии бурной деятельности: он продолжал генерировать идеи и проверять на нас новые наметки. В тот вечер и весь следующий день он с головой ушел в напряженную работу: делал все новые и новые записи своих идей, стадий их осуществления и теорий, объясняющих, почему они должны подтвердиться. Он долго писал в одиночестве, потом выходил и делился с нами своими мыслями.

Похоже, он был на подступах к чему-то очень странному: его словесные образы заставляли реальность содрогаться, трещать по швам. Он и вправду прикоснулся к той кипящей стеклянистой жидкости из четвертого измерения, которую мы собирались превратить в полезный инструмент, и на этом закончить нашу историю. И полететь к звездам.

Мое отношение ко всему можно выразить так: "Отлично, давайте попробуем". Атмосфера была полна присутствием сверхъестественного. Теперь, когда мы находились в самом центре бассейна Амазонки, нас преследовало чувство, будто с небес за нами кто-то наблюдает. Поначалу мы ощущали себя этакими счастливчиками, которым выпала задача развенчать последнюю волшебную сказку, чтобы уже навсегда стать рационалистами. И вот взамен мы столкнулись с чем-то огромным, с чем-то живым, очень старым и очень чуждым. С чем-то до крайности необычным.

В это время я начисто забросил все дела, принимал гриб и пребывал в постоянном экстазе. Это был единственный раз в жизни, когда мне доставляло истинное удовольствие просто быть. У меня как-то сама собой возникла мысль, которую, по-моему, разделяли все остальные: мы навсегда останемся в Ла Чоррере. Разлуку с ней было невозможно представить - здесь было абсолютно все, о чем только можно мечтать. Ощущение, что ты вернулся домой, что ты наконец там, где тебе предназначено быть, временами становилось просто ошеломляющим. Что до будущего, то я воображал, что так и буду слушать разглагольствования Денниса. Картины, которые он рисовал и в которые я доверчиво погружался, выходили за рамки всего, о чем могли мечтать все известные мне люди.

На следующий день, четвертого марта, мы назначили полную проверку теории связи между гармином и ДНК. Я с особым удовольствием отметил, что этот день упоминался в идиотском каламбуре, который сидел у меня в памяти с раннего детства: "Какой день в году подает команду?" Ответ: "Четвертое марта". (В английском языке слова "четвертое марта" созвучны команде "Вперед шагом марш!")

"До чего же знаменательно, - радовался и веселился я, - до чего же знаменательно, что мы предпримем попытку материализовать душу именно в этот день!" Как это ни абсурдно, совпадение даты с днем из каламбура казалось мне частью тайного вселенского замысла, который постепенно развертывался, чтобы в конце концов привести нас к высочайшему моменту истории, когда человечество бодрым маршем двинется в новое, высшее измерение. Собственные измышления казались мне ничуть не похожими на сверхнаучные теоретизирования, в которые был погружен мой братец. Меня ставило в тупик многое из происходящего. В тот день, третьего марта, я развлекался тем, что сооружал кальян из странных сердцевидных плодов макабии, которые все объявили несъедобными. Из одного такого плода, полого стебля тростника и пригоршни речной глины я изготовил сей курительный прибор - предмет моей несказанной гордости.

Под раздававшуюся вокруг трескотню биофизических терминов я размышлял о том, чего достиг, используя два растения и немножко грязи. Мое творениеказалось мне чудом изобретательности, а из-за необычной формы плода в нем было что-то чуть-чуть неземное. Этот кальян мог быть сделан из одного из тех плодов, которые в романе Уэллса нежная Вина поднесла покорителю времени. Кальян мой выглядел диковинно и таинственно, а когда его начинали курить, бульканье воды под плотной кожурой напоминало биение сердца какого-то огромного зверя. Даже Деннис остановился полюбоваться кальяном, и мы решили, что используем его в завтрашнем эксперименте, когда подойдет время покурить кору аяхуаски, чтобы повысить содержание гармина в крови. Мы жили в мире, где научный метод, ритуал и мистический компонент оказались неразрывно переплетены. Нашим собственным телам предстояло стать ретортами, вместилищем психо-алхимического преображения, с которым мы экспериментировали.

Днем мы сообща выдирали корни и раскладывали их на солнце. Казалось, невозможно себе представить занятие более приятное, более уместное. В тот вечер мы записали на пленку план эксперимента, но, к сожалению, магнитофон барабанил и оказалось, что восстановить запись невозможно. Я очень жалею об этой неудаче: эмоциональная составляющая того, что мы тогда ощущали, могла быть ясно прослежена по нашим собственным словам. Запись касалась нескольких тем: Гиперкарболяция - так мы назвали процесс изменения нервной ДНК и превращения человека в вечное гипермерное существо. Этот процесс представлялся нам очень схожим с процессом размножения у человека. Мы называли его "рождением идеи", вкладывая в это выражение смысл, буквальное значение которого трудно уловить уму, не тронутому шизофренией. Мы надеялись, что разум, побуждаемый стремлением к добру, сможет контролировать процесс рождения и направлять его на создание Тела Воскресения - продукта воображения, столь любезного сердцу отцов Церкви, алхимиков XVI века и нынешних энтузиастов НЛО. В этом мы следовали за Юнгом, который раньше других понял: летающая тарелка - это образ нашего "я", подавленный психический комплекс, скрытый за внешним дуализмом природы и разума. Мы думали, что область разума и его стремление к добру можно наложить на генетические

движители жизни. Эта надежда была обязана своим появлением биологии, тантра могла подтвердить реальность живого камня, и фантастическому единорогу, символу алхимических поисков, вот-вот наконец придется прильнуть головой к девичьим коленям. Короче говоря, мы грезили о единстве Духа и Материи;

Мертвые. Мы полагали, что гиперкарболяция должна стать победой шаманизма над смертью, что те врата, через которые ежедневно проходят мертвые, откроются настежь перед гиперкарболизированным человечеством, которое благодаря этому обретет способность проникать в вечность, где все особи вида существуют как живая реальность, и наоборот. Присутствие там гигантов человеческого прошлого - Карла Юнга, Ньютона, Набокова, Бруно, Пифагора и Гераклита - было плодом потрясающей всеобъемлющей интуиции, которую мы все разделяли и не могли игнорировать.

Нам казалось, что существует некая идеологическая линия преемственности, золотая цепь, объединенная одной целью - разрушить историческую среду, породив живой философский камень гиперкарболизированного человечества. Каждому из этих мыслителей-визионеров было отведено особое место. Теперь, когда тайный труд человеческой истории - рождение космического тела Адама, утраченного с райских времен, - близился к концу, эти тени собрались и толпились вокруг нашего амазонского лагеря. Очевидно, судьба уготовила нам удел человеческих атомов, которым предстояло сыграть решающую роль в преображении Homo sapiens в галактических странников, бодхисаттв, кульминацию и квинтэссенцию самых заветных чаяний стремящегося к звездам человечества.

Читатель с психологическим складом ума узнает в этих строках описание раздутого мессианского "эго". Так оно и есть, но мы ощущали все это, как ощущал бы любой, кто искренне верит, что ему удалось достичь подобного исторического момента. "Почему? - недоумевали мы, - почему выбор пал на нас?"

На такие вопросы голос гриба в моем мозгу отвечал без малейших колебаний: "Потому что вы упорно искали путь к добру и ни одному человеку не доверяли больше, чем себе самим".

Эмоциональное воздействие подобных внутренних диалогов превосходило все, что мне приходилось испытывать до сих пор. Я ощущал смиренную благодарность, доводившую меня почти до слез. Я ощущал душевным подъемом, Мы хотели спасти рай для человечества и благодарили всех богов и природу за то, что из всех жизней и путей, прожитых на этой земле, судьбе было угодно поместить именно нашу эксцентричную затею так однако к линии раздела. Мы одержим победу там, где старый шаманизм потерпел поражение.

Благодаря гиперкарболяции спасение вечной жемчужины человеческого бессмертия из бездны смерти станет реальностью для каждого, кто когда-то жил на земле. Вся боль, все страдания, все войны и лишения будут оплачены и оправданы благодаря пересечению тайны высших измерений и повернутой вспять логики времени, которая каким-то образом сводит на нет то, что уже произошло. Волна понимания, набирающая силу с самого двадцать седьмого февраля, достигла такой мощи, что почти виделась во всем, что меня окружало. Двояковыпуклая форма приближающегося философского камня, казалось, была везде, куда бы ни падал взгляд. Каждая форма, каждое очертание таили в себе его неземные, таинственные, переливающиеся глубины.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЕЩЕ ОБ ОПУСЕ

В которой мы усовершенствуем теорию и начинаем подготовку к экспериментальным испытательным полетам "Софического аэролита"

Наконец настало долгожданное четвертое марта. Приготовив завтрак, мы не стали, как обычно, заливать костер. Вместо этого, мы принялись варить тщательно измельченные побеги *Banisteriopsis caapi* в нескольких галлонах ключевой воды. Огонь, в который мы подбросили корявых, высохших на солнце корней, яростно пылал. Котелок отвечал ровным раскатистым бульканьем - как раз то, что надо для приготовления отвара:

Весь "день мы втроем возились с отваром и почти не разговаривали. Дейв с Ванессой тем временем наведались в старую деревню Ла Чоррера, что за озером, и сделали фотографии. Вечером они собирались присоединиться к нам, чтобы вместе перекусить, а затем покинуть нас, предоставив нам самим принимать аяхуаску и проводить экспериментальную проверку гиперкарболяции. Я уверен, что мысли Денниса еще больше, чем мои собственные, были заняты деталями предстоящего эксперимента. В последние дни он часто бывал раздражителен, и я

воспринимал это как часть того спектра эффектов, который сопровождал странное развертывание мысленных образов, переживаемых им. Пока брат был поглощен внутренними проблемами и перспективами, я исполнял обязанности зоркого стражи шаманских костров и ритуалов.

Недавно мы обсуждали роль огня в формировании душевного мира древнего человека. Мы сидели, уставясь в пламя костра, и Деннис сказал мне: "Сколько тысячелетий люди вот так смотрят в огонь. Потрескивание углей - это высвобождение ионизированной плазмы, и в мерцающих волнах образующихся при этом свободных электронов можно разглядеть прошлое и будущее. Огонь - это место, откуда появляются идеи".

Я молчал. Мне чудилось, что там, по другую сторону границы раздела, олицетворяется огнем, незримо присутствуют наши предки. "Что с нами творится?" - снова спрашивал я себя, но ответа не последовало. Лишь молчание стало еще красноречивей.

Деннис, полностью захваченный подготовкой эксперимента, в ходе которого феномен проявил себя таким образом, что убедит скептиков, провел часть дня, стремительно записывая:

4 марта 1971 года.

Теперь мы можем воссоздать физико-химическую идею, которая родилась в процессе постижения этого феномена, а именно четырехмерное вращение материи. Исследуя созданную нами лингвистическую модель, я прихожу к выводу, что волновая форма ЭПР-взаимодействия, которая завершит нашу работу, действует несколько иначе, чем я предполагал. Это можно объяснить следующим образом: содержащийся в грибе псилоцибин играет роль антенны, улавливающей гармонические ЭПР-тоны всех триптофан-производных составов всех живых организмов, находящихся в его диапазоне. Поскольку в процессе метаболизма псилоцибин приобретает свойства сверхпроводника, это означает, что диапазон его приема теоретически безграничен. Антenna до некоторой степени улавливает сигнал, конечный источник которого - вся совокупность живых существ. Но поскольку метаболизм псилоцибина происходит в мозгу (или грибе) при очень малом напряжении, антenna, несмотря на то что она является сверхпроводником, ведет себя так, будто ее диапазон ограничен.

Я воспринимаю эта утверждение как попытку объяснить вполне реальный смысл взаимосвязанности информации, которая пронизывала все то, что случилось с нами в одном из самых густых лесов на планете. Похоже, мы действительно соприкоснулись с живым разумом тропического леса. Может быть, триптаминовые соединения - это медиаторы сигнальных механизмов, входящих в командно-регулирующую структуру, которая контролирует и объединяет целые экосистемы.

И снова Деннис:

Поэтому представляется очевидным, что сигнал, который так отчетливо различим, когда мы находимся под воздействием гриба в этой экологически плотной местности, берет начало в ЭПР-колебаниях растения аяхуска, хотя вполне возможно, что улавливается и транслируется вся биосфера, усиленная сверхпроводящим преобразователем - аяхуской. Такое толкование точно объясняет, что произойдет в момент искривления четвертого измерения. Введение в организм гармина аяхуски ускорит процесс метаболизма до такой степени, что его ЭПР-тон усилится до слышимого уровня. Этот ЭПР-тон гармонично погасит ЭПР-тон псилоцибина в грибе, вынуждая его утратить электрическое поле и мгновенно перейти в сверхпроводящее состояние. К тому времени ЭПР-сигнал аяхуски должен настроить псилоцибин гриба на сверхпроводящую antennу, после чего все будет готово для того, чтобы в теле в результате метаболизма образовалось соединение псилоцибин-гармин-ДНК, конденсируясь на его заряженной матрице. Спустя микросекунду после того, как псилоцибин гриба приобретает сверхпроводящий заряд, его усиленная ЭПР-волна загасит как ЭПР-сигналы триптоминов и гармина, образующихся в теле в процессе метаболизма, так и генетический материал. Это вынудит данные соединения перейти в сверхпроводящее состояние и вступить в связь в тот самый миг, когда они образуют связь с ждущей этого момента матрицей гриба. Такой перенос заряженных в теле сверх проводящих соединений на сверхпроводящую же матрицу, подготовленную в грибе, произойдет не в трехмерном пространстве: никакого материального явления переноса мы не увидим, поскольку сверхпроводящий материал органического происхождения образует связь с матрицей гриба через высшее пространственное измерение.

Вот здесь любой рационалист неизбежно должен впасть в отчаяние, ибо какая бездна непроверенных теоретических, а может, и фантастических гипотез скрывается за выражением "через высшее пространственное измерение". Тем не менее Деннис, уподобившись алхимикам

прошлого, казалось, поступал, исходя из предположения, что удавшийся эксперимент подтверждает теорию. Как и лексикон алхимиков, его слова являются собой сплав современного научного формализма и оккультных грез. Он открыл новый алхимический закон и возродил призрак мечты алхимиков из пепла современности, уподобив его сказочному фениксу.

Результат превзойдет все ожидания - это чудо, которое невозможно передать словами: четыре измерения, пойманные и запечатленные в трех. Камень воплотит в себе все, но элементы, которые соединились в пространстве, дабы образовать его, принадлежат к числу самых обычных природных продуктов, а функция и место каждого в этом камне поддается пониманию. Камень этот есть твердотелая схема четырехчастной структуры:

Первая - психоцибин, заряженный в грибе, чтобы он мог действовать как матрица, на которой осаждается остальная часть схемы. На заключительной стадии психоцибин действует как сверхпроводящая антенна, предназначенная для улавливания информации, рассеянной в пространстве и времени.

Вторая - сверхпроводящий заряженный гарминовый комплекс, который будет выполнять в камне функцию передатчика и источника энергии. Интересно отметить, что та самая энергия, которая питает антенные схемы, в состоянии сверхпроводимости будет питать всю систему.

Третий компонент камня - ДНК, связанная с гармином и резонирующая через него. Она образует гипермерную голограммическую память системы и будет содержать в себе и объяснять генетическую историю всех видов. Она станет коллективной памятью системы, и в ее матрице будут доступны все места, времена и все возможные формы.

Четвертую часть системы составит сверхпроводящая РНК, которая тоже будет заряжена. (Обычно функцией РНК является "считывание" молекулярного кода ДНК и перезапись ее генов на пригодные молекулы белка.) Благодаря своей функции самоповторения при вращении сквозь гиперпространство, РНК сможет проецировать волновую форму, трехмерное голограммическое изображение, и таким образом будет мгновенно воплощать любую мысль в форму. Она будет выполнять ту же функцию, что и всегда, процесс повторения во времени. Но отныне такое копирование будет частично подчиняться прихотям сознания.

Почему именно я и мои товарищи были избраны для того, чтобы понять и возбудить целостную волну понимания, которая станет освобождением гиперпространственного Духа Времени, становится для меня яснее с каждой секундой, хотя я и знаю, что не пойму смысла нашей миссии целиком, пока работа не будет завершена. О том, как пользоваться камнем, нам даст наставления какой-нибудь бесконечно мудрый, бесконечно сведущий член гиперпространственного сообщества - это я знаю наверняка. Таким образом, мы получим ключи от галактического дома и станем полноправными членами сообщества. Мне пришло в голову, что мы будем первыми людьми, которых научат пользоваться этими ключами, впредь нашей задачей будет избирательно распространять их среди остального человечества, но только не спеша и таким образом, чтобы смягчить культурный шок. Кроме того, вполне вероятно, что, по крайней мере, какая-то часть вида имеет указания о том, каков смысл и возможности этого последнего культурного наследия.

Итак, сейчас, вопреки всякой вероятности, слушаю и обстоятельствам, моим товарищам и мне дана своеобразная привилегия - узнать о том, что история подходит к концу. Довольно странное положение, если оно не несет с собой полного понимания тех движущих сил, которые нас в него поставили. К счастью, поскольку феномен представляет собой ускорение понимания, мы обретаем способность яснее узреть силы, искривившие пространство и время, мысль и культуру, приведя их обратно к себе, и сосредоточиться на этом моменте.

Как следует из этого монументально непостижимого высказывания,

Деннис находился на перепутье. Под натиском идей и образов жизнь наша превратилась в чистой воды фантастику. И вся эта метаморфоза произошла благодаря раскрытию нашего коллективного воображения. Но что же изменилось в действительности? Суждено ли нам взять штурвал истории в свои руки, или это всего лишь очередная печально обреченная попытка поймать силу архетипа, которая вечно ускользает из рук?

Теперь я могу взглянуться в свою жизнь, как если бы она была распластерта перед сканнером памяти, и понять все мгновения, предвещавшие это. За историей чьей-то жизни легко наблюдать события человеческой истории и различать в них предзнаменования этого последнего мгновения. Как феномен, это всегда существовало и будет существовать впредь, ибо есть подвижная грань феноменального понимания, которое родилось в эпоху, предшествовавшую появлению физики, и с тех самых пор набирало момент, постоянное ускорение. То, к чему мы приближаемся в трех

измерениях, - это переход волны понимания в высшее измерение, в сферу вневременного. Так уж случится, что переход этот пройдет через одного из нас. Но это не приведет к изменению космического порядка или хотя бы к помехам в космических схемах, ибо с самого начала феномен набирал момент, и теперь он потечет через все измерения и дальше с той же плавностью, с которой он вошел в них, пока наконец не проникнет во все живые существа во всех измерениях. Вот тогда, когда через столько времени он установит во всем творении полное понимание, его блаженство станет полным.

Если подключить сюда эсхатологию, то нам, по-видимости, суждено сыграть роль Антихриста, но ведь истинный Антихрист есть искаженное историей отражение Христа у скончания времени - космический Адам-антропос. Эсхатологический Христос есть Антихрист, только если смотреть на него в исторической перспективе. Интересно, что среди масатеков и других групп племен, обитающих в горах Центральной Мексики, идея Христа связана с грибами. Что это - синкрезизм или пророчество?

В тот вечер наш совместный ужин в лагере с Дейвом и Ванессой на фоне остывающего отвара аяхуски оказался решительно неудачным. К этому времени позиции, которые мы заняли по отношению к "феномену", непримиримо разделили нас. Дейв с Ванессой не появлялись до самого вечера, но в конце концов зашли к нам в хижину покурить. Разговор привел к последнему и окончательному обсуждению эксперимента, намеченного на этот вечер. Говорил Деннис:

- Мы возьмем живой гриб, в котором идет метаболизм. Нужно выкопать его вместе с навозом и перенести в дом. Мы хотим получить связь в грибе, потому что не знаем, что выйдет, если поставить эксперимент над собственными телами. Вопрос остается открытым. Все это можно сделать, имея голос, разум и гриб. Больше нам ничего не нужно - никаких ускорителей заряженных частиц, ничего подобного! Взяв на вооружение энергию, которая в сотни раз слабее энергии обычной батарейки для фонарика, нам, возможно, удастся разорвать пространственно-временную связь.

Воздух был тяжелым от заряженных ионов. Дейва терзали сомнения. Когда он заговорил, где-то над джунглями заворчали отдаленные раскаты грома. Возражения, которые Дейв высказал против того, чем мы занимались, состояли из эмоций и опасений и сводились к тому, что "человеку этого знать не дано". Едва ли можно было ожидать такого от коллеги. Мы постарались его разубедить, но он развелся и выскочил из хижины. "Наверное, решил вернуться в "речной дом", - подумали мы. Но тут, как бы в ответ на наши мысли, раздался испуганный возглас, за которым последовало что-то вроде стона и наконец - вопль изумления. Мы высыпали из хижины и обнаружили, что Дейв, бледный как мел, уставился в небо и делает нам знаки последовать его примеру. В свете узкого полумесяца перед нами предстало небо в ключьях облаков и прямо над ведущей к реке тропинкой - огромная черная грозовая туча, высоко вздыбившая свое клубившееся, извивающееся тело в насыщенный влагой и электричеством воздух. Она походила на гигантскую сороконожку, из нижних слоев полыхали широкие зигзаги молний и ударялись о шатер джунглей с таким грохотом, как будто поблизости шло артиллерийское сражение. Я услышал, как Деннис крикнул сквозь вой ветра, с бешеною силой бушующего в окрестных джунглях:

- Это отголосок приближающейся победы. Теперь у меня нет никаких сомнений, что нас ждет удача!

С неба упали первые крупные капли, и Дейв, застонав, с недоверчивой миной опустился на песок. Мне припомнились слова Ахава:

- "Я бы погасил солнце, вздумай оно оскорбить меня. Ибо если бы оно смогло поступить так, я бы смог ответить, поскольку всегда существует воздаяние". Подгоняемые разрывающим перепонки громыханием, мы бросились обратно в хижину, в результате чего Ванесса подвернула ногу, поскользнувшись на бревне с зарубками, служившем нам лестницей. Еще несколько минут - и сильнейшая буря ушла, уступив место бурному, феерическому закату.

Эту внезапную грозу и влияние, которое она на нас оказала, сторонники обеих точек зрения восприняли как знамение. Деннис, Ив и я сделали вывод, что она связана с обратным влиянием последствий эксперимента, до которого оставалось всего несколько часов. Ванесса же с Дейвом сочли ее легкой дозой гнева Господнего за наши "прометеевские" амбиции. Возможность, что все это не имеет к нам никакого отношения, даже не обсуждалась.

- Так это и есть исцеление моего расщепленного "я", которое мой астролог предсказал как раз на это время? - изрекла Ванесса в пространство.

Мы с Ив перекусили вместе с гостями, Деннис же к еде не притронулся. Дейв с Ванессой пожелали нам спокойной ночи и успехов и заковыляли к реке. Мы втроем остались. Что еще нам было делать, как не провести задуманное Деннисом испытание, одно лишь ожидание которого вызвало такой разлад в нашей компании.

Аяхуаска сварилась. С тех пор, не раз наблюдая, как перуанские шаманы привычно готовят отвар аяхуаски, я могу с уверенностью сказать; наш отвар был слишком слаб, чтобы сыграть сколько-нибудь ощущимую роль в том, что произошло дальше. Определяющим фактором явился гриб, если, конечно, здесь можно выделить определяющий фактор. А грибов у нас было хоть отбавляй - и сорванные, и тот экземпляр, который мы перенесли в хижину *in situ*, в кольце коровьей лепешки. Деннис уверенно заявил, что необходимо присутствие живого псилоцибина в процессе метаболизма. Тогда мы подвесили рядом куколку бабочки морфо - чтобы животная ткань, проходящая стадию метаморфозы, тоже была представлена.

Где тут была наука, а где ритуал, мы сами толком не знали и не могли бы дать ответ. Все ставки были сделаны. Поэтическое вдохновение и научная интуиция слились воедино.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ В ЛА ЧОРРЕРЕ

В которой, предпринимается попытка эксперимента, и ее неожиданные последствия сводят братьев Маккенна с ума.

Ночь на четвертое марта выдалась совершенно непроглядной. Невесть откуда надвинулся низкий облачный фронт, обложив со всех сторон крошечный мирок Ла Чорреры и надвинув на нее колпак все поглотившей бархатной тьмы. После грозы мы разложили костер заново и уварили несколько литров настоя *Banisteriopsis caapi*, так что он стал гораздо крепче. Потом добавили к нему измельченных листьев, которые Деннис в тот день собрал близ чорро, - мы использовали их в качестве ДМТ-содержащей добавки. Мы надеялись, что примесь этих растений позволит ДМТ проявить интенсивные галлюцинации, которыми славится сам настой. Эти растения мы предположительно идентифицировали как *Justicia pectoralis* var. *stenophylla* - растение, которое, кажется, использовали как добавку к аяхуаске в бассейне реки Ваупес, к северу от того места, где мы находились. Теперь, когда от того вечера нас отделяют многие годы, я сомневаюсь не только в концентрации отвара *Banisteriopsis*, но и в том, верно ли мы идентифицировали растение-добавку.

В отваре, несомненно, присутствовало значительное количество алкалоида гармина, но, как я узнал позднее, все же гораздо меньшее, чем то, которое необходимо, чтобы вызвать подлинное галлюциногенное опьянение. На мой взгляд, действие присутствовавших в нем алкалоидов гармина было усилено псилоцибином, который успел накопиться в наших организмах, или, вернее, МАО-замедляющий эффект этих бета-карболинов вынудил остаточный псилоцибин проникнуть в сознание, вызывая глубокие галлюциногенные переживания.

Пока я заканчивал варку, Ив и Деннис улеглись в свои гамаки, дожидаясь, когда я завершу приготовления. Мы тихо переговаривались и шутили. И все же, несмотря на это, по мере приближения эксперимента, в который мы вложили столько энергии, все больше ощущалось какое-то скрытое напряжение. Критический момент неумолимо подступал. В движениях Денниса и Ив появилась какая-то странная неуклюжесть - казалось, им трудно управляться с собственными телами. Вот почему они и улеглись в гамаки. Меня это вроде не затронуло, так что я мог за всем приглядывать. Лежа в гамаке, Деннис съел два гриба, положив таким образом начало нашему эксперименту. Ив и я последовали его примеру.

В мерцающем свете костра наша маленькая крытая пальмовыми листьями хижина на подпорках-сваях походила на маленький космический кораблик, упавший в стонущие джунгли чужой планеты. Все мы чувствовали себя так, будто готовимся к прыжку через гиперпространство: нас переполняло ощущение, что вокруг скапливается колоссальная энергия. Этот эффект усугубляли гамаки, висящие, словно противоперегрузочные устройства, готовые принять экипаж звездолета.

Деннис распластался в своем гамаке. Ему с трудом удавалось держать карандаш, но он продолжал яростно строчить, скучими рабочими терминами набрасывая заметки о начинаяемся эксперименте:

- В настоящее время в наших тела происходит метаболизм гриба. Процесс этот настроен на триптаминовую матрицу в живом грибе, которая подготовлена для осаждения комплекса гармин-псилоцибин-молекула ДНК. При введении в организм аяхуаски в теле в ходе метаболизма

начинает вырабатываться аналог гармина. ЭПР психоцибиновой схемы, чувствительность которой заранее повышена, мгновенно погасит ЭПР гармина и вынудит его образовать сверхпроводящую связь с комплексом ДНК-РНК одновременно и в наших тела, и в грибе, но в более высоком измерении. После того как такая связь образуется, произойдет осаждение банка памяти гармин-ДНК и приводного устройства на ожидающей этого психоцибиновой схеме в грибе. И это осаждение мы увидим, как только оно проявится в грибе, - в тот самый миг, когда завершится образование связи в высшем измерении.

У меня не было ни малейшего понятия, что все это означало и к чему могло привести. Я занял такую позицию: буду просто добросовестным очевидцем. Разумеется, ничего особенного не случится, никаких чудес не предвидится.

Деннис объяснил, что ему трудно двигаться, по какой-то причине, связанной с обратным течением времени. Все увеличивающаяся скованность под натиском разных вариантов будущего довела его до состояния почти полной неподвижности, и только ум, вычисляющий и рассчитывающий, оставался свободным.

Мы закончили варить аяхуску. Я измельчил растительные добавки и смешал с остывающим отваром. Перенес в дом аяхуску, потом гриб. Теперь, когда все было на месте, можно было начинать.

Деннис повел свое повествование к концу, постичь который никто из нас был не в силах: предвкушение, что мы сможем оказаться свидетелями начала нового, золотого века совершенно преобразило нас. Он сказал, что по мере приближения к решающему мгновению время начинает замедляться. За несколько дней до эксперимента мы перестали принимать галлюциногены, так что наблюдаемые эффекты не были обязаны своим появлением этому источнику. Происходило что-то другое. В качестве подтверждения своего удивительного заявления Деннис обратил наше внимание на свечу, которую я поставил на полочку, выступающую из стены хижины. Все о ней забыли, и она, постепенно накренившись, теперь свисала под неестественным углом, бросая вызов закону всемирного тяготения. Как сказал Деннис, время настолько замедлило свой ход, что мы просто не можем видеть, что свеча падает.

Я подошел к этому видению поближе и нагнулся над пламенем. Оно выглядело неподвижным, абсолютно застывшим. Память на миг вернула меня к мгновению над рекой, когда она тоже казалась навеки остановившейся. Вид у пламени был жутковатый. Сколько я в него всматривался, мне не удалось заметить никакого движения частиц или газа. Могло показаться, что я сохранил обычную свободу движений, а окружающий мир сковывала прозрачная и призрачная застылость.

Наконец Деннис нарушил молчание: "Для того чтобы связь могла установиться, необходим прорыв сквозь ряд дискретных энергетических уровней. Это отчасти мифология, отчасти психология, отчасти прикладная физика. Кто знает? Перед тем как выйти из экспериментального режима, мы сделаем три попытки".

Мы все выпили отвар аяхуски. Вкус оказался острым и едким, как у смеси микстуры от кашля и кожи, но он быстро проходил, по мере того как пенистая жидкость попадала внутрь. Деннис съел еще один гриб, чтобы лучше слышать звук. Снаружи стояла полная темень, часов у нас не было. Казалось, с тех пор как нас покинули Дейв с Ванессой, прошли часы. Наконец все было готово: живой гриб, гарминовый отвар и гармин-содержащая смесь для курения - так, на всякий случай. После того как каждый принял полчашки настоя аяхуски, мы устроились в гамаках и стали ждать.

Последние несколько дней Деннис слышал ЭПР-тон, который считал sot qua поп (Непременное условие (лат.)). предпринимаемого нами эксперимента. Минут через пятнадцать он объявил, что стал слышать его более отчетливо и что звук набирает силу. Теперь он готов начать опыт в любой миг.

Мы договорились, что каждый раз, когда Деннис будет издавать звук, мы будем тушить свечу, дабы не обременять себя зрелищем вызванных триптамином грибов, которыми могут сопровождаться эти странные вопли. Несколько лет назад, в разгар увлечения ДМТ, мы в нашей старой компании в Беркли не раз наблюдали спазмы лицевой мускулатуры, от которых у людей волосы вставали дыбом. Они наводили на мысль о тантрических божествах - те же выпущенные глаза, непомерно длинные, вывалившиеся языки и все такое прочее.

Вот Деннис сел в гамаке. Я задул свечу, и он издал свой первый вопль - гимн гиперкарболяции. Громкий и механический, похожий на звук трещотки, он закончился конвульсивным спазмом, который, пробежав по телу, выбросил брата из гамака на пол. Мы снова зажгли свечу - только для того, чтобы убедиться, что все готовы продолжать, - и решили, что следующую свою попытку

Деннис предпримет, сидя на полу. Сказано - сделано. И снова прозвучала долгая жужжащая трель, ни на что не похожая, зловеще механическая.

Я предложил сделать перерыв перед третьей попыткой, но Деннис был очень возбужден, ему не терпелось, как он выразился, "добыть" это дело.

Мы замерли в ожидании третьего вопля, и вот он раздался - такой же, как и предыдущие, но длился он гораздо дольше и звучал куда громче. Он все зудел и зудел, будто воющая над ночными джунглями электрическая сирена, а когда наконец замер, это тоже походило на замирание звука сирены. В абсолютной тьме нашей лесной хижине, затерянной в лесах Амазонки, повисла тишина - тишина перехода из одного Мира в другой, тишина Гинунгагап (В скандинавской мифологии первичный хаос, мировая бездна, из которого возникло первосущество Имир. - Прим. перев.), этот разверстый поворотный миг скандинавской мифологии, когда мир колеблется между старой эпохой и новой.

И тут в этот провал залетел петушиный крик из миссии. Его зов прозвучал трижды: отчетливо, но издалека, будто подтверждая, что все мы - актеры на сцене, часть; драматургического замысла. Деннис говорил, что, если эксперимент пройдет успешно, гриб будет уничтожен. Низкотемпературный феномен взорвет клеточную ткань, останется только стоячая волна, фиолетовое кольцо света диаметром со шляпку гриба. Это и будет выжидающий режим линзы или философского камня, или чего то там еще. Потом кто-то должен взять руководство на себя - тот, чья ДНК примет участие в превращении. Это будет выглядеть так, будто человек родит собственную душу, его ДНК материализуется вовне в виде живой жидкости, состоящей из речи. Это будет разум, который можно будет увидеть и подержать в руке. Нерушимый, миниатюрная вселенная, монада, частица пространства и времени, в которой, как по волшебству, сжалась все пространство и время целиком, включая и его собственный ум, карта Космоса, настолько реальная, что она сама каким-то непостижимым образом и есть Космос, - вот тот кролик, которого Деннис рассчитывал в то утро извлечь из своего цилиндра.

Вдруг он потянулся к все еще целому грибу, стоявшему на возвышении в зоне эксперимента.

- Взгляните!

Я проследил направление его взгляда - он поднял руку, и тень от его руаны. упала на красящуюся перед нами шляпку гриба. И вдруг я совершенно отчетливо увидел - правда, только на Миг, когда тень рассекла сияющую шляпку пополам, - не крупный гриб, а планету, нашу Землю, живую и светящуюся, голубую, рыжую и ослепительно белую!

- Это наша планета! - в голосе Денниса звенели непостижимые для меня чувства. Я сумел лишь молча кивнуть. Понять, что происходит, я не мог, но видел, видел совершенно четко, хотя видение длилось только миг.

- Мы победили, - объявил Деннис.

- Не понимаю. - Я действительно ничего не понимал. - Давай прогуляемся до выгона. Мне необходимо подумать.

Ночное бдение утомило Ив, и она, наверное, была только рада, когда мы оставили ее в хижине наедине с приближающимся рассветом, который обещал наступление нового дня. Когда мы спустились по бревну-лестнице на землю, меня поразила картина полного хаоса - результат нашей лихорадочной деятельности, сопровождавшей последние часы перед экспериментом. От огромного костра остался лишь белый пепел. Рядом были свалены отходы от приготовления аяхусаки, напоминающие кучу выброшенных прибоем водорослей. Все было разбросано. Мы миновали этот бедlam, постепенно разминая онемевшие конечности, и остановились у пересекавшего тропу ручейка ополоснуть лица.

До сих пор никто из нас не сказал ни слова. Первым нарушил молчание Деннис.

- Ты хочешь знать, добились ли мы успеха?

- Не знаю почему, но я уверен, что мы добились успеха. Дай мне только как следует во всем разобраться.

Хотя действие гриба и аяхусаки вроде бы уже закончилось, в голове у меня роились вопросы. Мы шли все дальше, и время от времени Деннис вставлял замечания, которые - осенило меня внезапно - были ответами на вопросы, которые я обдумывал, но не произносил. Я остановился как вкопанный. Четко сформулировал мысленный вопрос - и Деннис, склонив голову к плечу, сразу же стал отвечать, не дожидаясь, пока я выскажу свою мысль вслух. Я был ошарашен.

- Так, значит, вот что это было? - спросил я брата. - Ты приобрел телепатические способности?

- Нет, - ответил он. - Все гораздо сложнее.

Если верить Деннису, присоединение гармина к его ДНК обеспечило ему непосредственный доступ к огромному кибернетическому хранилищу информации. И всей этой информацией может свободно воспользоваться любой человек на планете, который покопается у себя в уме и начнет вопрос со слова "Деннис". Нелепость второй части его заявления даже мне показалась чрезмерной. Но, естественно, по его настоянию я согласился на проверку. Сорвал какое-то невзрачное растение, на которое чуть не наступил, закрыл глаза и спросил: "Деннис, как называется это растение?"

И сразу же, без каких бы то ни было усилий с моей стороны, я ощущал, как у меня в голове всплыло латинское название, ныне безнадежно забытое. Я попробовал еще раз, взяв другое растение, и, к собственному изумлению, получил новый ответ. Похоже, опыт подтверждал: что-то в моей голове дает ответы, вот только верные ли нет, я сказать не мог. Я был потрясен. Когда мы выходили из хижины, я был уверен, что наша попытка провалилась и нам предстоит обсудить, как пересмотреть подход. Я даже чувствовал от этого некоторое облегчение - наша одержимость экспериментом начала действовать на нервы. Но теперь, когда мы шагали по лесу и я слышал в голове голос, который, неважно насколько осмысленно и точно, но отвечал на любой поставленный вопрос, уверенности у меня поубавилось.

Деннис был странно озабочен, однако он заверил меня, что его усилия увенчались успехом и теперь по всей планете, пронизывая человечество, несется волна гиперкарболяции, устраниющая различия между индивидом и сообществом, и все обнаруживают спонтанное погружение в телепатический океан, название которого совпадает с именем его первооткрывателя, - Деннис Маккенна.

Вглядываясь в свой ум и слушая разглагольствования брат?, я начинал понимать: эксперимент и вправду высвободил какой-то неведомый эффект. Сейчас я спрашиваю себя, почему мне так легко дался скачок от мысли, что испытанное нами - любопытное, но ограниченное событие местного значения, к уверенности, что мы являем собой главные детали всепланетного феномена. Этот важный вопрос, на который я так и не нахожу ответа, больше, чем целые тома, говорит о моей тогдашней восприимчивости к напыщенному умствованию и внушаемости. Я легче легкого стал жертвой когнитивной галлюцинации, которая представляет собой не зрительное восприятие того, чего нет на самом деле, а полный сдвиг высших уровней наших интеллектуальных связей с миром. Такая когнитивная галлюцинация, возникшая под влиянием псилоцибина, заставила невозможное и невероятное казаться достоверным и разумным. Меня захлестнула волна восторга: я понял, что мы миновали заключительную стадию эксперимента и теперь проживаем самые первые мгновения новой эры. По мере того как мы оба убеждались, что мир изменился коренным образом до самого основания, волнение наше возрастало.

- Вот что, наверное, произошло, - промолвил Деннис..- Мы не материализовали камень в видимом пространстве - мы сотворили его у себя в голове. Он не появляется сразу как видимое средство, а сначала возникает как учение - учение, которое сейчас мы слышим у себя в голове. Позже слова обрастут плотью.

Я мог только молча глязеть на брата. Кто он такой и откуда ему все это известно? Оставалось только гадать.

- По всей вероятности, теперь уже совсем скоро покажутся мать и множество мертвцев. Юнг наверняка придет тоже, и, клянусь Всевышним, мне не терпится услышать, что он скажет. - Выпалив это, Деннис бросил взгляд через плечо, будто стараясь увидеть, кто подходит к нашей увешанной гамаками хижине.

- Ну, кто там? Набоков, солнечный Джим, этот милый Джойсов парнишка, или зануда Ник Кьюза?

Мы обнялись и расхохотались. Я чувствовал, будто меня ведут за ручку, как малое дитя. Почему-то я перестал задавать вопросы - мне больше хотелось увидеть других людей, почувствовать, что и они проникли в новый рай, попали на новую землю. Деннис одобрил мое намерение сходить к реке и привести с собой Дейва и Ванессу. Деннис тем временем вернется в лагерь и объяснит Ив, что происходит.

Шагая к реке, я ощущал себя почти невесомым, будто я заново родился и во мне кипят энергия, здоровье и бодрость. За несколько минут из мрачного скептика я превратился в восторженного адепта.

Оглядываясь назад, я убеждаюсь, что для меня это было решающим перепутьем. Почему я не расспросил Денниса более подробно? Может, то был самогипноз? Или непривычное окружение, скучное питание, тяготы и ожидания поставили меня в положение, когда я не мог отказаться от

участия в мире диковинных идей своего брата? Ну почему я не сумел сохранить свою обычную отстраненную и скептическую позицию? В некотором смысле такая добровольная капитуляция неверия и составляет самую суть дела - не только нашего, но и многих других ситуаций, где присутствует встреча лицом к лицу с неведомым.

Иное играет с нами и подбирается к нам тропой воображения - и вот уже мы у последней черты. Переход через нее требует отказа от старых, укоренившихся привычек - как в мышлении, так и в видении. В этот миг мир неторопливо выворачивается наизнанку и открывается то, что было доселе скрыто: волшебная возможность, иной, чем мы привыкли наблюдать, мысленный ландшафт, и этот ландшафт становится реальностью. Это мир космического смеха. НЛО, эльфы и перенаселенные пантеоны всех религий - вот обитатели этих невидимых ранее ландшафтов. Вы дотягиваетесь до континентов и океанов воображения, до миров, где сможет выжить любой, чье единственное занятие - игра, а потом предоставляет игре вести себя все дальше и дальше, пока она не превратится в реальность, принять которую осмелятся немногие.

Но пока я шагал сквозь это дивное утро, столь утешительно объективные мысли не приходили мне на ум. Напротив, я размышлял о том, что тело мое в процессе метаболизма превращается в Тело Воскрешения, "зримую душу" христианских герменевтиков - ведь именно это мы считали частью успешного осуществления нашего эксперимента. Я не знал, что происходит вблизи или вдали, но я знал одно: с тех пор как Деннис объявил, что эксперимент завершен, я ощущал, как во мне все растет, ширится прилив энергии и понимания. И пока я шагал так, на меня снизошло глубочайшее откровение. В моем мозгу расцвело понимание: все мы - просветленные существа, и только наша неспособность увидеть и почувствовать себя и других такими, как мы есть, не позволяет нам сбросить бремя вины и ощутить себя по-настоящему просветленными. Я никогда не принадлежал к числу блаженных, чокнувшихся на психоделиках - и вот, пожалуйста, теперь я завис где-то между клише и архетипом!

Чувство было дивное, и все же я не мог поверить в то, что со мной происходило. Дорога до жилища Дейва и Ванессы занимала минут десять-пятнадцать. Сейчас было около семи. Солнце взошло уже довольно высоко, и день обещал быть прекрасным. Проходя через выгон, я время от времени останавливался и говорил: "Деннис", - и ответ приходил мгновенно, как мысль. Это не давало мне покоя. Я то и дело останавливался и задавал вопросы, садился на траву и спрашивал: "Все в порядке? Что это? Сам не знаю. Это не опасно? Не могу понять, что это значит". Итак, я шел к реке. И на ходу проводил кое-какие эксперименты. "Теренс, Теренс", - позвал я, как будто разговаривал сам с собой. Потом я сказал: "Деннис", - и вот оно, рядом, только протяни руку. Тогда я сказал: "Маккенна, Маккенна", - и оно по-прежнему было тут. Значит, я не могу обращаться к нему, используя свое имя, зато фамилия - пожалуйста, понял я. Я ощущал себя одновременно просветленным и вконец озадаченным. И по-прежнему понятия не имел, что же происходит.

Размышляя об этом, я дошел до "речного дома", где жили Ванесса и Дейв. Они еще спали в своих гамаках, но у двери, даже в такую рань, уже толпились глазастые ребятишки витого. Пока я пробирался сквозь их стайку, взгляд мой падал то на одного малыша, то на другого, и я думал: "Ты просветленный и ты... и ты..."

Мой приход стал для Дейва и Ванессы первым событием наступающего дня. Я рассказал им о нашем успехе и о том, что его плодом стал не материализовавшийся гиперобъект, а учение. Потом я пригласил их одеться и пойти со мной. Складывая гамаки, они рассказали мне, что в самый глухой час ночи Дейв проснулся в истерике, в состоянии, похожем на то, которое нашло на него вчера под влиянием грозы. Они оба были очень взволнованы и могли объяснить этот случай только тем, что мы втроем делали вчера. Меня заинтересовал рассказ, но слышал я их будто издалека. Мне не терпелось вернуться в лес, посмотреть, что будет происходить там. Я припоминал про себя слова, которые Деннис сказал мне на выгоне несколько минут назад. А сказал он вот что: граница, отделяющая день от ночи, линия рассвета, сейчас совершает двадцатичетырехчасовой полет вокруг Земли, полет, который начался в тот рассветный миг, когда закончился эксперимент в Ла Чоррере. По всей земле замирает движение транспорта, останавливаются заводы. Люди выходят из домов и школ и устремляют взгляды в небо - они понимают, что где-то, кому-то удалось совершить прорыв, что этот день не похож на все остальные.

Дейв и Ванесса вслед за мной пошли обратно в лес. За ночь щиколотка у Ванессы почти не прошла, и всю дорогу они препирались.

Едва миновав место, где я недавно расстался с Деннисом, мы наткнулись на нечто такое, чего никак не ожидали увидеть. Это была руана Денниса - короткое одеяло, какие носят

южноамериканские крестьяне, и его же рубашка, валявшиеся прямо на тропинке. Чуть подальше виднелись штаны, а еще дальше пара бумажных носков. Очки и башмаки - правда, об этом я узнал позже - не миновала та же участь. По этим следам из сброшенных предметов туалета мы дошли до лесной хижины. Там мы обнаружили Ив и Денниса - оба сидели на полу совершенно голые, беседуя и упражняясь в медитации "спроси у Денниса".

Объяснив, что настояще посвящение нельзя получить, если не разделенешься догола, Деннис стал настаивать, чтобы все мы сняли одежду. Ванесса разоблачилась, мы с Дейвом последовали ее примеру.

Даже их скептицизм, похоже, был на время забыт. Чувствовалось осязаемое присутствие гриба. Казалось, он говорит: "Сбросьте одежду. Отбросьте все. Мир рушится. Отныне все предметы для вас бесполезны. Отбросьте все. Вам больше ничего не нужно".

Мы разглядывали друг друга - блестящие волосы на лобках и обычно скрытые гениталии теперь представали под лучами солнца во всей своей красе. Я свернул самокрутку, все сели в кружок и закурили. Мы рассказали Дейву с Ванессой об учении, и они попробовали его, с разной степенью успеха. Дейву показалось, что оно работает, а скептически настроенная Ванесса была не уверена. Такой результат меня не удивил: ведь звучащий в голове голос - штука очень зыбкая и субъективная. Если ты его слышишь, никаких сомнений не возникает, ну а если нет, тут дело темное.

Все были настроены очень благодушно, если не считать, что Деннис то и дело перебивал других, будто их и вовсе не было. Это выглядело так, будто он существовал в ином временном измерении, - похоже, он действительно просто не понимал, что другие в это время тоже говорят.

Нам показалось, что будет очень разумно снять гамаки, захватить их с собой - их и ничего больше - и нagiшом отправиться в джунгли. Там мы развесим гамаки на деревьях и заберемся в них. И будем исследовать установившийся режим: ведь наверняка можно делать что-то еще, кроме как задавать вопросы. Дверь оставалась открытой. И только эксперимент может показать, что еще можно сделать. Пока мы шли, я задал мысленный вопрос: "Что нам делать?" - и получил совета "Нужно представить себе, что жизнь начинается с настоящего, а потом вернуться назад, через всю прошлую жизнь, встречая всех живых существ и исправляя тот вред, который мы когда-то им причинили. И когда мы дойдем до конца, то, оставив там свои тела, каким-то образом очутившись в измерении абсолютной свободы, которое теперь кажется таким близким". Я воспринял это как быструю перемотку записи кармической деятельности. Как только вся карма перемотается, само собой наступит состояние первозданной невинности.

Лежа в гамаках, мы принялись прокладывать мысленный курс в гиперпространство. В зеркале ума я видел себя: вот я в Ла Чоррере, потом иду по тропе в Эль-Энканто, потом поднимаясь по реке до Легисамо, потом еще дальше - в Боготу, в Канаду. Ив каждом месте я встречаю людей, с которыми сводила меня жизнь, и говорю им:

"Покончим с этим. Теперь все прошло. Совсем прошло".

Я видел всех этих людей. И сразу мог дотянуться до каждого из них. "Мы на Амазонке, - объяснял я каждому. - Теперь мы возвращаемся домой. Или куда-то еще". Видение это было совершенно непостижимым и в то же время абсолютно реальным. Я чувствовал, как за сомкнутыми веками закипают слезы. Все это было ни на что не похоже.

Наконец в моем мозгу раздался голос учителя: "Ты нашел то, что искал. Вот оно. Теперь все позади. Больше ничего нет. Через несколько часов суперструктура существующей на земле человеческой цивилизации разрушится и ваш вид покинет планету. Сначала вы отправитесь на Юпитер, а потом на Альфу Водолея. Наконец-то для людей занимается заря важных событий".

Сначала мне казалось, что видения становятся глубже и ярче, но через час стало ясно: они постепенно тускнеют. Один за другим мы выходили из забытья, в которое нас погрузил утренний зной и пребывание в гамаках. И тут начались бесконечные разговоры и рассуждения. Причем Денниса, казалось, они занимали меньше всех. Дейв и Ванесса не были уверены, что что-то вообще случилось "на самом деле". Ив высказывалась сдержанно, я же был совершенно оглушен и погружен в глубины сюрреалистического восприятия, которое овладело мной с самого беспорядочного начала этого дня. Постепенно я понял: что-то тут не так. Желаемое, как всегда, опередило действительное. Для всех остальных ничего не произошло. Из нашего разговора стало ясно: никто, кроме меня, не слышал в мыслях ответов Денниса. На самом деле все недоумевали, что происходит, и все больше тревожились, поскольку им ничего не оставалось, как предположить, что я теряю рассудок. Позже я стал рассматривать этот период как переход в следующую фазу,

который для всех вылился в полную сумятицу. Деннис явно выпадал из реальности. Я пытался с ним заговорить, но он не понимал, что к нему обращаются. Он то и дело разражался монологами, не слыша, что остальные разговаривают. По мере того как разрыв между нашим восприятием вырисовывался все отчетливее, все мы стали ощущать необходимость вернуться к норме, прикоснуться к основам. Поступило предложение сходить в миссию, чтобы принять душ, за которое все сразу ухватились, поскольку мы перепачкались в саже, когда ночью возились у костра. Стали собирать разбросанную одежду. Попутно обнаружилось, что Деннис снял очки вместе с башмаками и со всем остальным. Расхристанные и растерянные, мы поплелись по тропе, ведущей к миссии, безуспешно пытаясь найти пропавшие очки.

Несколько индейцев витото проводили нас взглядами, а потом понимающе расхохотались. "Они знают. Знают, что случилось", - уверенно заявил голос у меня в мозгу. Витото явно радовались и ликовали по какому-то известному им поводу. Мы зашагали дальше, направляясь к их миссии и ее теплому душу на солнцепеке.

Деннис болтал как заведенный, и общаться с ним стало просто невозможно. Среди остальных зрело единое мнение, что положение критическое, но еще не совсем безнадежное. Я согласился с ними, что аяхуска действует очень своеобразно, и они решили, что по прошествии нескольких часов все как-нибудь образуется. Я же все больше приходил к выводу, что случилось нечто реальное и непредвиденное, что Деннис сделал нечто такое, что непреднамеренно создало странный фармакологический эффект. Причем эффект этот только частично подействовал так, как мы предполагали, поэтому теперь все мы оказались невесть где. Я-то был спокоен и, по крайней мере, мог нормально общаться. И хотя меня обуревали чувства, от которых из глаз постоянно струились слезы радости, связь с реальностью для меня не прерывалась.

- Давайте подождем до завтра, - старался я успокоить остальных,
- Деннис должен прийти в себя.

Казалось, за исключением нас с Деннисом, все постепенно находили путь к обычному психологическому равновесию. Если мной владела странная, удивительно расширявшаяся способность восприятия мира, то Деннис, если судить по его скачущим мыслям и безумным глазам, испытывал серьезные трудности с возвращением на землю. Когда мы после душа шли через лес домой, я поделился с ним этими своими соображениями, но он повел себя хитро, как безумный Гамлет, и отвечал загадками или изображал в лицах наших покойных родственников. Я так ничего и не сумел от него добиться и продолжал надеяться, что ночной сон приведет его в норму. Когда мы вернулись в лагерь, я настоял, чтобы брат сразу лег, что он и сделал.

- Ну что, теперь можно созывать пресс-конференцию? - все спрашивал он из гамака, пока мы пытались навести хоть какое-то подобие порядка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. В СЕРДЦЕ ВИХРЯ

В которой мы обнаруживаем, что Вселенная еще страннее, чем мы предполагали, Деннис совершают шаманское путешествие, и наша группа раскалывается на два лагеря.

Чтобы избавить Ванессу от необходимости возвращаться домой к реке, мы решили, что они с Дейвом переносят у нас в хижине. Два их гамака повесили рядом с тремя нашими. Получилось тесновато, но в тот вечер мы приятно поужинали вместе; если не считать двусмысленных, а то и вовсе невразумительных замечаний, которые время от времени вставлял Деннис. Отношения вроде бы восстановились, по крайней мере, внешне. Нога у Ванессы все еще болела, и этой напасти уделялось много внимания - возможно, из-за того, что она была единственным осозаемым из того, что с нами происходило. Я по-прежнему ощущал себя совершенно изменившимся и обновленным, чувствуя отстраненность от всех остальных и одновременно желая, чтобы события разворачивались как им благорассудится. То новое, что появилось у меня внутри, уверяло меня: каким бы странным все это ни казалось, на самом деле все идет прекрасно. Последнее испытание этого длинного, потрясающего дня произошло после ужина, при свете костра. Лежавший в гамаке Деннис нарушил молчание, чтобы объявить нам: сегодня ночью во сне мы узнаем много нового, и все это закончится тем, что еще до утра наша связь с телами прекратится. Мы вновь водворимся в совершенные, истинные тела на борту звездолета, который ожидает нас над бассейном Амазонки, на геосинхронной орбите, на высоте двадцать две тысячи миль.

Таково было второе пророчество о том, что наша жизнь на Земле подходит к концу, сделанное с начала эксперимента; а первым была утренняя попытка вернуться мыслью в прошлое, вплоть до

самого рождения. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что эта "эсхатологическая истерия" была одной из главных и коренных перемен в моем сознании. Пройдут недели и годы, и мне доведется выслушать еще немало таких же испытующих "эго" пророчеств, множество сценариев того полного и бесповоротного эсхатологического преображения, которое суждено нашему миру. Как старозаветные пророки или греческие алхимики, мы остро ощущали, что запутались в космической драме падения и искупления.

Четыре дня от начала эксперимента, пять, семь, десять, шестнадцать, двадцать один, сорок, шестьдесят четыре - все это были сроки, которых мы ожидали с надеждой и сознательно поддерживаемым недоверием. И все они подошли и миновали, а эсхатон остался - по-прежнему всеобъемлющий и все же совершенно неуловимый.

Высказанная когда-то идея о покоряющем измерения линзообразном аппарате, продолжала витать где-то поблизости. Она вторглась в мои и Деннисовы грезы наяву, в наши тайные надежды иочные сновидения.

Заявление Денниса об ожидающем нас звездолете также знаменовало первую с начала появления образа НЛО в его мыслях тему, которой в последующие дни было суждено обрести тысячи разных воплощений.

Уравнение камень = "я" = НЛО было рабочей гипотезой его длительного путешествия к познанию собственного "я" и обратно. Наконец, совершенно измученные, мы улеглись. Нам не давали покоя мысли о смерти во сне и новом рождении на борту звездолета.

Я еще раз напоминаю: в хижине было не повернуться, отовсюду свисали гамаки. Из-за натянутых веревок невозможно было сделать и шагу, чтобы не потревожить соседа. Должно быть, мы угомонились часов в десять. Я крепко спал несколько часов, пока не проснулся, как мне показалось, около двух. Пришлось встать и, как это бывает у путешественников под влиянием сгущенного молока, выйти, чтобы облегчиться. Сидя в гамаке, я нашарил спички, зажег свечу и услышал собственный возглас изумления. От пламени свечи на расстоянии фута в четыре, дрожа, расходился тройной ореол света. Яркий, переливающийся синий цвет чередовался с таким же чистым оранжевым. Мне тут же припомнился сияющий нимб, окружающий тело воскресшего Христа на картине Матиаса Грюнвальда. Я понял: Грюнвальд, должно быть, видел то же, что вижу теперь я, и позже использовал в своем "Воскресении". Одновременно мне пришла в голову еще более глубокая мысль. Каким-то образом я интуитивно "понял", что искажение поляризации света пламени есть эффект, вызванный искривлением физического пространства-времени, которое возникло под влиянием нашего эксперимента и повсеместно присутствующего поблизости камня. За этой мыслью последовала еще одна: возможно, временное и пространственное расстояние до камня можно определить по интенсивности цветов в световом ореоле вокруг пламени обыкновенной свечи. Искажение света свечи может действовать как детектор философского камня. Я вспомнил Диогена, отправившегося на поиски добра с фонарем. Так вот, должно быть, чем он занимался?! Мне пришла в голову пословица "Лучше зажечь одну свечу, чем проклинать темноту", и я рассмеялся. Потом я разбудил Ив, и она сонным голосом подтвердила, что видит разноцветный ореол вокруг пламени. Но ей он не сказал ничего из того, что говорил мне. Ив перевернулась на другой бок, и когда я вернулся со своей прогулки, она уже тихо посапывала. Забравшись в гамак, я пересчитал друзей по головам - все были на месте и мирно спали. Я долго лежал и думал. Все выглядело вполне безмятежно.

На следующее утро, шестого марта, по мере того как время двигалось к завтраку, стало ясно: мирный, исцеляющий сон, которым, как мне представлялось, мы все забылись, таковым отнюдь не являлся. Из по-прежнему сумбурных, но пространных высказываний Денниса было ясно, что он провел - или воображал, что провел, - очень деятельную ночь. После пристрастных расспросов оказалось, что он абсолютно уверен, будто посреди ночи встал и оделся, после чего шла целая серияочных приключений. Они подразумевали предпринятый в одиночку поход к грохочущей громаде чорро, расположенной на расстоянии около мили, потом обратный путь, во время которого Деннис якобы залез на большое дерево близ миссии и просидел на нем какое-то время. Потом он снова пересек выгон, вернулся в хижину и забрался в свой гамак, висевший рядом с остальными. Подумать только - бродить всю ночь наугад, без очков, то впадая в шаманский экстаз, то выходя из него, может быть, издавая жуткие вопли или выкидывая еще какие-нибудь первобытные штучки, - нет, это уж слишком, даже для меня. Наше общее терпение иссякло. Пусть я и был на девяносто процентов уверен, что ничего подобного не случилось, меня переполняла решимость полностью исключить любую возможность таких прогулок в будущем.

То, что рассказал нам сам Деннис, представляло собой классическое описание шаманского ночных путешествия. Он сказал, что отправился к чорро и там, погрузившись в созерцание, какое-то время просидел на кладбище, которое мы видели раньше. Потом стал возвращаться в лагерь, и вдруг там, где тропа шла вдоль границы миссии, набрел на особо большой экземпляр дерева инга. Повиновавшись внезапному импульсу, он влез на дерево; попутно к нему пришло понимание, что подъем на древо мира - это лейтмотив путешествий сибирских шаманов. Взираясь на дерево, он ощущал что его окружают мерцающие противоположности самых разных архетипов, а когда он влез на самый верх, перед ним открылось нечто такое, что он назвал "вихрем", - огромный, клубящийся проем во время. Перед ним предстали циклопические мегалиты Стоунхенду, а за ними, вращаясь с разной скоростью и на более высокой плоскости, очертания пирамид, сверкающих белоснежными гранями, - такими они не были с тех дней, когда в Египте царили фараоны. Еще глубже, в склонившейся пасти вихря, он увидел тайны, которые стали достоянием древности задолго до того, как на Земле появился человек, - титанические первозданные постройки, расположенные на неведомых нам планетах, загадочные аппараты, посланцы разумных сообществ, проносившиеся через эту часть галактики, когда наша планета была совсем юной и поверхность ее едва остыла. Эти аппараты, эти непостижимые бездны, тронутые холодом межзвездных пространств и пожирающего эпохи времени, - все обрушилось на него. Он потерял сознание, и время - кто знает, сколько времени? - потекло мимо.

Очнулся он на выгоне, на расстоянии нескольких сотен футов от недавно обнаруженной axis mundi (Земная ось (лат.)). Если он и свалился с дерева, то никаких неприятных последствий не ощущал. Изумление, восторг, испуг и смятение - вот что переполняло его мысли. Казалось, окружающий мир расползается в ключья прямо на глазах, время и пространство, кружка, уносят памятники двух тысячелетий человеческих устремлений в вихрь апокалиптических противоречий. И вот в таком состоянии страха и восторга, нахлынувшем на него при взгляде на открывшуюся картину судьбы человечества в звездных мирах, Деннис вернулся в лагерь и бесшумно забрался в свой гамак - или проснулся там, увидев все это во сне.

Со времени нашей попытки гиперкарболовизировать человеческую ДНК прошло двадцать четыре часа. Становилось все очевиднее, что, вопреки нашим надеждам, Деннис не собирается в ближайшее время выходить из шаманского транса. Все это слишком затянулось, чтобы можно было считать его состояние обычной реакцией на грибы или аяхуску. Перед нами предстали два варианта объяснения создавшейся ситуации.

Первая отражала позицию Ванессы и Дейва и заключалась в том, что тяготы путешествия и недавний вызванный психоцибином "полет" способствовали тому, что в Деннисе пробудился дремавший доселе шаманский архетип. Теперь он вышел наружу и оказывает сильное влияние на окружающих, главным образом на меня, - вот почему я не способен понять, что состояние моего брата ограничено патологией. Это и порождает источник противоречивых мнений о том, что делать дальше.

Второе объяснение, к которому склонялись мы с Ив, имело под собой скорее биохимический, нежели психологический подход. Оно гласило, что в результате необычной диеты из алкалоидов и проведенного эксперимента у Денниса отказала ферментная система, - именно она обычно возвращает человека из галлюциногенных странствий, теперь же она почему-то не сработала. Наиболее вероятный кандидат на эту роль - система моноаминооксидазы (МАО), функция которой преобразовывать многие галлюциногены в безвредные побочные продукты. Известны случаи, когда при использовании некоторых психоделиков происходил феномен необратимого торможения МАО, вызывая состояния, на коррекцию которых уходило до двух недель. Несмотря на то что присутствующие в Banisteriopsis соединения обычно прекращают торможение МАО через четырех-шесть часов, тем не менее, как показывают последние события, такое объяснение несомненно не лишено смысла, а значит, Деннису предстоит пробыть в шаманском бреду еще недели две.

После многолетних размышлений мое собственное объяснение продолжает сильно склоняться в пользу второй гипотезы. Я не верю, что Деннис был предрасположен к подмене архетипа, и считаю, что каким-то образом вся МАО в его организме оказалась связанный, а все отклонения объясняются отсрочкой, которая требовалась для того, чтобы восстановить уровень МАО после столь внезапного и полного торможения. Я полагаю, что столь внезапное падение МАО - следствие эксперимента, и главные химические изменения в организме брата были вызваны тем самым вынужденным затуханием обычно действующих в молекулах сил, которое произошло под

влиянием голосового сигнала, то есть, если быть кратким, я считаю, что использовав псилоцибин, голос и волю, он вызвал в своем организме необратимое торможение МАО.

Если это действительно так, то значение эксперимента для человечества может быть именно так грандиозно, как мы и предполагали в своей гордыне, поскольку он дает представление о фармакологическом методе, который позволит человечеству исследовать параллельное измерение, взаимодействие которого с нашей жизнью подтверждают переживания визионеров. Мы столкнулись с эффектом, который, быть может, когда-нибудь распахнет двери во все миры, наполняющие наши сны и мечты. Разумеется, прежде чем учиться у него, придется как следует его изучить. И сегодня, спустя столько лет, он по-прежнему кажется мне очень многообещающим. Мой постоянный интерес к подобным вещам основан на личной уверенности: в нашем эксперименте проявилось действие какого-то необычного и до сих пор не подтвержденного наукой эффекта, чего-то вроде принципа гашения резонанса, который так занимал Денниса.

Утром седьмого марта, через два дня после эксперимента, завтрак закончился жарким спором: действительно ли Деннис ходил к чорро, или это ему просто приснилось. После того как все доводы истощились, Ванесса вызвала меня из хижины, и мы вместе пошли к ручью, куда я направлялся за водой. Ей хотелось поговорить, главным образом потому, что наши диагнозы относительно происходившего, как и мнения о том, что делать дальше, кардинально отличались друг от друга.

"Но поскольку Деннис твой брат, - говорила Ванесса, - а у тебя на этот счет есть свое мнение, то я поддержу твои соображения относительно того, что следует предпринять. По крайней мере, сейчас".

Я был благодарен ей за временные рамки, присутствовавшие в избранном ею курсе. Весь вопрос, вращавшийся вокруг психического состояния Денниса, заключался в том, как и самое главное когда он из него выйдет. Каждый диагноз должен был содержать в себе реальный прогноз этого жизненно важного для нас момента. Внутренний голос уверял меня, что все будет хорошо, но я хотел показать Ванессе, что ценю ее отношение, даже если и не разделяю его.

По тому, как Ванесса держалась, я понял, что нас -оставят в покое в нашей "лесной хижине"; Максимум, чего нам следует ожидать от нее с Дейвом, так это того, что они будут изредка заходить в гости. К тому же в их разговорах - сначала слабо, но постепенно все более настойчиво - начинала звучать тема возможности скорого отбытия из лесной глухи.

Итак, в Ла Чоррере все было готово для наступления следующей пятидневки хаоса -с седьмого по двенадцатое марта. Начиная с этого дня Ив стала для нас кем-то вроде связной с остальными обитателями миссии. Она приходила к вечеру, а утром уходила обратно, стряпала для нас завтрак и ужин, и вообще в этой ситуации держалась молодцом, если учесть, что она присоединилась к нашей маленькой компании всего три недели назад. Время шло, и Деннису понемногу становилось лучше. Казалось, ум его буквально вывернут наизнанку. Каждый день бывали моменты, когда он говорил более связно, тогда-то он и сообщил, что эксперимент забросил его на окраину псевдосфера Римана, во вселенную, где даже параллельные линии пересекаются. Он заявил, что должен вернуться в обычное пространство и уже начал обратное движение, постепенно переходя с одного уровня на другой. В этот период постепенно происходили очень странные вещи. Брат мог слышать работу моих мыслей. Ну а в том, что он телепат, у меня не было ни малейшего сомнения. Он мог в совершенстве подражать голосам отца и матери. Он стал многими людьми сразу и всех их прекрасно имитировал. Во мне он видел шамана илиmessию и звал меня Уч - не учитель и не учение, а просто Уч, нечто вроде воплощенного посла иных миров, уполномоченного вести переговоры о приеме человеческого вида в сообщество высшего разума.

И это далеко не все: его посещали видения из истории XX века, сцены постройки линз и скончания веков. Он сказал, что открытие высшего физического измерения ожидает нас через несколько лет и что, оно имеет отношение к Египту, к акациевым, триптаминовым культурам, к Тибету, каким он был восемь тысячелетий назад, к шаманской магии, к бонпо и к книге перемен "Ицзин". Вот, такие идеи витали у него в голове, пока он беспрестанно говорил и, не только говорил.

От этого периода не осталось никаких записей. Меня так переполняла уверенность, что мы пребываем в вечности, что я не ощущал никакой необходимости что-то записывать. По мере того как мир - так мне казалось -- становился все совершеннее, я в какой-то момент решил написать поэму, но этот миг так никогда и не настал. В те пять дней все происходило как-то хаотично, бессвязно. Это был самый напряженный период времени, какой мне довелось пережить. Не было

такой эмоциональной или интеллектуальной струны в человеческом регистре, которая не звучала бы вновь и вновь в тысячах вариаций.

В записках, сделанных несколько недель спустя, я мог подвести итог тем пяти дням, только дав им нелепые названия: Огонь, Вода, Земля, Человек, Мир. Я сидел и слушал, а Деннис витийствовал.

Глаза его без очков казались безумными и пронизывали насквозь, смотришь в них-и становится не по себе. С той самой ночи, когда его обуял тот шаманский бред, я твердо решил не спать и ни на минуту не спускать с него глаз ни днем, ни ночью. Следующие девять дней я не спал и даже не ощущал потребности во сне: Хоть я и знаю, что такое порой случается, тем не менее потом, на протяжении многих лет, я воспринимал свое тогдашнее отсутствие желания спать как самый веский аргумент в пользу реальности тех сил, с которыми мы экспериментировали. Я не только не нуждался в сне - мои мысли постоянно текли плавным, насыщенным, наполненным образами потоком, по сравнению с которым обычный процесс мышления казался бледной, судорожно подергивающейся тенью. И эта психическая сила пронизывала весь мой бессонный период и сохранялась долгое время после него.

Мне казалось, что время, которое мы переживаем, состоит из отражений того, что ему предшествовало, и того, что должно по следовать за ним. Шестое марта. Первый день, когда я решил не спать, прошел в глубоком благоговении и растущем изумлении: я не ощущал ни малейшей сонливости, хотя в остальном чувствовал себя нормально. В последние тёмные часы перед рассветом, время, которое - я это почувствовал - в точности совпадало С тем часом, когда мы два дня назад проводили эксперимент, я услышал, как Деннис зашевелился в своем гамаке. Потом он издал все тот же заунывный вой, тихий, но сильный и .отчетливый, Который сорок восемь часов назад забросил его в новый мир. Он прозвучал трижды, и как я и предполагал, - что-то в моем мозгу убедило меня в этом.

Как и раньше, последний вопль был самым протяжным --он усиливался, а потом затихал, наверное, целую минуту. Когда Он наконец замер, я Снова услышал, как сквозь бледнеющий воздух из миссии донесся петушиный крик. Почему все Происходит так симметрично, будто что-то огромное, упорядоченное старается показаться на поверхности самой организации окружающей нас реальности? В небе заполыхал рассвет, начинался еще один из череды этих бесконечных дней. То, что скрывалось в моем мозгу, шевельнулось, готовясь встретить вызов, который бросал рассудку каждый новый миг. Все, что осталось от того времени, - это обрывочные образы и случайности, и только метафоры проходят сквозной темой. Все являло собой сотворение мифов, сотворение образов - подвижное, метауровневое, безостановочно текущее.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ИГРЫ В ПОЛЯХ ВСЕВЫШНЕГО

В которой мы с Деннисом исследуем содержимое взаимных заблуждений и озарений.

Утром семнадцатого числа Ив вместе с Дейвом и Ванессой вернулась к реке, а мы с Деннисом впервые за последние два дня остались одни. Вокруг царил покой. Я разбирал и приводил в порядок снаряжение. В лагере опять установилась чистота и порядок. У Денниса периоды покоя чередовались с пространными монологами на сверхкосмическом уровне, как в "Творце звезд" Олафа Стейплтона. Он имитировал, изображал в лицах, описывал и всевозможными иными способами передавал борьбу огромных мифологических существ - гностиков и манихейцев, - происходящую в космическом масштабе. Старая как мир схватка между добром и злом разыгрывалась в лабиринте его сознания как книжка комиксов, перенесенная в четвертое измерение. И все же юмор не покидал его: время от времени он со стоном возвещал, что чувствует себя "старым мандеистом" (Мандеизм - религия, возникшая в начале н. э. в Месопотамии, в которой соединились элементы христианства, иудаизма, зороастризма и древневавилонской религии. - Прим. перев.), и сам разражался взрывами хохота от собственного остроумия.

Сидя в гамаке, я по мере возможности поддерживал разговор, хотя мне было ясно, что Деннис запросто мог бы обойтись и без собеседника. Казалось, он напал на главную жилу источника, питающего фонтан красноречия.

На миг я прикрыл глаза- за сомкнутыми веками в полной красе возникло то, что я воспринял как учение или послания. Совершенная рекурсивная геометрическая форма с четырьмя лепестками. Внутренний голос сообщил мне, что это "Валентинова кривая". И правда, четыре лепестка кривой напоминали истекающее кровью сердце с открытки к Валентинову дню. На миг

мне пришла мысль о сердцевидном плоде, который я приспособил под кальян. Нет, никакой очевидной связи не видно... образ растаял. Я достал блокнот и нарисовал Валентинову кривую - сначала грубо, потом более тщательно. Это навело меня на мысль о Бэзиле Валентине, жившем в XV веке, алхимике, авторе "Триумфальной сурьмяной колесницы". Я читал эту книгу, но фактически ничего из нее не запомнил. Еще я подумал о Валентине,alexандрийском гностике II века, и о его учении о том, что материальный мир есть сгусток страстей заблудшей Софии, которая из себялюбия сотворила вселенную, не имеющую никаких связей, кроме как с нею самой. Проникновение страданий Софии, низшего из архонтов , в материальный мир - эта его идея близко смыкалась с нашими алхимическими поисками. Сгущение эмоций в материю - вот поистине внушающая ужас тема. Ведь именно она привела нас на Амазонку.

Алхимия - это понимание преобразований материи. Что до ключей, то они, казалось, скрывались повсюду, все переплеталось, образуя волшебную ткань смысла, подтверждения и тайны.

В тот день, да и в последующие, в моем сознании возникали самые разнообразные мысли и идеи, которые неизменно приводили к дальнейшему расширению той совокупности тем, вокруг которой мы строили свою жизнь. Одной из таких тем, которая была подхвачена и начала развиваться - сначала медленно, потом все быстрее, радикальнее и шире, - оказалась совокупность идей и взаимосвязей, содержащихся в китайской гадательной книге "Ицзин". Этот древний, обрывочный комментарий на еще более древний набор шестидесяти четырех гадательных идеограмм, которые называются гексаграммами, уже давно занимал меня, являясь частью моего увлечения некаузальными формами логики. Впервые я узнал об "Ицзин", читая Юнга, который предполагал, что осмысленное сопоставление гексаграммы с ситуацией во внешнем мире - сопоставление, которое позволяет использовать "Ицзин" как средство предсказания судьбы, - указывает на некаузальную связь между внутренним душевным миром и объективной внешней реальностью. Этот феномен Юнг назвал синхронностью.

Вот уже несколько лет у меня вошло в привычку обращаться к "Ицзин". Процедура заключается в раскладывании сорока девяти стеблей тысячелистника - у меня их роль играли бамбуковые спицы; в итоге получается гексаграмма. Я проделывал это каждый месяц на новолуние и записывал результаты на листке бумаги, который хранил за обложкой своего экземпляра книги. В первый же день после эксперимента внутренний голос посоветовал мне достать список гексаграмм, которые выпадали у меня за это время. Тогда я едва ли мог вообразить, к каким прозрениям и выводам со временем приведет это простое предложение. Я стал просматривать список, чтобы найти дату, когда выпала первая из шестидесяти четырех гексаграмм. Обнаружив ее, я снова вернулся к началу списка и стал искать вторую гексаграмму и т.д., мой перечень попыток охватывал трехлетний период и насчитывал около восьмидесяти гексаграмм и их вариантов.

Поработав с полчаса, я пришел к заключению, что, судя по моим записям, за три года, вплоть до сегодняшнего дня, каждая из шестидесяти четырех гексаграмм выпадала по меньшей мере один раз.

Этот не столь уж невероятный факт показался мне чрезвычайно важным. Для разных гексаграмм вероятность выпадения не одинакова, и то, что за столь малое число попыток выпали все гексаграммы, показалось мне необычным. У меня создалось ощущение, будто во мне таится некая скрытая личность, которую я постепенно начинаю обнаруживать. Это доказывало, что я являюсь отражением микрокосма и каким-то образом избран для того, чтобы попасть именно в ту ситуацию, в которой оказался. Я лично убеждался, что жизнь предопределена заранее - ведь ее промысел я обнаруживал на каждом шагу - и на глаза мои то и дело наворачивались слезы. Я взял себя в руки и, повинувшись настойчивой подсказке внутренней волны понимания, спокойно сжег список выпавших гексаграмм. Для меня это был совершенно нехарактерный поступок.

Тогда Денис, который все это время наблюдал за мной, изрек одну из тех многочисленных загадок, которые он предлагал мне на протяжении нескольких следующих дней. "Что можно сделать дыркой в палке, но нельзя сделать палкой в дырке?" рявкнул он мне через разделявшее нас песчаное пространство. Я предположил, что ответ подразумевает издевку над жизнерадостными и крайне рискованными тезисами, которые Тантра выдвигает в поддержку мысли, будто трубка есть высшее средство перемещения между измерениями, и к тому же доступное каждому.

Час или даже больше прошел в молчании, что было необычно для нового состояния Дениса. Потом он очнулся от своих раздумий и заявил, что только что понял: он может сделать так, чтобы любой телефон зазвонил, просто сосредоточившись на неком образе, разгласить тайну которого он

отказался. Более того, он заявил, что может сделать так, чтобы любой телефон зазвонил в любой момент в прошлом со временем изобретения телефона. Чтобы продемонстрировать эту свою способность, он позвонил нашей матери .в какой-то осенний день 1953 года. Он застал ее в тот миг, когда она слушала, как Диззи Дин выступает в матче на первенство мира. Если послушать Денниса, мама отказалась поверить, что это звонит он, поскольку видела, как он, трехлетний мирно спит в своей кроватке. Он сказал, что позвонит еще пораньше, а остаток дня провел за тем, что звонил всем, кому приходило на ум, в самое разное время в прошлом, ведя оживленные беседы и хихикая про себя по поводу умников, которых он дурачил, и чудесах того, что он называл "Ma Bell". Так прошел день шестого марта.

Сам собой напрашивался вывод о том, что у Денниса шизофрения, следствие отравления снадобьями, и ему необходимо покинуть Амазонку. Что значительно осложняло дело, так это мое собственное поведение. Я был совершенно нормален за единственным исключением: постоянно утверждал, что все в порядке и что Деннис точно знает что делает.

"Все о'кей, - старался я убедить остальных. - Он сделал то, что намеревался сделать, а теперь, ребята давайте расслабимся и подождем, пока все образуется".

И я был искренен, хотя понятия не имел о том, как Деннис вел свой эксперимент или как разработал теорию. Я знал только одно: с того самого рассветного мгновения, когда мы сразу после эксперимента посмотрели на гриб, со мной происходит нечто очень странное.

Я находился в очень странном месте. Ощущение было такое, будто я стал самим собой. С голосом я общался так, как ученик общается с учителем. От него я узнал много нового. Не имей никакой возможности доказать, я, тем не менее, знал много такого, до чего никак не мог дойти обычным образом. И в тоже прошла через эксперимент, однако с ней абсолютно ничего не произошло. Двое| других моих друзей казались совсем чужими. Они никак не могли уразуметь, что происходит, и старались держаться от нас подальше. Оба думали, что все остальные спятили. И правда, по сравнению с их нормальным поведением, эти остальные вели себя донельзя странно.

Суть того, что говорил мне невидимый учитель, заключалась в следующем: "Не тревожься. Не надо тревожиться. Есть вещи, в которых ты должен быть уверен. Твой брат поправится. Ваши товарищи позаботятся о нем. Не тревожься, слушай меня. Ты должен это усвоить". Все время после окончания эксперимента это нечто продолжало увещевать меня - нечто, которое мне предстояло разгадать.

Сегодня утром, седьмого, мне показалось, что Деннис как будто слегка спустился с небес на землю, но настолько слегка, что можно было только гадать, произошли какие-то улучшения или нет. Я с любопытством отметил что, хотя и могло показаться, что он По-прежнему блуждает в потемках, а мысли его все так же беспорядочны, в их содержании явно наметилась перемена к лучшему. Еще вчера было похоже, что он рассредоточен в таком беспредельном пространстве и времени, что едва ли можно что-то понять в том космическом хаосе, который в нем бушует. Не представлялось возможным отыскать в его сознании даже нашу собственную галактику. На второй день он проснулся уже внутри галактики, и все его видения и фантазии не выходили за ее пределы. Будь это даже единственным симптомом его постепенного возвращения к себе, и то не стоило им пренебрегать, но каждый шаг на пути брата к здравому состоянию рассудка происходил точно также. На следующий день, после того как Деннис достиг границ нашей галактики, он вошел в Солнечную систему и потом несколько дней странствовал по ее планетам, пока окончательно не отождествил себя с Землей. Прорастая и протекая через пределы своей родной планеты, он стал думать о себе как о человечестве в целом и мог ярко переживать картины его истории. Еще позже он стал воплощением всех членов нашего обширного и своеобразного ирландского рода до тех самых времен, когда, по выражению Джеймса Джойса, Книга Судей дала нам Книгу чисел или Левит совершил Второзаконие. Кого только среди них не было, и Деннис изображал их всех: трудяг-рудокопов, церковника, жившего в XVII веке, чья снедаемая похотью плоть исходила потом, надутых патриархов и тонколицых женщин из одного поколения, и женщин с плечами, как у батрачек, и языками, как садовые ножницы, из следующего. Проболтавшись в этом окружении довольно долго, он наконец вернулся в лоно нашей родной семьи, и тогда перед ним встал вопрос: кто же он такой - Деннис или Теренс? Наконец он, слава Богу, успокоился на мысли, что он - Деннис, вернувшийся с самой окраины вселенной разума, исцелившийся и переродившийся, шаман в самом полном смысле этого слова.

Но до этого воссоединения и исцеления оставалось еще двадцать дней, сегодня же, утром седьмого марта, мы шагали по выгону, точно так же, как и тогда, наутро после эксперимента. Мы

взошли на вершину небольшого пригорка, на котором росло молодое дерево. "Ама", слово, которое у витото означает "брат", стало одной из тех разнообразных форм обращения, которые изобрел для меня Деннис. Сейчас, шагая все дальше, мы непроизвольно искали взглядом грибы - это уже вошло у нас в привычку, хотя теперь о том, чтобы есть грибы, не было и речи.

Деннис брел впереди меня, направляясь к дереву. Нагнувшись и раздвинув траву у подножия дерева, он показал мне вырезанные на коре буквы А М А. С тех пор как была сделана надпись, миновало как минимум несколько лет. Этот случай поставил меня в тупик. Откуда Деннис узнал, что там и что это вообще значит? На мой вопрос он ответил, протянув руку к рассветному горизонту и объявиив, что это планета Венера или первозданный мир Венеры - какой, я понятия не имел. Эти заявления, которые он постоянно швырял в лицо рассудку, воспринимать было отнюдь нелегко, время от времени они зажигали у меня в душе краткие вспышки отчаяния по поводу состояния его психики. Правда, большую часть времени я вполне мог убедить себя, что Деннису становится все лучше и что он возвращается из невидимых миров, которые для него настолько живы, что он ничего не может видеть, кроме них.

Я пытался направлять развивающиеся фантазии брата, используя идею, что воссоздание рассредоточенного "я" - алхимический акт, имеющий важнейшее значение как для него лично, так и для истории.

Несколько дней после пятого марта мы каждое утро отправлялись на выгон, и там я требовал у него "камень". Ни один из нас не воспринимал эти походы через призму нормального сознания. Казалось, мир почти до краев полон чудес и сил, которые придавали мне уверенность: ,все возможно, и в свете этого мы двигаемся в нужном направлении.

"Ничему не удивляйся, тебе предстоит унаследовать царство отца, -говорил спокойный голос из гиперпространства. - Перед тобой раскроется тайна родника и финиковой пальмы". Я наблюдал, как мое собственное понимание связи между тем, что мы делали, и процессами классической алхимии движется огромными скачками интуиции, чтобы добраться то до Герхарда Дорна, то до Роберта Фладда, то до графа Михаэля Майера, - их имена связаны с самым пышным литературным расцветом алхимической мысли. И равным образом связаны с тем взглядом на человека и природу, который рождение современной химии обрекает на гибель.

И все же алхимические образы преследовали меня. Тридцать шестая эмблема майеровской Atlanta Fugiens представляет собой прелестный графический каламбур, в котором куб строфарии кубенсис соседствует с НЛО, видимым в небе гиперобъектом. В то время этот образ постоянно стоял перед моими глазами. Джон Ди, его преследуемый ангелами философский камень и оккультная геометрия его загадочного творения "Иероглифическая монада" замешаны на том же наборе образов. Почему? Неужели тот кружок адептов-алхимиков проник-таки в тайну, о которой даже и не мечтали их современники и конкуренты?

Перед моим внутренним взором мелькали образы: вот Николя Фламель и его жена Пернелла, их легендарная любовь и неведомая кончина. В "Mutus Liber" (Немой Книге) изображена чета, работающая у тигля; можно даже подумать, что они сушат грибы. Каких высот достигла алхимия, прежде чем эпоха Просвещения разметала ее адептов и вывела из употребления их кодовый язык? Когда каждое утро на туманном выгоне я требовал у Денниса,чтобы он отдал мне философский камень, то тем самым пытался вынудить его преобразовать сознание в единое целое и одновременно старался сфокусировать потенциал переноса, который был настолько силен, что снова и снова угрожал поглотить нас. Не засыпая ни на минуту, постоянно бодрствуя, я одновременно присутствовал в мире развивающейся ситуации в Ла Чоррере и в том мире, куда оказался психотопологически заключен мой брат, - в пространственном вихре, за которым, похоже, находились вечность, Страна мертвых, вся человеческая история и НЛО. То был мир, чьи невидимые кибернетические репортеры телепатически вещали в нашем сознании и говорили нам: мы и все человечество проходим процесс, который снова даст нам возможность связать эти чуждые измерения с нашим собственным, чтобы возродить эсхатологический шаманизм, утерянный десятки тысячелетий назад.

В какой-то миг я поднял палку и на утоптанном месте нашего лагеря нацарапал типографский значок, обозначающий "и". Я назвал его "амперсенд". Его связующий изгиб в одном из углов четырехчастной структуры пришелся бы как раз на месте. Я представил, что это символ конденсации алхимического камня. Он казался мне естественным символом четырехмерной вселенной, каким-то образом втиснутой в трехмерную матрицу. Несколько дней я называл его "амперсенд", а потом переименовал в "эсхатон". Его я считал основной единицей времени.

Сочетание нескольких эсхатонов во Вселенной и их резонанс определяют, какой из вероятных миров, признаваемых законами физики, поистине подвергнется формальности осуществления. "Формальность истинного осуществления" - это выражение Уайтхеда постоянно вспыпало в моих мыслях, как припев полузабытой песни. Мне представлялось, что в конце времени все эсхатоны станут резонировать вместе как единое целое, создав тем самым онтологическое преображение реальности - конец времени, нечто вроде сада земных наслаждений. (То были первые слабые движения мыслей, которые в конце концов привели к разработке моей собственной теории времени, изложенной в "Невидимом ландшафте". Эти ранние интуитивные прозрения совсем не походили на окончательную теорию, и это только к лучшему: в то время я был бы совершенно не в состоянии понять ту теорию, которую мне в конце концов предстояло разработать. Потребовались годы чтения и самообразования, чтобы напасть на след того, о чем мне поведал внутренний голос. Его присутствие и настойчивость на протяжении всех лет, прошедших после событий в Ла Чоррере, не перестают меня удивлять.

В тот день в Ла Чоррере голос демонстрировал холистический и системно-ориентированный подход к теме, который, казалось, принадлежал совсем иному порядку - он не то чтобы внушал тревогу, но все же многократно напоминал мне, что идеи, которые у меня рождаются, приходят в полностью упорядоченном виде откуда-то извне, я же - не больше, чем дешифровальщик получаемых сообщений, поневоле вынужденный постоянно следить за сложным поступающим невесть откуда кодом. Временами вроде бы удавалось уловить действие механизма того, что с нами происходило. Реплики из полузабытых фильмов и обрывки старой фантастики, когда-то проглоченные, как воздушная кукуруза, вновь вспыливали в памяти, составляя коллажи из наполовину понятных ассоциаций. Пунктиры старых шуток и смутно припоминаемых снов спирально завихрялись, образуя медленно движущуюся галактику, в которой воспоминания перемежались с предчувствиями.

Из всего этого я сделал вывод: что бы ни происходило, все частично связано со всеми теми сведениями, которые мы накопили за всю свою жизнь, вплоть до самых незначительных мелочей. Возникало ошеломляющее впечатление, что некто из далекого Космоса или из иного измерения, вступил с нами в контакт. При этом действовал он весьма своеобразно - используя каждую нашу мысль для того, чтобы вовлечь нас в телепатически внущенные сценарии, населенные причудливыми образами, глубокие теоретические соображения или экскурсы в глубины неведомых времен, краев и миров.

А источником этого неземного контакта были *Stropharia cubensis* и наш эксперимент. При этом нашему коллективному разуму опасность ее угрожала - опасности подвергалась способность разума дать связный отчет о происходящем, поскольку парадоксы, совпадения и общая синхронистическая странность начали стремительно возрастать, а в вакуум, образовавшийся на месте потерпевшего крах разума, устремился головокружительный сонм самых причудливых прозрений, объясняющих, почему все именно так, а не иначе.

Утром седьмого марта, на третий день после эксперимента, Деннис поведал нам новое учение. Произошло это после завтрака. Он сказал, что каждый может увидеть любой момент во времени, нужно только закрыть глаза, представить себе восьмерку, положить ее горизонтально - так, чтобы она походила на знак бесконечности, потом мысленно наложить одно замкнутое кольцо на другое, чтобы получился круг, уменьшить круг до точки и произнеся про себя слова "пожалуйста", представить нужную точку в пространстве-времени. Обычно я не знал, откуда к нему приходят эти образы, но на этот раз я был несказанно изумлен.

Я совершенно ясно понимал: незадолго перед отъездом из Ванкувера в Британской Колумбии я пошел к зубному врачу - это было частью обычной подготовки к путешествию. Ожидая в приемной, я листал старый журнал какой-то Канадской педагогической ассоциации. И в этом журнале, о котором я никогда никому не рассказывал, мне попалась статейка про обучающие машины и совсем маленьких детей. Сценарий "Нарисуй это", с которого начиналась статья, сопровождался картинками: ребенок смотрит на цифру восемь на телевизионном экране, опрокидывает ее на бок, сжимает и т.д. Это были обрывки воспоминаний, которые мой брат или то, что действовало через него, сумели выудить прямо из моей памяти спустя несколько недель после того, как я и думать забыл об этом. Что-то обладало способностью перетасовывать и использовать наши воспоминания в любой, самой нелепой форме.

- Ну что, Бра, теперь уже можно созывать пресс-конференцию? - в очередной раз осведомился Деннис из своего гамака, покачиваясь в усыпляющем ритме в тени деревьев.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

В которой речь пойдет о нескольких чудесах, не последнее из которых - явление Джеймса и Норы Джойсов в обличье домашних птиц.

Через два месяца после всего того, что с нами произошло, где-то в середине мая 1971 года, я ощутил необходимость попытаться свести воедино те чрезвычайно странные и, может быть, даже наводящие на мысль о психическом расстройстве случаи, которые мне удалось припомнить. Вот то, что я тогда записал; в то время я старался опровергнуть идею, что шизофрения - это волшебное слово, которым можно объяснить все, что нам довелось пережить. 12 мая 1971 года Теперь, когда от событий, происходивших вокруг нашего эксперимента в Ла Чоррере, нас отделяет почти два месяца, я ясно осознаю, что мы с братом оба проявляли классические симптомы, двух разновидностей шизофрении. У него наблюдались признаки отрешенности от мира, характерные для истинной шизофрении, мое же поведение больше подпадало под экстравертную, параноидальную форму. Тем не менее я не могу согласиться с тем, что в связи с этим наш эксперимент представлял собой не что иное, как два одновременных случая шизофрении. Полностью отдавая себе отчет в том, что такая позиция может быть воспринята как доказательство проявления у меня остаточных симптомов заболевания, я утверждаю: мы действительно столкнулись с объективным феноменом, который, хоть и обладал чрезвычайно странной природой, неразрывно связанной с физическим процессом, тем не менее коренился в молекулярных принципах, которые мы тогда исследовали. В качестве эмпирического подтверждения такой точки зрения я привожу следующие моменты, которые, как мне кажется, выводят наш эксперимент за рамки психического заболевания:

Внезапность, с которой сразу же вслед за самим экспериментом развились симптомы болезни: через несколько минут после того, как мы завершили предусмотренные экспериментом действия, мой брат стал отделяться от среды общих восприятий; в то же самое время я преодолел сознательно поддерживаемое недоверие и стал ощущать присутствие некоего кибернетического устройства. По нашим прогнозам, оно должно было стать частью эффекта, который мы рассчитывали получить, если бы нам действительно удалось создать сверхпроводящую генетическую матрицу и гарминовую связь. Совпадающий, или согласующийся характер переживаемого нами обоими расщепления личности: подразумевается, что хотя у нас обоих проявлялись симптомы разных форм шизофрении, тем не менее, фантазии, идеи и соображения, которые у нас возникали, были общими.

Мой брат считал меня шаманом-мессией, принимающим разные ипостаси, я же воспринимал его как материализовавшийся корабль-разум, совершающий обратный путь через Вселенную, - именно это могло стать одним из логических последствий нашего эксперимента. Каждый из нас, взятый в отдельности, являл бы собой несомненный образец заблуждений, однако получилось так, что каждый из нас представлял хоть и шаткое, но все же доказательство правильности позиции другого. Могу добавить, что, хотя больше никто не был способен понять причудливый образ мышления моего брата, я полагал, что могу проникнуть в его глубины и различить то слившееся воедино понимание, которое таится в них.

И в то же время я понимал: то явное расщепление, которое у него проявляется, обусловлено тем, что его мыслительный процесс где-то очень глубоко и подспудно движется вспять. Подобно тому как крутящееся в обратном направлении кино создает впечатление дикой, бессмысленной неразберихи, и все же в конце концов все предметы оказываются на своих местах, так и идеи и передвижения в пространстве моего брата выглядели для меня прямо противоположным тому, что можно было ожидать, исходя из законов логики. Деннис был совершенно уверен в том, что мозг работает по принципу голограммы. Эта идея принадлежит Карлу Прибраму, нейрофизиологу из Стэнфордского университета, - тогда она была очень модной в наших кругах. Она четко разъясняет тот факт, почему большой участок мозга может быть поврежден или даже удален, а память при этом не пострадает: все дело в том, что каждая часть голограммы содержит всю информацию, заключенную в том целом, откуда она извлечена.

До нашего эксперимента Деннис размышлял о том, что в ходе его он может на короткое время получить обратное изображение структуры 'моего мозга/сознания. Выслушивая его свободные ассоциации после того, что с нами произошло, я убедился, что это действительно случилось, но на гораздо более длительный срок, чем мы предполагали. По правде говоря, я продолжаю считать,

что нашей единственной ошибкой на протяжении всего эксперимента и последовавших за ним событий было то, что мы не сумели правильно спрогнозировать продолжительность процесса. Я уверен, что наше понимание механизма процесса - если не брать во внимание его продолжительность, - было верным, хотя и неполным; впрочем, таким оно остается и до сих пор. Иными словами, до сих пор сутью всего дела является время. Иногда свободные ассоциации брата складывались из эпизодов, которые я пережил более чем за год до этих событий и более чем за десять тысяч миль от того места, где тогда жил Деннис, - эпизодов, о которых я никому не рассказывал. Казалось, в период сразу после эксперимента Деннис обладал способностью слышать работу моих мыслей.

Приведу пример: как-то, сидя возле нашей лесной хижины и слушая его свободные ассоциации, я заметил, что мышцы его почти одеревенели под действием огромной физической энергии, - такое случается при некоторых формах шизофрении. Я встревожился, как бы он ненароком не воспротивился, если я попытаюсь удержать его от прогулок по его шаманским делам, которые постоянно побуждали его к отлучкам из лагеря. Мне пришло в голову, что, обладая такой силищей, он запросто может мне что-нибудь сломать или просто сбежать. Впервые обдумывая эту неприятную перспективу, я заметил, что Деннис выбрался из гамака и стоит в дверях хижины. В совершенстве подражая голосу нашего отца, он успокоил меня словами: "Наш Деннис добрый малый, он никогда такого не сделает". Другой случай произошел двенадцатого марта, через семь дней после начала странных перемен. Деннис объявил, что вечером, в одиннадцать часов, появится "отличный кайф", - он имел в виду сдобренный псилоцибином гашиш, который попался ему за несколько месяцев до отъезда из Штатов и который найти здесь, на Амазонке, совершенно невозможно. Такое предсказание касательно превращения материи не покажется таким уж странным, если припомнить те алхимические идеи и интересы, которые привели нас к этому эксперименту. В конце концов, мы читали и обсуждали трактаты по алхимии с тех самых пор, как я открыл для себя "Психологию и алхимию" Юнга, а было мне тогда четырнадцать лет. В то время нам казалось, что, проецируя на материю фантомы бессознательного, алхимики достигали некоего психodelического состояния ума. Да и разве не является вера алхимиков в конечном итоге верой в то, что мир состоит из речи? Что поэзия может стать последним арбитром подлинности бытия?

После этого разговора мы с Ив возвратились сквозь дождливую тьму в свою лесную хижину, чтобы переночевать там вместе с Дейвом и Ванессой, а Деннис остался в речном доме, куда он к тому времени перебрался. По установившейся у нас привычке, мы перед сном покуривали Санта-Марту-Голд. И вот, пока мы курили, из трубки выпал тлеющий кусочек травы. Я поднял его, чтобы положить обратно в трубку, и мы оба почувствовали характерный запах азиатского гашиша. Я внимательнейшим образом осмотрел чашечку трубки: хотя на вид курительная смесь ничуть не изменилась, к нашему удовольствию - и моему, и скептически настроенной Ив, - она действовала точно так же, как гашиш, - роскошь, абсолютно неведомая на Амазонке в 1971 году. Феномен этот продержался минут пять, а потом медленно исчез - мы вновь были в обычной, рациональной среде, где материалы ведут себя так, как им подобает. Остается пожалеть, что такое превращение постигло субстанцию, которую любой скептик с готовностью обольет презрением. Кому из нас не известна расхожая точка зрения, будто у всех обкуренных мозги набекрень? Однако любой, кто имел близкое знакомство с этими двумя снадобьями, безошибочно определит, что есть что. В этом происшествии было несколько параллелей с движением Найджули на Борнео, в котором принимали участие туземцы народности лавангган. В начале двадцатых годов нашего века среди них распространились нелепые поверья, главным из которых было следующее: кусок каучука быстро удлиняется, если рядом кто-то будет играть на флейте; такое удлинение каучука предвещает человеку бессмертие.

Еще более абсурдным и необъяснимым был случай, что произошел наутро пятого дня, то есть девятого марта. Деннис сидел и разглагольствовал, не обращаясь ни к кому конкретно, жизнь лагеря шла обычным чередом. Я сидел возле костра, затачивая лучковую пилу, и прислушивался к болтовне Денниса: не мелькнет ли в ней намек на какое-то послание. Вдруг я замер. - Вы случайно не мой портной? - поинтересовался он с сильным английским акцентом. Где-то я уже слышал эти слова. - Все эти отражения. Смотри. Все это - я. Ах ты, мой глупыш! Но где же мой портной? Господи, ты только полюбуйся на себя! С чего это на тебе мои трусики? Я покраснел до ушей, уставился в землю и ничего не ответил. Мне стало очень неловко: ведь Деннис имитировал разговор, который произошел у меня в Непале с моей английской подружкой после того, как я пошел ее искать и, найдя в полном бреду, вернулся вместе с ней в комнату. Это было год назад, во

время нашего совместного "полета", вызванного одновременным приемом ЛСД и ДМТ. И вот теперь этот идиотский разговор, про который я не говорил никому, кроме самой девушки, гремел над прогалиной в дебрях Амазонки, в исполнении моего спящего братца! Да уж, это была совсем не та ситуация, в которой я предпочел бы наблюдать телепатические таланты Дениса. Оставалось молча ждать, ежась от смущения, пока его вещание не перейдет в неразборчивое бормотание. И тем не менее он произвел на меня впечатление: я убедился, что он может проникать не только в мои теперешние мысли, но и в самые интимные воспоминания.

Наиболее важным доводом в пользу того, что наше состояние нечто большее, чем два одновременных случая шизофрении, была удивительная долговечность модели, которую мы разработали на основе тщательного анализа всего, что с нами произошло. Никто не может отрицать, что теория гиперпространственной природы состояний, возникающих под действием галлюциногенов, и эксперимент, который мой брат разработал для проверки этой теории, принесли весьма впечатляющие результаты. Но я воспользовался плодами визионерских откровений и пошел дальше, чтобы, разобрав их, открыть стройную атомно-волновую теорию природы времени. Совершенно неожиданно все, что я получил на основе тех давних событий, вылилось в пересмотр математического описания времени, принятого в физике. Согласно моей теории, старое понятие о времени как о чистой продолжительности, выражаемой плоскостью или прямой, следует заменить понятием о нем как об очень сложном, фрактальном феномене с множеством подъемов и спусков самой разной длины, по которому вероятностная вселенная становления должна течь так, как течёт вода по усеянному валунами руслу. Я открыл само фрактальное измерение времени, математическую постоянную, которая заменяет теорию вероятностей другой теорией, сложной, но красивой, по сути дела, почти магической, - это последовательность ограничений, наложенных на выражение новизны.

После первого эксперимента с грибами в Ла Чоррере мы с Денисом были одержимы двумя главными идеями. Нас занимали темы "учителя" и насекомого. Мы ощущали постоянное присутствие некоего невидимого просветленного существа, которое неизменно наблюдает за нами, а иногда и тихонько подталкивает, заставляя неуклонно приближаться к открытию. Из-за странной природы видений, возникших у нас под влиянием ДМТ, видений, в которых акцент явно смещался в сторону чуждого, насекомоподобного и межпланетного, мы невольно пришли к мысли, что учитель наш - нечто вроде дипломата-антрополога, явившегося, чтобы вручить нам ключи к вратам, ведущим в галактическое сообщество. Говоря об этом создании, мы представляли себе гигантское насекомое и за стрекотом насекомых, наполняющим в полдень джунгли Амазонки,казалось, различали более низкий гармонический гул - сигнал, настраивающий нас на это скрывающееся в гиперпространстве существо. Это ощущение присутствия неизвестного третьего порой бывало очень сильным, особенно с пятого по десятое марта, а потом, постепенно слабея, исчезло совсем. Образ же насекомого-учителя породил многочисленные энтомологические гипотезы. Одно время мы склонялись к мысли, что процесс, к которому мы имели отношение, сродни рождению ребенка, но он похож также на метаморфозу, являющуюся частью жизненного цикла насекомых, в частности жуков, бабочек и мотыльков. Мы "знали": триптамин почему-то является главным ключом к разгадке ферментных тайн, окружающих метаморфоз. На память приходили неподтвержденные сведения о личинках жуков, которых индейцы Восточной Бразилии якобы употребляют в пищу из-за их галлюциногенного действия.

Дифракция света, встречающаяся в таких явлениях природы, как радуга, на павлиньих перьях, у некоторых насекомых, а также цвета, возникающие на поверхности некоторых металлов в процессе нагрева, проходят настойчивым лейтмотивом через одну из стадий нашего алхимического опуса. *Cauda pavonis* (павлиний хвост) - это короткая фаза, предвещающая окончательное побеление; по какому-то причудливому наитию я "знал": в природе такие переливы цвета указывают на присутствие триптаминовых соединений. Дальше - больше. Я "знал", что род южноамериканских бабочек *Morphoea*, известный своими большими крыльями, обычно почти целиком покрытыми сверкающими переливами голубого цвета, был бы идеальной группой, на которой можно провести исследование, чтобы прояснить этот неизученный феномен. Я "знал", что ферменты, принимающие активное участие в метаморфозе насекомых, получают молекулярную подстройку и регулировку (это происходит под влиянием гармонического стрекота тех лесных насекомых, в тела которых содержится психоактивный триптамин). Для них триптамин выполняет функцию антенны для ЭПР-сигнала коллективной ДНК - такую же функцию он выполнил и в нашем эксперименте. Сигнал этот каким-то образом удерживает весь класс Insecta

(насекомых) в состоянии устойчивого равновесия внутри общего потока эволюции. Такая странная гипотеза объясняет замечательную долговечность адаптации у насекомых, которые - это соответствует истине - выработали устойчивую стратегию эволюции еще сотни миллионов лет назад. Столь невероятные биологические прозрения возникали у меня непринужденно, как бы между прочим - их изрекал голос, что звучал у меня в голове.

В это же самое время мое внимание привлек характерный черный блеск, встречающийся у грибов. Такой эффект наблюдается, когда *Stropharia cubensis* растет кучно и споры больших грибов падают на шляпки их младших сородичей. И вот что интересно: тот же самый иссиня-черный металлический блеск был отчетливо виден на щитке большого и голосистого жука из рода *Buprestidae*, которого я как-то поймал в лесу в послеполуденный зной. Известно, что хитин, образующий внешний покров у насекомых и спор, - материал, обладающий одной из самых плотных электронных структур в природе; это свойство ставит его в один ряд с металлами. Мой внутренний учитель настоятельно рекомендовал, чтобы мы исследовали этот экземпляр на предмет наличия в нем психоактивных триптаминов. Если они будут найдены, это подтвердило бы гипотезу о том, что некоторые виды, создающие в лесу непрерывный стрекот, содержат в своих тканях триптамины. Триптамины - антенна биоэлектронной системы, которая позволяет насекомому настроиться на гармин, присутствующий в местных лианах *Banisteriopsis*, а через них - дальше, на коллективную сеть ДНК.

Я полагал, что если несколько представителей этого вида будут резонировать, то другие стрекочущие насекомые настроятся на этот молекулярный сигнал и, таким образом, усилив его, станут ежедневно поддерживать его в лесу в течение нескольких часов. Акустически возбуждаемые химические реакции достаточно известны. Я чувствовал, что некоторые процессы, входящие в жизненный цикл насекомых, должно быть, регулируются именно таким способом: благодаря акустическому воздействию некоторых видов.

Вот какие неправдоподобные и причудливые идеи возникали в те долгие, знойные дни, когда Деннис лежал, прикованный к гамаку, а я сидел на корточках где-нибудь рядом. Уже к третьему или четвертому дню после эксперимента я настолько освоил тот новый, насыщенный символами язык, на котором изъяснялся брат, что все больше убеждался: именно благодаря этому языку я смогу наблюдать, как он медленно, но постепенно придет в себя. Тогда часто бывало, что между приступами говорливости на него находили долгие периоды молчания, и каждый из нас уплывал в мир собственных откровений. В такие минуты я несколько раз опускал взгляд и, вздрогнув от испуга, замечал, что пальцы мои бессознательно собирают веточки и складывают в кучки, будто для крошечных костерков. Такое бессознательное занятие казалось мне чрезвычайно странным. Я понял, что меня буквально переполняют животворящие энергии, поступающие из какого-то неведомого источника о- того же самого, что снабжал меня, энергией, благодаря которой я мог запросто обходиться без сна. Иногда Деннис прерывал мои раздумья, спрашивая, не мог ли бы я или Ив выкуриТЬ для него сигарету. Вопрос демонстрировал его уверенность в том, что в гиперпространстве топология всех человеческих тел непрерывна, поэтому он без всякого Труда может получить все, что захочет, прямо из наших тел.

Так мы прожили пять дней - сон наяву, в котором ощущался явный перебор палиндромов и каламбуров. Мы испускали удивительно мало волн для взаимодействия с "реальным" миром, который нас окружал. Никто не приходил, чтобы поглязеть на нас или на наш лагерь. Можно было подумать, что мы превратились в невидимок.

Однако утром десятого марта все изменилось. Все пять дней я почти не отходил от хижины и не бывал дальше короткого отрезка тропы, который отделял ее от выгона. И вот в то на редкость ясное утро, после завтрака, поболтав с Деннисом, я убедился, что он ведет себя спокойнее и объясняется членораздельное, чем во все дни после эксперимента. Он показался мне таким благостным и умиротворенным, что я совершил неизбежную ошибку: принял это за чистую монету. Прихватив с собой Ив и сачок для бабочек, я отправился прогуляться по тропе вглубь джунглей. Тропа, белевшая промытым мелким песком - местами его слой доходил до нескольких дюймов, - словно манила все дальше, в чащу. Не успели мы пройти и четверти мили, как желание одержало верх над интересом к чешуекрылым. Риск, что на нас могут наткнуться витото, которые пользовались тропой, только увеличивал наш пыл. И вот, отбросив всякую осторожность, мы скоро забыли обо всем на свете. Что это было за наслаждение посреди буйной зелени проникать в сокровенные глубины Ив, сначала пушистые, потом гладкие и скользкие, и орошать их влагой! "Это за Владимира", - мелькнула у меня мысль: ведь в алчном уме Набокова всегда переплетались

"зеленая" страсть и бабочки. Мы отсутствовали не более сорока минут, но, вернувшись на поляну к хижине, обнаружили там лишь звенящую, гнетущую тишину, печать пустоты и заброшенности. Я больше не боялся, что Деннис заблудится в лесу и пропадет. Более того, я был совершенно убежден: каким бы ни было его состояние, такая участь ему не грозит. Чего я боялся, так это того, что он может привлечь внимание окружающих к нам и к пограничному участку, который мы исследовали. Оставив Ив в лагере на случай, если явится Деннис, я побежал на выгон, а потом через него - к миссии. На бегу я убеждал себя, что брат, должно быть, просто отправился навестить Ванессу с Дейвом и что я найду его у них. Я был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить, что колокола миссии, безмолвствовавшие все дни недели, кроме воскресенья, уже некоторое время звонят. Взойдя на пригорок, откуда открывался вид на "речной дом" и озеро пониже чорро, я увидел Ванессу: она вела Денниса по направлению к дому. Явившись туда, я почувствовал, что ситуация сложнее, чем я предполагал. Ванесса разозлилась, и я воспользовался случаем, чтобы выяснить, что же все-таки случилось. Похоже, Деннис вылез из гамака, как только мы с Ив скрылись из виду. Он отправился прямиком в миссию, нашел веревку колокола, созывающего прихожан к мессе, и звонил в него что было сил, пока священник не нашел Ванессу и Дейва и они не слишком любезно убедили Денниса не валять дурака. Однако уже гулявший по округе слушок, что один из членов нашей экспедиции слегка тронулся умом, от этой внезапной да еще и публичной выходки, разумеется, не улегся. Неустойчивое политическое равновесие, которого я добился и которое позволяло мне единолично решать, как обращаться с Деннисом, теперь нарушилось. Ванесса высказала мысль, что его нужно переселить в дом у реки, ее поддержали священники и полиция - по крайней мере, мне так сказали. Опираясь на внутреннюю уверенность, что волноваться рано, и вынужденный признать, что я совершенно утратил контроль над ситуацией, я согласился со всеми их предложениями.

У Ванессы были еще кое-какие новости: скоро должен прилететь самолет - нет, не для того, чтобы нас забрать, просто он даст нам возможность начать сборы в обратный путь. Один из нас сможет проделать стокилометровый перелет через джунгли до Сан-Рафаэля, где мы оставили запас снаряжения, прежде чем отправиться по тропе в Ла Чорреру. Это единственная возможность добраться до нашего склада по воздуху, а не пешком, и Ванесса настаивала, что мы должны ею воспользоваться. Я был согласен на все. Я-то знал: скоро крушение тысячелетий положит конец таким пустяковым заботам, но предпочел, чтобы другие сами открыли для себя этот факт, проникнув во все углубляющееся измерение будущего. Лететь самолетом вызвался Дейв - решение было принято почти мгновенно. Он доберется до наших запасов и единолично организует их отправку пароходом до Рио-Путумайо, а потом дальше до Боготы. Там мы с ним и встретимся, когда нам удастся отсюда выбраться, и если удастся, как именно - пока не ясно. Второпях уложили рюкзак. С небес соскользнул самолет, потом снова исчез, и с пугающей внезапностью мы остались вчетвером. Денниса перевели в "речной дом", и Ванесса с Ив стали его сиделками. Я предпочел остаться в джунглях, чтобы не создавать излишней тесноты. Продолжались споры: есть ли в его болтовне признаки улучшения, или он только еще больше углубляется в мир, где блуждает вот уже столько дней? Поскольку все мы некоторое время жили в Беркли, вид жертв лизергиновой кислоты не был для нас чем-то незнакомым, и сравнение состояния, в котором пребывал Деннис, с состоянием тех пропавших душ не прибавляло нам оптимизма. Переезд Денниса на реку стал поворотной точкой: с этого момента действие высвобожденного нами феномена стало развиваться больше во внешнем мире, нежели в наших умах.

И все это время, даже после переезда, мы с братом находились в постоянном поиске линзообразного предмета. В первые дни после эксперимента учитель говорил мне: "Ты почти нашел его, но не совсем". Или прибегал к метафоре сгущения: "Он сгущается", - почти идеальная алхимическая метафора. Камень везде. Он здесь. "Вижу камень, - говорил иногда Деннис, - он налево от меня, на расстоянии двести пятьдесят футов, внизу, рядом с омутом, висит над самой водой". Я каждый день продолжал расспрашивать его о камне, и с каждым днем "Софический аэроролит", эта универсальная панацея, все приближался и приближался. То и дело налетали грозы. Постепенно я заметил, что метеорологические феномены возымели склонность сосредотачиваться на юго-востоке. Я стал поглядывать в ту сторону, и каждый раз видел радугу. Наши представления о том, что происходит, колебались от глубоких религиозных прозрений до полнейшей нелепицы. Днем двенадцатого марта у Денниса выдалось несколько часов, когда он смог, хоть и весьма загадочно, отвечать на вопросы, которые мы ему ставили, о том, что ему кажется. Разговор этот состоялся в доме у реки, под которым поселились красавец-петух со своей

подружкой. Возможно, это был тот самый петух, крик которого я слышал на рассвете в день эксперимента и еще раз через два дня. И петух, и курица отличались веселой живостью нрава - об этом мы говорили и раньше.

В тот день Деннис обратил наше внимание на курочку. "Если рассматривать ее как произведение искусства, - изрек он, - то это просто-напросто шедевр. Спрашивается, кто мог сделать такую курицу? Только тот, кто сумел сотворить весь мир, в который мы попали. И кто же это? - он выжидающе огляделся, и не услышав ответа, неожиданно бухнул: - Джеймс Джойс". Еще несколько минут он продолжал развивать эту тему: дескать, "Поминки по Финнегану" являются собой образец самого полного понимания связи между человеческим разумом, с одной стороны, и временем и пространством - с другой, и поэтому Джойс, умерев, каким-то образом взял на себя ответственность присматривать за этим уголком Божьей Вселенной. В этом Деннис всего лишь проявлял себя последователем Уиндема Льюиса, который избрал темой своего романа *Век человеческий* посмертное восхождение Джойса к высотам славы. Джим и Нора - так прозвал Деннис новоявленное божество и его супругу - постоянно участвовали и проявлялись во всем, что ни происходило в Ла Чоррере, и в особенности в том, что любил Джойс. И курочка как воплощение Анны Ливии Плюрабель из "Поминок" принадлежала именно к этому разряду. Все в нашем тропическом Эдеме искрилось джойсовским юмором. Идеи эти были абсурдны, но очаровательны, и именно они заставили меня перечитать Джойса и признать его одним из истинных пионеров в деле составления карт гиперпространства. Однако в то время они едва ли могли пролить свет на то, что ожидало нас впереди.

С этой позиции восприятия жизни как литературы Деннис двинулся дальше. Он напомнил мне, что одной из алхимических аналогий философского камня, которыми мы пользовались между собой в нашем тайном шифре, был маленький серебряный ключик от деревянной шкатулки с инкрустациями и потайным отделением, принадлежавшей нашему деду. Я, в свою очередь, напомнил ему* что ключ был потерян еще во времена нашего детства, и сказал: если он сейчас же предъявит ключ, тем самым докажет, что действительно владеет шаманским даром и способностью преодолевать пространство и время. Наш разговор принял форму игры в вопросы и ответы, которая закончилась тем, что Деннис велел мне протянуть руку, а потом, хлопнув по моей ладони кулаком и испустив громкий птичий крик, Пронзительный и нелепый, оставил на ней маленький серебряный ключик. Меня словно громом поразило. Между нами и остальным миром были сотни миль. Сам Деннис был почти голый, и, тем не менее, вот он -ч- ключ, неотличимый от того, который хранится в моих детских воспоминаниях! Неужели все эти годы он прятал ключ только для того, чтобы предъявить его сейчас, в дебрях Амазонки, тем самым окончательно сокрушить мои представления о реальности? Или это просто похожий ключ, который Деннис привез с собой в Южную Америку и который я до сих пор каким-то образом умудрился не заметить? Это казалось маловероятным. Мы держали Денниса в комнате, далеко от того места, где хранилось наше снаряжение, и было трудно представить, что он вдруг стал настолько хладнокровным и предусмотрительным, что добрался до нашего багажа и тщательно разобрал его, чтобы обнаружить спрятанный там ключ. А потом, в любом случае, про ключ вспомнил я сам! Неужели он, желая меня одурачить, каким-то образом навел на разговор на тот единственный предмет, который взял с собой? Вопрос о серебряном ключике - был ли то настоящий ключ или нет, - так и остался открытym. Настоящая шкатулка тоже давным-давно потерялась, так что проверить ключ не удалось. Последний иронический оттенок этому эпизоду придает то, что мы с Деннисом оба обожали рассказы Г.-Ф. Лавкрафта и поэтому отлично знали, что у него есть вещь "Сквозь врата с серебряным ключом" -- сказка, где фигурируют множество измерений, странные существа, космическая времененная шкала и бесшабашные чудаки и искатели приключений вроде нас самих.

После того как Деннис перебрался в "речной дом", необходимость в моих еженощных бдениях отпала. Но отсутствие необходимости в сне сохранилось. Каждый вечер я ждал момента, когда все угомонятся, и в моем распоряжении будут долгие часы дивных, безмолвных размышлений. Как лисица-оборотень из "Ицзина", которая вечно бродит среди росистых ночных трав, я бродил по пастбищам и тропинкам, что окружают Ла Чорреру.

Иногда часами сидел под деревом с надписью АМА, наблюдая, как вокруг меня, сверкая, вращаются огромные мандалы пространства и времени. Порой носился широкими шагами, почти вприсядку, запрокинув голову и глядя на разноцветные звезды. То глубинное нечто, которое обитало в моем сознании, с легкостью соединяло звезды в созвездия, чтобы показать мне

гигантский зодиакальный механизм космической судьбы, которая, должно быть, стала известна древним благодаря внушению той же самой незримой силы. Я погружался в миллионы картин, рисующих человечество в самых разных краях и временах, постигая их и все же теряясь в неразрешимых загадках, бытия и человеческого предназначения. Именно в эти бархатные, усеянные звездами тропические ночи я ощущал, что нахожусь совсем близко к пониманию трехчастной тайны философского камня, Чуждого Иного и человеческой души. Есть в человеке нечто такое, что выше индивидуального "я", выше жизни и смерти. Оно обладает волей, побуждением и колоссальной силой. И вот теперь оно здесь, с нами.

Я пришел к убеждению, что при определенных обстоятельствах движущая сила сознания может выходить за пределы тела в окружающий мир. И тогда мир повинуется воле сознания до такой степени, что появляется возможность преодолеть инерцию существовавших доселе законов физики. Эту инерцию может преодолеть сознание, предопределяющее исход обычно случайных микрофизических событий. Со временем отклонение микрособытий от случайности накапливается, так что в конце концов под влиянием таких отклонений ход событий в более крупных физических системах тоже вынужден измениться. Когда хочешь, чтобы желания исполнились, главное - терпение, это очевидно. Неужто это всего лишь фантазия, попытка взрослого человека объяснить себе, как исполняются желания? Не думаю. Я пережил все это и знаю: чем больше у сознания времени, чтобы дать почувствовать свое влияние, тем больше возможность, что желаемые события произойдут. Как будто едва ощутимое давление, подталкивающее к известному итогу, осуществляет последовательность микроотклонений, приводящих к развитию неслучайной и антиэнтропийной ситуации, - и вот наше желание сбывается.

Признаюсь, искушение заставить желания исполняться преследовало меня всю сознательную жизнь. Помню, когда я был еще совсем маленьким и мама качала меня на руках, она склонялась надо мной и нашептывала старый детский Стишок: "Будь желания конями, даже нищий скакал бы верхом". Я научился читать его раньше, чем понял смысл. Вернее сказать, смысл его я пытаюсь понять до сих пор. Сейчас мне кажется, что именно так сознание работает в мозгу, где материя и энергия присутствуют в более свободном и динамическом состоянии, нежели где-нибудь еще в природе. Для сознания не представляет особого труда направлять электрический ток в центральную нервную систему (хоть мы понятия не имеем, как это делается); правда, управлять движением уже не электронов, а целых атомных систем, разбросанных по всему пространству и времени, --это уже потруднее. Вот почему так легко что-то задумать, а для того, чтобы желание сбылось, нужно гораздо больше времени. Об этом я размышлял долгими звездными ночами в Ла Чоррере, когда передо мной, казалось, вот-вот раскроется самая сердцевина тайны бытия. Золото алхимиков так и струилось сквозь мои пальцы, и я был уверен: сумей я сплавить его с надеждой и воображением, оно осталось бы со мной. Я видел, что существует промежуточный этап между сознанием, действующим во внешнем мире, и сознанием, действующим в центральной нервной системе, чьим посредником служит тело, а промежуточной средой - речь. Чтобы воспользоваться речью, сознание дает команду мозгу, чтобы он, в свою очередь, дал команду телу упорядочить случайное движение молекул воздуха перед собой. Такую упорядоченность сознание вносит в виде слова. При этом не нарушается ни один из физических законов, управляющих движением молекул воздуха, поскольку упорядоченный характер поведения молекул вызван притоком энергии - энергии, высвобождение которой обусловлено осознанным волевым актом. А воля не тот инструмент, который можно отыскать в научном багаже. Вот и получается, что речь - своего рода парапсихологическая способность, поскольку она включает в себя действие на расстоянии и телекинез, правда, выполняемый голосом. Возможно, под влиянием психоцибина колоссально усиленный волевой импульс можно было бы передать голосом во внешний мир, где он сумел бы найти себе лучшее применение, чем просто наложение сигнала на случайное движение молекул воздуха. Порой случается наблюдать, как обыкновенная речь влияет на коэффициент рефракции воздуха перед ртом говорящего. Если посмотреть сбоку, то иногда можно заметить, как воздух перед ртом начинает подрагивать, напоминая колебания миража над раскаленной автострадой. Возможно, это намек на то, что скрытая потенциальная возможность речи выходит за рамки ее обычной функции - символизировать реальность - и заключается в показе этой реальности. Тогда выходит, что результатом должен стать более совершенный Логос - Логос, способный направлять деятельность "эго", поскольку он существует во всей совокупности индивидов, живущих в любое время. Он подобен Богу - это человеческий бог. Это нечто, что произойдет, значит, уже происходит.

Для всего есть предвестники. Онтологический характер высших измерений, к которым приближается человечество, предвещает неведомое, которое мы называем совершенно иным и чуждым. И это чуждое учит нас, используя режим усиления: оно готовит нас к встрече с собственной божественной гранью, которая вот-вот раскроется благодаря нашим поискам природы бытия и материи. Вот какие застольные беседы вела наша приунывшая компания искателей приключений. Тогда нам казалось, что мы торчим в Ла Чоррере уже давным-давно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ТАРЕЛКА, ПОЛНАЯ ТАЙН

В которой мы готовимся к отъезду, я встречаю летающую тарелку, а по пути обратно в Беркли теории растут как грибы. Одиннадцатого марта было полнолуние. После переполоха, который Деннис учинил с церковными колоколами, этот день прошел без особых событий - я хочу сказать, что вспомнить о нем особо нечего. Сам я по-прежнему пребывал в экстатическом состоянии полной уверенности, что все, что ни делается, только к лучшему, уверенности в том, что неведомое, с которым мы общаемся, вот-вот подтолкнет события к решающему концу.

На следующий день к вечеру из "речного дома" пришла Ив повидаться со мной. Она стала звать меня на реку, чтобы поужинать всем вместе. В ней чувствовалась напряженность, которая не миновала никого из нас. Сомнений не оставалось: происходящее подталкивало нас к самому пределу того, что мы были способны принять, не восстав против этой незримой силы. Когда мы вместе шли через выгон, атмосфера казалась еще более живой и активной, чем обычно, - облака стремительно множились, из леса наползал туман. Ив показала на юго-восток: там высоко в небе клубилась и вспыхала зловещая черная масса. Мы остановились и стали наблюдать. Через несколько мгновений она стала похожа на огромное грибовидное облако - последствие ядерного взрыва. Зрелище было поразительное, и Ив напомнила мне о том, что Деннис как-то сказал про *Stropharia cubensis*: это гриб в конце истории. Для него форма радиоактивного облака была физическим и биофизическим каламбуром, намеком на преобразующую способность строфарии и ее взрывное вторжение в историю человечества.

Мы продолжали наблюдать, и вдруг Ив тихо вскрикнула. Из клубящегося брюха облака вырвался сноп света. Да так и остался. Это не была вспышка молнии. Вряд ли это мог быть и солнечный луч, поскольку день клонился к вечеру и солнце находилось на западе, а туча на юго-востоке. Мы смотрели на него, наверное, около минуты. Потом он внезапно исчез.

Ив была потрясена. Этот случай, даже больше, чем застывшая поверхность реки, принадлежал к разряду явлений, резко отличавшихся от всего того, что ей довелось пережить в Ла Чоррере. Дойдя до костра, который уже горел в лагере у реки, мы узнали, что Ванесса побывала в миссии у отца Хозе Мария и там разговаривала по радио с местным пилотом, который унес от нас Дейва. Под влиянием уговоров Ванессы летчик согласился отнести к нам как к терпящим бедствие и обещал вернуться через несколько дней, чтобы забрать нас отсюда. Такая перспектива мне ничуть не улыбалась. Я знал, что мы, чужаки, гринго, потеряем лицо в глазах местных жителей, стоит им только узнать, что мы срочно сматываемся, да еще самолетом. К тому же я не разделял уверенность Ванессы, что для возвращения к норме Деннису необходимо стать пациентом современных психиатров. Но делать было нечего. Ужинали мы в молчании, каждый был погружен в собственные думы. На следующий день предстояло упаковать все снаряжение и перетащить его на берег: нужно было готовиться к отъезду, поскольку прилететь за нами могли в любое время, без дополнительного предупреждения. Итак, мы готовились вырваться из вихря Ла Чорреры. Единственным забавным моментом в тот вечер был рассказ Ив. Она в лицах изображала, как Деннис, ускользнув от бдительной опеки Ванессы, посреди ночи улизнул из "речного дома" и, пробравшись в жилище колумбийских колонистов, тихонько устроился в уголке, где они, проснувшись, и обнаружили его, столь же незаметного, как какой-нибудь предмет обстановки. Когда Ив замолчала, невысказанные измерения ее истории вернулись и зашевелились в мыслях каждого из нас; Следующий день был тринадцатое марта.

От нашего лесного лагеря, благословенного места, где состоялось экспериментальное преображение, осталась одна оболочка. Все, что отличало его от десятков других витотских хижин, было сорвано и унесено, и он вернулся к своему прежнему безликому состоянию. Снаружи образовалась целая куча имущества: наша поспешная эвакуация по воздуху оставляла слишком мало места для снаряжения, и с собой мы смогли забрать только некоторые образцы растений и насекомых, камеры да записи эксперимента - вот и все. А то, что осталось, быстро станет добычей

терпеливых витотов, владельцев места, где состоялась наша экспериментальная встреча с гиперпространством. Мы все собрались в "речном доме", готовые лететь, как только появится самолет.

Казалось, все движется к развязке само, помимо нас. Мы плавали в реке, сидели на камнях, глядя в небо и слушая заливистые трели мелких земноводных. Так прошел день; даже Деннис утихомирился после того утреннего эпизода, когда он принял методично выбрасывать из окна все, что было у него в комнате, и дошел до того, что чуть не отодрал оконную раму, чтобы вышвырнуть вслед за всем остальным. Около четырех я лежал на берегу футах в двадцати от воды, размысливая о прогулке к реке, которую совершил два дня назад; тогда каждый шаг, приближавший меня к воде, казалось, привносил в мысли все больше ритма и рифмы. Невесть откуда на память пришла старая кельтская поговорка, которую приводит Роберт Грейвс: "Поэзия творится на краю бегущей воды". Я был почти уверен: недавний случай у края воды имел к ней какое-то отношение, и задумался на эту тему. На берегу передо мной Ванесса с Ив занимались стиркой. Напротив, за рекой, вставал юго-восточный небосклон, на котором мы с Ив двадцать четыре часа назад видели облако, испускающее сноп света. Поглядев в том же направлении, я заметил, как мне показалось сначала, блеклое основание радуги - место на небе, почти над самым горизонтом, слегка отсвечивающее всеми цветами спектра. Выждав несколько секунд, я позвал обеих женщин и спросил, видят ли они за рекой радугу. Обе бросили мимолетный взгляд через реку и сразу же заявили, что ничего не видят. Я не стал спорить и продолжал наблюдать за небом в том же месте. Я уже давно перестал навязывать свое мнение другим. Меня и так считали чокнутым - не то чтобы совсем рехнувшимся, но все же человеком, которому не стоит доверять и на которого нельзя положиться, и неудивительно: ведь я верил в такие странности. Это поневоле внушало подозрение. Я все смотрел за реку и скоро обнаружил, что эффект усиливается. Это меня страшно заинтересовало. Казалось, в столь пасторальном обрамлении назревает какое-то великое откровение. Я продолжал наблюдать и увидел, что цвета становятся ярче и ярче; сам лук радуги так и не проявился, но в одном месте цвета виднелись совершенно отчетливо. Тут я снова задал женщинам вопрос, видят ли они за рекой радугу. Снова мимолетный взгляд... И что же? Моя взяла! - Видим, видим. Только она не особо удалась, согласен? Мгновение - и та гиперактивная часть моего воображения, которая вечно была занята поиском отгадок, ухватилась за эту деталь. Итак, сначала была туча, из которой выходил сноп света, а теперь в том же самом месте появилось пятно из спектральных цветов. Я остро ощущал: небесное око все ближе подбирается к моим мыслям и с удовлетворением наблюдает, как до меня постепенно доходит особое значение юго-восточного направления и необходимость сосредоточенно наблюдать именно за этой точкой. Учитель у меня в голове произнес: "Вот это место. А вот и знак. Поглядывай сюда". Я не сказал никому ни слова, но твердо решил: хватит проводить бессонные ночи, как я это делал до сих пор, бродя по полям словно лиса-оборотень или занимаясь созерцанием у чорро. Лучше сидеть здесь, где кончается озеро и Игара-Парана продолжает свой неспешный бег. Здесь, на пристани, расположенной у подножия крутого глинистого откоса, семьюдесятью футами ниже "речного дома", сидеть всю ночь напролет и наблюдать.

Так я и просидел всю ночь, заново передумывая то, что с нами случилось. Казалось, сознание мое раздвоилось: оно уходило в прошлое, спускаясь по семейному генеалогическому древу, и одновременно устремлялось вперед, в будущее. Мне виделись все те годы, что ждали меня впереди. Виделся некий метод - следствие нынешнего контакта, виделись наши жизненные пути, их развитие во времени и в пространстве и, наконец, окончательное подтверждение, когда миру откроется истина о способности возникающих под действием строфарии видений переносить нас в иные измерения и о том, как близки те миры, которые они распахивают перед нами. Ибо я уверовал в то, что человечество вступает в пору контакта с разумными и совершенно отличными от нас существами. Это выглядело так, будто из долгой ночи космического времени рождалось нечто абсолютно новое, неизведенное - миг контакта двух разумов, находящихся на совершенно разных уровнях. Мы - одни из первых, кому было суждено установить контакт с этим Иным видом. И это оказалось реальностью.

Мы явились в экваториальные джунгли, чтобы исследовать измерения, проблеск которых являлся нам в триптаминовых видениях, и здесь, в сумрачном сердце Амазонки, нас отыскало и коснулось это загадочное древнее существо, которое ныне пробуждается навстречу новой глобальной перспективе - установить симбиотическую связь с нашей технической цивилизацией. Всю ночь напролет меня пронизывали диковинные видения и прозрения. Передо мной,

разделенные непостижимыми расстояниями и эпохами, вставали исполинские машины и планеты, населенные растительными и механическими созданиями. А мимо, агатово поблескивая, струилось время, словно живая супержидкость, населяющая края сновидений, где царят ужасающие давления и абсолютный холод. И я узрел план, величественный план. Наконец-то! На меня снизошло блаженство, экстаз, который длился несколько часов и отметил всю мою прошлую жизнь печатью завершенности; Под конец я почувствовал, что полностью переродился, вот только в кого - этого я не знал. Поток внутренних картин растаял в серой мгле, предвещающей скорый рассвет. Я встал с места, где просидел столько часов, и потянулся. Небо было ясное, но стояла такая рань, что на западе еще тускло светили звезды. На юго-востоке, куда было устремлено все мое внимание, небо было чистым, за исключением полоски жавшегося к земле тумана, который стялся за рекой параллельно горизонту, всего в полукилометре от места, где я находился. Продолжая потягиваться, я стоял на плоском камне, с которого только что поднялся. И тут я заметил, что полоса тумана как будто потемнела и теперь не то клубилась, не то колыхалась, по-прежнему оставаясь на месте. Я пристально наблюдал. Вот клубящаяся полоса темнеющего на глазах тумана разорвалась пополам, потом каждое из образовавшихся облаков в свою очередь тоже разделилось надвое. Все эти метаморфозы заняли не больше минуты - и вот я уже глядел на четыре линзообразных облака одинакового размера, строем вытянувшихся над самой линией горизонта всего в полукилометре от меня. На меня накатила волна тревоги, сменившаяся вполне отчетливым страхом. Я застыл на месте, не в силах пошевелиться, как это бывает во сне. Пока я стоял и смотрел, облака снова соединились, так же быстро, как и разделились, - на это ушло еще несколько минут. Симметричность, с которой они делились и соединялись, а также то, что меньшие облака были все одинакового размера, придавали сцене какой-то неестественный вид, будто сама природа внезапно превратилась в орудие какой-то незримой движущей силы. Соединяясь, облака становились еще темнее и плотнее. Слившись воедино, они образовали тучу, которая, как мне казалось, завихрялась внутрь, наподобие торнадо или водяного смерча. У меня мелькнула мысль: это, должно быть водяной смерч, явление природы, которого мне до сих пор видеть не доводилось. Но едва эта мысль оформилась у меня в голове, как я услышал резкий, пронзительный вой, плывущий над верхушками деревьев, - очевидно, оттуда, где находился наблюдаемый мной феномен.

Я оглянулся на "речной дом", стоявший в семидесяти футах позади на крутом склоне, прикидывая, хватит ли у меня времена добежать до него и кого-нибудь разбудить, чтобы получить подтверждение, что все происходит наяву. Чтобы поднять кого-то с постели, мне пришлось бы карабкаться по склону на четвереньках, а значит, оторвать взгляд от того, за чем я так внимательно следил. Мне потребовалась доля секунды, чтобы принять решение: нет, я не могу бросить свой наблюдательный пункт. Я попробовал крикнуть, но из стиснутого страхом горла не вырвалось ни единого звука. Тем временем похожий на сирену вой быстро набирал силу, и вместе с ним все вокруг, казалось, ускоряло темп. Движущаяся туча явно росла все быстрее, направляясь прямиком к тому месту, где я стоял. Я почувствовал, что ноги мои подкашиваются, и, трясясь как осиновый лист, сел наземь. Впервые я по-настоящему поверил во все, что с нами приключилось, и понял: эта летучая штуковина явилась, чтобы меня забрать! Казалось, чем ближе она подлетает, тем плотнее становится. Потом она пролетела прямо у меня над головой на высоте футов в двести, круто взмыла вверх и скрылась за вершиной откоса, что высился позади меня. В последний миг перед тем, как она пропала из виду, я до отказа напряг зрение и сумел разглядеть ее совершенно отчетливо.

То был 'медленно вращающийся аппарат в форме тарелки, светящийся неяркими огоньками, голубыми и оранжевыми. Когда он пролетал надо мной, я успел заметить на нижней его поверхности симметричные углубления. Он издавал прерывистое гудение, совсем как летающие тарелки из фантастических фильмов. Меня охватило смятение. Сначала я пришел в ужас, но как только понял, что этот гость с небес не собирается забирать меня с собой, сразу же почувствовал разочарование. Я был поражен и старался как можно точнее запомнить все, что увидел. "Неужели он настоящий?" - задавал я себе тот наивный вопрос, который одинаково применим к НЛО, столам и стульям. Ведь насколько мне известно, никто, кроме меня, его не видел, единственным очевидцем был я. Но я был уверен: будь там другие наблюдатели, они увидели бы в принципе то же, что и я. Что же касается вопроса, "настоящий" ли он, - кто знает? Я-то видел, как эта штука из клочка облака превратилась в утыканый заклепками летательный аппарат. Только к чему она ближе по своей сути - к облаку или к летательному аппарату? Или это просто галлюцинация? В

моих свидетельских показаниях можно легко усомниться: против них говорят и всем известная моя бессонница, и увлечение растительными галлюциногенами. Хотя, как ни странно, этот последний довод может быть истолкован в мою пользу. Я испытал на себе действие галлюциногенов всех известных классов и могу сказать, что увиденное в то утро не подпадает ни под одну из категорий галлюциногенных видений.

И все же против меня была одна дурацкая деталь, от которой никуда не денешься и которая сводила весь эпизод к полнейшей нелепице. Дело в том, что когда тарелка пролетала надо мной, я разглядел ее достаточно отчетливо, чтобы понять: она как две капли воды похожа на тот НЛО с тремя полусферами на днище, который фигурировал на фотографии Джорджа Адамски, объявленной фальшивкой. Я не особо следил за всеми перипетиями дискуссии, но разделял мнение экспертов, утверждавших, что на снимке Адамски изображена заглушка гуверовского пылесоса.

И теперь в небе над Ла Чоррерой я увидел тот же самый предмет! Может быть, его изображение позаимствовано из мальчишеских фантазий энтузиаста НЛО? Причем с такой же легкостью, с какой до того заимствовались другие воспоминания? Раз - и в небесах внезапно появляется мое же стандартное и уже разоблаченное представление об НЛО! Но благодаря его появлению в облике, который сам себя ставит под сомнение, достигается более полный диссонанс сознания, чем в том случае, если бы его внешняя чужеродность была бы абсолютно убедительной.

Если вы спросите меня, что это было - а кого же вам еще спрашивать? - я отвечу: либо голограммический мираж такого технического совершенства, которое на Земле сегодня просто недостижимо, либо явление чего-то такого, что в тот миг предпочло показаться сначала в виде облака, потом в виде машины, но вполне могло предстать в любом другом обличье: проявление всеведающей власти насмешливого нечто над миром формы и материи. То не был обычный мираж. Годы спустя мне пришло в голову, что, возможно, то был доселе нам неведомый мираж - временной. Обычный мираж - это перевернутое изображение водоема или отдаленного пейзажа. Причина его возникновения - искажение света перемежающимися слоями холодного и нагретого воздуха. В Индии, под Бенаресом, я видел тройное изображение города, повисшее над гладью реки Ганг. Но временной мираж - совсем другое дело: это линзообразное изображение отдаленного времени и места. Причина его возникновения неизвестна. А в один класс обычный и временной миражи объединяет то, что для существования обоим необходим посредник - человеческий разум.

В некоторых районах планеты есть места с особыми условиями, способствующими появлению миражей. Так, может быть, это справедливо и для временных миражей? Или, может быть, временной мираж - это явление природы, а НЛО - творение разума, результат того, что некая грядущая цивилизация использует временной мираж или экспериментирует с ним? На мой взгляд, это последнее предположение ближе всего к истине.

НЛО есть отражение некоего грядущего события, которое предвещает будущее господство человечества над пространством, временем и материей. Мы же в своей неуклюжей попытке исследовать подобные тайны сумели добиться лишь того, что природа извергла эту огромную пылающую искру чистого противоречия из "темной реторты, где она уже тысячелетия ставит свои химические опыты. И все же то, что нам удалось это сделать, исполнено глубокого смысла.

Для меня это означает, что мы вышли на верный след: гриб *Stropharia cubensis* - это банк памяти галактической истории. Принадлежащий к совсем другому виду, но тем не менее, сулящий многое, он открывает перед нами возможность для нового понимания, которое разом положит конец представлению о том, что человечество навеки приковано к земле и к своей истории.

В Ла Чоррере я лишь однажды имел случай убедиться, что наш метод себя оправдает. Теперь, когда вокруг наших идей начинает сплачиваться группа единомышленников, я еще больше уверен: ответ на все загадки, которые не дают нашему мировосприятию обрести равновесие, можно найти, заглянув в себя. Когда мы, призвав на помощь псилоцибин, заглядываем в себя, то обнаруживаем, что нет нужды смотреть вовне, навстречу пустым обещаниям жизни, которая вращает далекие звезды, дабы утолить наше космическое одиночество. Смотреть нужно вовнутрь - тропы сердца ведут в сопредельные миры, полные жизни и любви к человечеству. Встреча с НЛО стала для меня кульминационной точкой нашей работы в Ла Чоррере.

Мой контакт с тарелкой произошел четырнадцатого марта, а на следующее утро, пятнадцатого марта, в одиннадцать часов, прибыл самолет - неожиданный, но отнюдь не нежданный. Ванесса, например, ждала его уже третий день. После того как мы распрошались со священниками и полицейскими - они все как один с безграничным терпением относились к нашей пестрой

компании и ее необычным занятиям, - забраться на борт было минутным делом. В последнее время мне разве что в видениях грезился материал, из которого был сделан наш самолетик, - отполированный акриловый пластик, неуязвимый для сильного ультрафиолетового излучения (на Амазонке его прозвали "кожа мачете"), первое напоминание о мире, в который нам предстояло вернуться.

Деннис вел себя как нельзя лучше. Кроме отпущенного при посадке замечания, что самолет - это частичная конденсация летающей тарелки, он почти ничего не говорил. Рев двигателя, решительно взятый на себя руль - и вот уже пилот, легенда здешних мест, в воздухе, а вместе с ним и мы. Какой же это крошечный мирок, Ла Чоррера: мелькнули постройки, стадо пасущихся на зеленом лугу зебу, похожих на тающие шарики ванильного мороженого, и он скрылся за непроходимыми джунглями. "Вот и осталось позади все, с чем мы соприкасались и что соприкасалось с нами", - подумалось мне.

В Летисии мы провели два дня. За это время Деннису стало явно лучше, зато другие начали в разной степени отдаляться друг от друга. Наверное, это была компенсация за излишнюю близость, следствие оторванности нашей экспедиции от всего остального мира. Самое странное, что произошло с нами в Летисии, так это встреча в аэропорту: едва мы успели спуститься по трапу, как столкнулись с Джеком и Руби, американской четой, которая пару недель снимала у Ив квартиру в Боготе.

Когда я встретил их шесть недель назад, сочетание их имен показалось мне странным (Джек Руби), теперь же то, что они, можно сказать, поджидали нас в аэропорту, только усугубило эту странность. Все это как-то не укладывалось у меня в голове. Когда мы вернулись в Боготу, Деннис почти полностью пришел в норму; он настаивал на том, что его состояние было вызвано не проявлением хронически неуравновешенной структуры личности, а неким времененным нарушением химического равновесия. От любого напоминания о сверхпроводящих связях четвертого измерения, аяхуаске или шаманизме его бросало в дрожь. "Слушай, я сыт этим по горло", - говорил он. И его можно было понять.

Брат почти пришел в норму, дли меня же только начинался многолетний период нового мышления - состояние затянувшегося недоверия, породившее идеи о природе времени, которые я изложил в книге "Невидимый ландшафт".

Двадцатого марта мы пришли к единому мнению, что Деннис окончательно вернулся к нам. Все были нескованно счастливы и отпраздновали это событие в одном из лучших ресторанов Боготы. Это "было колоссальное достижение - позволить обратному процессу пройти своей чередой, без пагубного воздействия методов современной психиатрии. Решающее испытание в дикой глухи, испытание, которому рано или поздно должен подвергнуться каждый шаман, закончилось успехом. Мы сделали первый шаг на пути к знанию.

Двадцать первого марта я сделал запись в своем дневнике - первую за несколько недель и единственную, что мне удалось сделать за пару следующих месяцев. Вот что я написал: 21 марта 1971 года.

Прошло семнадцать дней с четвертого марта и конкретизации амперсенда. Если я более или менее верно понял этот феномен, то завтрашний - восемнадцатый - день означает собой середину эксперимента. По моим прогнозам, завтра Деннис вернется к тем психологическим установкам, которые были у него до первого марта, хотя может случиться и так, что вместо остаточной амнезии относительно событий в Ла Чоррере, у него проявится растущее понимание эксперимента, авторство которого принадлежит ему. Прошедшие недели дались нам нелегко, казалось, они состояли из стольких времен, мест и умов, что изложить события рационально, в хронологическом порядке, было бы просто невозможно. Только "Поминки по Финнегану" дают некоторое понятие о парадоксе в том виде, в котором его, испытали мы, благодаря обретенной способности проникать за двуликую сущность времени. Несмотря на прежнее непонимание и неверные представления о циклах времени и чисел, оперирующих внутри этого феномена, теперь я уверен, что за эти семнадцать дней мы пережили - правда, порой с отступлениями и, разумеется, в чрезвычайно сжатом виде - достаточно полный цикл, чтобы суметь предвидеть, пусть и не вполне ясно, события следующих двадцати с лишним дней и иметь некоторое представление о приблизительной природе и направленности развития опуса.

Из этой записи ясно видно: если Деннис почти оправился от захватившей все его существо титанической борьбы, я все еще находился в самой гуще своей собственной битвы. Мною завладела и, завладев, уже не отпускала навязчивая до одержимости идея о природе времени.

Заурядные заботы повседневности потеряли для меня всякий интерес. Внимание мое полностью сосредоточилось на попытках построить новую модель времени, истинного времени. Меня занимали резонансы, рекуррентности и идея, что события - это интерференционные картины, появление которых вызвано другими событиями, отдаленными по времени и причинам.

В этих ранних своих умопостроениях я изобрел некий мифический цикл, на завершение которого требовалось сорок дней. Только позднее, под впечатлением календарной природы временных циклов и их связи с ДНК, я обратил внимание на циклы продолжительностью в шестьдесят четыре дня. Эти раздумья в конце концов привели меня к "Ицзин". В тех ранних моих соображениях по поводу сорокадневного цикла алхимического искупления едва угадывается окончательная теория, разработанная в конкретных деталях, и все же очевидно, что цель у них одна. Резонансы, интерференционные картины и фрактальные регрессии времени во времени - вот материалы, из которых я начал возводить свою теорию. И в конце концов, после нескольких лет трудов, ей суждено было обрести некоторую стройность. Однако стройность эта - дело будущего. Первые наметки отличались неуклюжестью, самоцитированием и своеобразием. Только уверенность в том, что их удастся привести в членораздельный и понятный для других вид, все эти годы удерживала меня от того, чтобы бросить все к черту, пока первые интуитивные прозрения наконец не преобразовались в систему формальных доказательств.

Конец марта мы провели большей частью в Боготе. То был довольно мрачный период. Муравьиная сутолока перенаселенного современного города плохо действовала на наше обостренное пребыванием в джунглях восприятие. Деннис вел себя совершенно нормально, вот только вид у него был болезненный и слегка пришибленный. От Дайва никаких вестей не было, и Ванесса в конце концов вернулась в Штаты одна. Двадцать девятого Деннис последовал ее примеру и вылетел в Колорадо. Я уговаривал Ив поехать в Южную Колумбию: мне нужна была передышка для размышления. Так мы и сделали. Я восстановил в памяти события в Ла Чоррере - при этом никаких новых открытий мне сделать не удалось - и пришел к выводу, что домой нас ввлекла какая-то физическая сила притяжения. Тринадцатого апреля, спустя без одного дня месяц после моей встречи с НЛО, мы вернулись в Беркли. Пребывание там было кратким и нелегким.

Я уже начал различать смутные очертания того, чему суждено было стать теорией временной волны "Ицзин". Как раз тогда были составлены схемы иерархии гексаграмм "Ицзин", иерархии, которая в конце концов превратилась в компьютерную программу под названием "Временная волна ноль". Я сторонился людей и с головой ушел в работу - ни к чему другому у меня не было ни интереса, ни терпения. Мной овладела мания творчества такой силы, какой я не мог себе даже представить. Казалось, каждый разговор на эту тему только усугубляет зияющую пропасть непонимания. Мои попытки получить отклик у тех, кого я тогда считал "столпами науки", сопровождались самыми смеютворными случаями.

В один прекрасный майский день это нелепое намерение привело меня в лабораторию вирусологии и бактериологии Калифорнийского университета в Беркли. Я заранее договорился о встрече с доктором Гюнтером Стентом, специалистом мирового класса в области молекулярной генетики, автором "Молекулярной химии гена". В то время я еще не знал ни того, что Стент славится своей легендарной скандинавской прямотой, ни того, что он мнит себя человеком Возрождения и социальным философом. Через год или два он опубликует книгу, призывающую к реформе общества в целом, где в качестве идеальной модели предложит традиционный общественный уклад жителей Самоа. Я застал великого ученого в лаборатории. Одетый в белое, он царил меж пузатых колб и обожающих его старшекурсников. Меня оттуда шуганули, и какой-то ассистент провел меня в кабинет Стента, окна которого выходили на запад, где вдали, за университетским городком, угадывался силуэт моста Золотые Ворота. С высоты десятого этажа студенческий городок походил на копошащихся на зеленой лужайке муравьев. Через несколько минут ко мне присоединился сам Гюнтер Стент. Аскетического вида, он откинулся в кресле, а я пустился излагать идеи, стоявшие за экспериментом в Ла Чоррере. Я старался начать исподволь, но мне мешали нервозность и излишнее благоговение. Через несколько минут я почувствовал, что Стент, кажется, прикидывает, не наброшу ли я на него с кулаками. К чести своей, он, похоже, отогнал эти тревожные подозрения и предоставил мне разглагольствовать дальше. Лицо его приобрело абсолютно бесстрастное выражение, и я все больше недоумевал, в каком направлении пойдет наша беседа. Наконец после особо длинного и оригинального пассажа, на всем протяжении которого он сохранял полнейшую непроницаемость, я решил поставить вопрос ребром. - Доктор Стент, я пришел, чтобы рассказать вам об этом только потому, что хотел бы узнать, есть ли в моей

теории что-то стоящее, или она целиком ошибочна. Он слегка оттаял и, поднявшись из-за стола, подошел к окну. Мы оба постояли, глядя на запад через толстое стекло. Потом со вздохом сожаления, от которого у меня упало сердце, Стент повернулся ко мне и проговорил: - Дорогой мой юный друг, эти идеи нельзя даже назвать ошибочными. Отчаяние мое было столь глубоко, что я обратился в бегство, сгорая от смущения. Ну и поделом мне, нечего было пытаться заигрывать с традиционной наукой. Подобные встречи убедили меня, что придется заново изучить эпистемологию, генетику, философию науки - всю гамму дисциплин, необходимых для разговоров на темы, к которым у меня пробудился столь безудержный интерес.

По мере того как я все глубже постигал "Ицзин" ("Книгу перемен"), моя идея о том, что ее структура есть основа временной волны или волн, продолжала развиваться. Эти волны представляют собой дискретные периоды перемен, которые следуют друг за другом и одновременно включают в себя друг друга. Я пришел к пониманию того, что логика временных волн явно подразумевает окончание обычного времени и конец общепринятой истории.

На этом этапе идея симбиотической психометрии и увиденный в Ла Чоррере НЛО, встретившись у меня в голове, отождествились друг с другом и с темой конца света, присутствующей в западных религиозных традициях. Первая - еще количественно неопределенная - временная карта изобиловала совпадениями, связанными с моей личной биографией. В частности, получалось, что граничные точки каждого участка волны имеют для меня особое значение. Если совместить одну из этих точек с экспериментом в Ла Чоррере, то получалось, что некоторые точки в прошлом (смерть матери и встреча с Ив) и в будущем (двадцать пятый день рождения) приобретают особый смысл. Я убедился, что важные для меня события происходят с пугающей регулярностью - каждые шестьдесят четыре дня. Над этими идеями нужно было поработать в одиночку, поскольку моя маниакальная сосредоточенность на них и их парадоксальность производили на окружающих нелепое впечатление. Я понял: чем бы ни был исследуемый эффект - обычным явлением природы или единственным в своем роде исключением, - ясно одно: он настолько важен для меня лично, и потому нужно позволить силам, с которыми меня связала судьба, довести игру до конца. Каким бы странным ни казался другим мой план, я решил вернуться в Ла Чорреру, в ее уединение и таинственность, и просто пожить там, наблюдая за тем неведомым, что на меня снизошло. Перед самым отъездом из Колумбии мы с Ив купили изумруды. Теперь, продав их, мы выручили больше, чем достаточно, чтобы оплатить наше возвращение в сюрреалистический мир солнца, лесов и рек, давший начало моему наваждению.

Я решил, что снова оказавшись в Ла Чоррере, запишу все, что с нами произошло. Таков был мой план, а результатом стали первые наброски "Невидимого ландшафта". Друзья в Беркли горячо приветствовали мое намерение покинуть Калифорнию. Забота о состоянии моего рассудка стала в нашем кругу излюбленной темой, к тому же до нас дошел слух, будто ФБР пронюхало о моем возвращении и начало розыск. Гашишные моря от Бомбея до Эспена тянулись из прошлого. Как говорится, пришла пора сматывать удочки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

В которой мы вдвоем с Ив возвращаемся в Ла Чорреру, а новая комета направляется к Земле.

Пятнадцатого июля мы с Ив снова очутились на границе внутренней Амазонии. Мое намерение вернуться в Ла Чорреру становится реальностью. Записи в моем дневнике возобновляются с того момента, как мы начали спуск по Рио-Путумайо, название которой вызвало у меня тогда новые этимологические ассоциации, что-то вроде "иллюзорной шлюхи" (Пута (исп.) - шлюха, проститутка; маня - одно из центральных понятий индийской философии. В школе веданты употребляется в значении иллюзии, скрывающей истинную природу брахмана).

15 июля 1971 года. Отплыв несколько часов назад из Пуэрто-Легисамо вместе с грузом, состоящим из пива и скота, мы с Ив снова попали и все глубже погружаемся в свою мечту - леса и реки бассейна Амазонки. Это возвращение, цель которого - продолжить размышления о неведомом пока феномене в том нетронутом окружении, где мы его обнаружили, знаменует верность этому феномену и углубление в него, поступок, который, по моим представлениям, любой, кто знаком с событиями, выпавшими на нашу долю в марте, счел бы невероятным и даже сопряженным с известной долей риска. Я имею в виду не те опасности, которые подстерегают в джунглях, или неизбежные тяготы, спутники путешествующих по отдаленным краям, а скорее психологический стресс, сопряженный со встречей с феноменом - как ни странно, он во многом является частью

нашего собственного "я" и в то же время огромен и чужд - вдали от умиротворяющего круга друзей и от всего мира, который знать не знает о нашем столкновении с феноменом и том новом понимании, которое мы из него почерпнули, или относится к этому скептически.

Первая моя забота здесь - это исключить любые неожиданности. И потому я ни на минуту не забываю о том загадочно-шизофреническом превращении, которое произошло с моим братом. Я уверен, мы имеем дело с чем-то таким, чему не свойственны неустойчивость или неопределенность внутренней динамики. Тщательный анализ и последующее изучение помогут исключить возможность того, что новый контакт с феноменом произойдет внезапно, что он свалится как снег на голову или поведет себя непредсказуемо. Вот только как найти к нему правильный подход, по-прежнему остается неясным.

"Внутренний голос" феномена неоднократно заявлял: "С тех пор как мой брат закончил свой опус по гиперкарболяции, больше делать абсолютно нечего, а если все-таки возникнет необходимость в каких-то действиях с нашей стороны, то благодаря самой природе контакта они совершаются сами собой".

Мы с Ив тихо-спокойно прожили в Ла Чоррере с августа по середину ноября 1971 года. Часто нам бывало весело. И все это время мне удавалось сохранять полную погруженность во внутренние процессы, которые я исследовал. Дни мои были заполнены до отказа: то, углубившись в раздумья, я бродил по окрестностям Ла Чорреры, то часами корпел над планшетами миллиметровки. Здесь, в самом сердце амазонских лесов, я разрабатывал свои теории времени и покрывал лист за листом фантазиями из области волновой механики. Когда я не читал и не грезил наяву, мы с Ив пускались в долгие беседы, и постепенно новый взгляд на наше место в мироздании начинал казаться почти реальным.

Во время нашего второго пребывания в Ла Чоррере снова выплыла на поверхность тема у-ку-хе. Мы познакомились с несколькими индейцами витото, которые регулярно ходили по тропе мимо нашей хижины, а стояла она всего ярдах в ста от того места, где произошел памятный эксперимент. Среди этих людей, которые останавливались, чтобы перекинуться словом или поглязеть, как я ловлю насекомых, был один кряжистый старик по имени Деметриус - старый лис с уклончивым взглядом. Казалось, от него исходит ощутимый запах стражи космических врат. В моем воспаленном рассудке буквы Д, М, Т выступали из его имени, как пылающие сигнальные огни. Как только мне удалось оставаться с ним наедине, я тут же с места в карьер выпалил: - У-ку-хе! - У-ку-хе? - он едва поверил своим ушам. Ему казалось невероятным, что такое странное, слабое создание, будто пришедшее из иного мира, напрямик спрашивает о тайном достоянии его племени.

Не знаю, сколько культурных условностей было нарушено, но после краткого разговора - если, конечно, можно назвать разговором общение людей, не понимающих языка друг друга, - я не сомневался, что он постарается мне помочь. Прошло несколько дней, и в день своего двадцатипятилетия я получил липкий, смолистый комок, завернутый в листья. Мне так и не представился случай испробовать это вещество для получения галлюциногенных видений, но позже данные химического анализа, проведенные в Каролинском институте в Стокгольме, подтвердили присутствие в нем диметилтриптамина. Деметриус не посрамил своего имени.

Была в нашем втором путешествии в Ла Чоррере еще одна важная особенность: учение Логоса продолжалось почти непрерывно. На протяжении всех этих месяцев, да и потом тоже, он раскрывал передо мной принцип времени. Принцип этот очень конкретен и математически строг. Логос научил меня, как использовать "Ицзин" по-новому, как никто до меня, возможно, не умел. Может быть, китайцы когда-то и обладали этим знанием, но утратили его многие тысячелетия тому назад. Логос научил меня гипервременному взгляду. Мои книги, моя внешняя жизнь, мои сокровенные сны - все это стало частью стремления понять и ощутить новое время, которое открылось мне в Ла Чоррере.

Революция в понимании человека - это не то, что можно выразить в рамках беседы. Новая модель времени позволяет получить максимальное количество сведений о будущем. Нельзя сказать, что будущее абсолютно предопределено, иначе говоря, нет такого будущего, в которое мы могли бы заглянуть и где все события были бы уже предопределены. Вселенная устроена иначе. Будущее уже завершено, но не обусловлено. Каким-то загадочным образом из множества разнообразных событий избраны некоторые события, которым, по выражению Уайтхеда, суждено "подвергнуться формальности истинного осуществления".

И Логос вознамерился открыть мне механизм этого процесса, который представил в виде временной волны. Что заставило меня впервые обратиться к "Ицзин", так это то, насколько мой

первый простейший принцип шестидесятичетырехдневных циклов подходил к событиям моей тогдашней жизни. Смерть матери была первой из тех точек, которые я выделил во времени. Потом я заметил, что моя связь с Ив, удел случая, началась шестьдесят четыре дня спустя, а еще через шестьдесят четыре дня произошла кульминация эксперимента в Ла Чоррере.

Принцип базирующегося на гексаграммах лунного года вырос из идеи о шести циклах по шестьдесят четыре дня каждый, то есть о году, состоящем из шести частей, как гексаграмма "Ицзин" состоит из шести линий. Для меня лично эта идея подтвердилась, когда я заметил, что если начать такой год со смерти матери, то закончится он в мой день рождения, 16 ноября 1971 года. Я понял, что существуют простые циклы и циклы циклов. Я представил себе лунный год из трехсот восьмидесяти четырех дней, а потом большую структуру, частью которой он является, цикл из шестидесяти четырех раз по триста восемьдесят четыре дня и так далее. Карты, которые я тогда построил, и их окончательный вариант приведены в "Невидимом ландшафте". Но в нем ничего не сказано о том, что произошло в Ла Чоррере, и о том, как эти совпадения и мой бессознательный ум, или что-то в моем уме, привело меня к находке этих издавна скрытых возможностей "Ицзин". Но как быть с несметным множеством резонансов, которые, как свидетельствовала времененная волна, связывают каждое мгновение времени со всеми остальными, повинуясь схеме, где нет ничего от случайности или причинности?

Как быть с тем фактом, что некоторые частности математического описания волны, похоже, подразумеваю, что время, в котором мы живем, - цель многовековых устремлений колоссальной важности? Все это были фантастические образы - впрочем, именно так я их и воспринимал, - но мощь и притягательная сила этих картин, своеобразного зрелища личного пользования, были совершенно неотразимы. Создавалось впечатление, что времененная волна - это образ коллективного бессознательного, которое стремится доказать, во всяком случае, со своих позиций, что кульминация всех процессов во Вселенной произойдет на нашем веку. Очевидно, это справедливо для каждого из нас: ведь все мы, ограниченные собственным телом и исторической средой, воспринимаем свою жизнь как своеобразное выражение конечной цели вещей. Временная волна предсказывала свой конец при нашей жизни, всего через десятилетие после начала нового века - время столь новое, что за ним не может быть ничего, разве что конец времени.

Этот вывод и ошеломлял больше всего, больше, чем его личностная, уникальная сторона, - полный "конец времени", период, когда произойдет смена режимов, которая коренным образом преобразует характер реальности. В религиозном контексте эта эсхатологическая идея скончания времен была мне знакома, однако раньше мне никогда не приходило в голову, что существующие в природе режимы могут претерпевать резкие изменения, которые приведут к пересмотру законов природы. И тут уж ничего не попишешь. Просто науке, дабы функционировать дальше, придется признать, что физические законы не зависят от времени и контекста, в которых они проверяются. Не будь это так, сама идея эксперимента не имела бы никакого смысла; ведь тогда эксперименты, поставленные в разное время, могли бы давать разные результаты.

На протяжении нескольких лет я продолжал разрабатывать эту теорию и вообще старался как следует разобраться в принципе, лежащем в ее основе. Наконец в 1974 году мне удалось получить полностью формализованное математическое описание фрактальной структуры, которую я обнаружил внутри структуры "Ицзин".

В восьмидесятые годы я работал - сначала с Питером Бродуэллом, а потом с Питером Манером - над созданием программы для персонального компьютера, которую назвал "Временная волна ноль" и которая дала возможность исследовать эту самую волну вдоль и поперек. Компьютер - мощный инструмент, позволивший значительно уточнить мои представления о том, из чего складывались доказательства или опровержения моей теории. И вот к какому выводу я прихожу сегодня: теория фрактальной и циклической природы наступления нового мирового порядка есть теория по-настоящему логичная и полностью математическая. Она верна себе. И возвращает драму человечества и наши жизни в самый центр галактических событий.

В некотором смысле можно сказать, что все состояния освобождения есть не иное, как совершенное понимание смысла вечности. Если знать, что именно содержится во времени - с его начала и до конца, - то получается, что ты ему больше не принадлежишь. Пусть у тебя по-прежнему есть тело, пусть ты по-прежнему ешь и занимаешься всем остальным, но ты обнаружил нечто такое, что освобождает тебя, перенося в дарующую радость сиюминутность. Из этой теории вытекают и другие положительные моменты, не затронутые в данной формулировке. Времена взаимосвязаны - события имеют под собой основания, но основания эти лишены причины.

Резонанс - загадочное явление, когда колеблющаяся струна, как по волшебству, вызывает такие же колебания другой струны или предмета, физически с ней не соединенных, - так и напрашивается в качестве модели того загадочного свойства, которое связывает одно время с другим, пусть их даже разделяют дни, годы или целые тысячелетия. Я пришел к убеждению, что существует волна, или система резонансов, которая обуславливает события на всех уровнях. Эта волна фрактальна и повторяет самое себя, как и большинство новейших кривых и объектов, описанных в самых передовых математических исследованиях. Во Вселенной эта времененная волна находит выражение на целом ряде чрезвычайно разнородных уровней. Она делает атомы атомами, клетки клетками, разумы разумами, а звезды - звездами. То, что я выношу на ваш суд - это новая метафизика, но метафизика, обладающая математической точностью, а не просто новая вера или новое религиозное поветрие. Нет, эта догадка приобретает вид формального доказательства.

Я первый заявляю о том, что найти связь между этой теорией и обычной физикой не удалось. Впрочем, такая связь, скорее всего, невозможна да и необязательна. Нетрудно убедиться, что обычная наука описывает гипотетическое, тогда как предлагаемая мною теория времени дает объяснение тому, что существует на самом деле. Это теория, которая, похоже, объясняет, почему из всего множества возможных явлений именно эти, а не иные претерпевают формальность истинного осуществления. Для меня очевидно, что эту теорию невозможно опровергнуть извне - опровергнуть ее можно, только обнаружив, что она противоречит сама себе. Пусть любой развенчает ее, если, конечно, сумеет. Именно это я попытался сделать, но так и не смог.

К шестнадцатому ноября 1971 года я начал понимать, что в моей схеме слишком много переменных, чтобы она могла выполнять роль карты для предсказания будущего. Тогда же я понял: необходимо каким-то образом представить различные параметры волны в количественной форме, чтобы суждения о них меньше зависели от личных пристрастий.

Последняя запись в Ла Чоррере была сделана утром шестнадцатого, в мой двадцать пятый день рождения, и представляла собой нечто вроде притчи: 16 ноября 1971 года Два старинных приятеля, как видно, арабы, только древние, сидят во дворце, который еще старше, чем они сами, и высится на горном склоне в окружении виноградников, финиковых пальм и апельсиновых рощ. Оба милейших старца страдают бессонницей и коротают долгие предрассветные часы, когда небо усыпано мириадами звезд, покуривая гашиш и загадывая друг другу загадки. - Прошу тебя, раздели со мной наслаждение от этой загадки и ее разгадки, - обратился тот, что посмуглее, к тому, что постарше, и провел рукой перед его глазами. Старший сидел, зачарованно глядя, как перед ним развертывается мир форм и законов, сплетение тайных движущих сил, страстей и рассудка. Он проникал в его народы и империи, царские династии и в отдельных гениев, воплощался в его философов и переживал его падения. Он почувствовал на слух и на ощупь всех существ, что населяли мир, сотворенный его другом, и стал искать тайный смысл, который его друг - он это знал - наверняка скрыл в своем творении, ибо они уже не раз играли в такие игры. Наконец в одной великой деспотии в эпоху упадка науки и яркого заката искусства он узнал себя самого, воплотившегося в двоих братьев сразу.

И вот, наблюдая за ними, за их странствиями и жизненными путями, которые промелькнули перед ним, как единый миг, он узрел затейливую и забавную сущность сей загадки. И, постигнув ее, он развеял все чары и скрытые пружины этой притчи-грезы смехом - смехом, к которому присоединился и его друг.

И тогда они еще раз по очереди приложились к кальяну, а потом спустились в лазоревый сад, где рассвет застал их за беседой под сенью гранатовых деревьев и плакучих акаций, а вокруг разгуливали павлины.

Неужели нам суждено так и остаться ни с чем, кроме притчи? Или все-таки есть что-то большее? В тропических садах, которые я насадил, подрастают маленькие акации. Может быть, они еще успеют дать тень для философских бесед? Жизнь - гораздо более причудливая штука, чем могут предположить даже самые чудаковатые из нас.

Наконец я почувствовал, что работа в Ла Чоррере подошла к концу. Мы свернули лагерь и тронулись в обратный путь, по тем же дорогам и рекам. На это ушло немало времени: надо было написать книги, распутать и причесать свою слишком безалаберную жизнь. Некоторое время мы прожили во Флоренции, в имении нашего друга. Там я написал первые главы "Невидимого ландшафта". Там же мы встретили Рождество 1971 года. Но работа шла медленно, отсутствие справочных материалов доводило меня до отчаяния. Мы вернулись в Соединенные Штаты и несколько месяцев прожили с Деннисом в Боулдере. Я тогда работал в местной оранжерее,

выращивал розы. То была серия банальных американских приключений. В итоге мы снова очутились в Беркли.

Пока временная волна "Ицзин" не обрела новых количественных данных, существовала психологическая опасность легко отождествить себя с ней: слишком уж бессмысленные и несвязанные на вид факторы она объединяла. Действовала она наподобие бесконечного теста Роршаха - каждый может увидеть в чернильных кляксах все, что ему заблагорассудится. Несмотря на то что мой двадцать пятый день рождения пришел и ушел, не принеся с собой ничего нового ни в моей жизни, ни в мире, я продолжал продвигать циклы своей схемы все дальше в будущее. Я чувствовал, что идея скрытой структуры времени верна, но доказать ее невозможно, пока не будет найдена и подтверждена связь между этой структурой и историей человечества. Тогда я стал искать дату, которая обладала бы особыми свойствами и относилась к волне, - дату, подходящую для наступления особого события. Эта часть моего повествования кажется мне самой удивительной.

После того как мой день рождения явно не подтвердил выведенные мною циклы, я принялся обозревать другие грядущие даты, на которых могли бы заканчиваться трехсотвосьмидесятичетырехдневные циклы, если по-прежнему считать, что конец одного из таких циклов приходится на шестнадцатое ноября 1971 года. Это означало, что следующей конечной датой для цикла из трехсот восьмидесяти четырех дней станет четвертое декабря 1972 года. Я заглянул в несколько астрономических таблиц - дата казалась малообещающей. Последний день следующего трехсотвосьмидесятичетырехдневного цикла оказался куда интереснее: он падал на двадцать второе декабря 1973 года. Я заметил, что это день зимнего солнцестояния. Вот он, ключ! День зимнего солнцестояния традиционно считается временем, когда рождается новый спаситель - мессия. Это время паузы, когда происходит сдвиг космического механизма. И еще это время, когда солнце переходит из знака Водолея в знак Козерога. Хотя я и не отношу себя к фанатическим поклонникам астрологии, но все же про себя отметил, что Деннис - Водолей, а Ив - Козерог.

Сверившись со звездными атласами, я получил еще одно совпадение: там, где эклиптика проходит через точку пересечения Водолея и Козерога - это соответствует двадцать третьему градусу Водолея, - находится точка, всего на градус или два отстоящая от того места, где сейчас располагается центр галактики. На протяжении двадцати шести тысяч лет центр галактики, как и все точки эклиптики, постепенно проходит через знаки зодиака, и сейчас он приходится на точку пересечения Водолея и Козерога, что соответствует дню зимнего солнцестояния.

Что-то слишком много получалось совпадений, и я с удвоенным усердием продолжил поиски. Сверился с ежегодником Военно-морской обсерватории - и тут меня поджидал настоящий сюрприз. Двадцать второго декабря 1973 года, в тот самый день, который меня заинтересовал, должно было произойти очередное полное солнечное затмение, причем область полной тени обещала пройти точнехонько через Ла Чорреру и бассейн Амазонки. Меня словно громом поразило. Я чувствовал себя героем романа - ключи оказались подлинными! Я принялся подробно изучать грядущее затмение, чтобы узнать, где оно будет самым полным. Это случится, выяснил я, почти над самым городом Белен в Бразилии, в дельте Амазонки. В ушах у меня зазвенело головокружительное щебетанье эльфов гиперпространства. Что это - насмешка или подсказка? Размышляя над датой затмения, я снова мысленно перенесся из области астрологических совпадений к темам видения в Ла Чоррере. По-португальски Белен - это Вифлеем. Ум мой, обостренно воспринимающий любые мессианские ассоциации, сразу ухватился за это. Итак, Белен - это Вифлеем, и расположен он в дельте Амазонки. Дельта есть символ изменений во времени. В творчестве Джойса и художников, украшающих стены домов непристойными надписями и рисунками, дельта всегда символизирует женское естество. Деннис родился в городе Дельта, штат Колорадо. Возможно ли, чтобы все то, что нам довелось пережить, предвещало событие, которое произойдет через два года в Бразилии? И не потому ли, каким бы нелепым это ни показалось, под конец эксперимента в Ла Чоррере в ушах у меня звучал мотив гимна "Городок наш Вифлеем"? К концу весны 1973 года я уже знал все то, о чем только что упомянул. Почему волна указывает именно на двадцать второе декабря 1973 года? И почему на этой же дате сходится столько совпадений? Может быть, я на каком-то подсознательном уровне знал о надвигающемся затмении? И почему даты важных для меня событий объединены с этой датой волной, которую я построил под влиянием встречи с НЛО, произошедшей в Ла Чоррере? Вряд ли я каким-то образом узнал обо всем этом и манипулировал собственным сознанием, воображая, что оно "открывает" эти

сведения. Я казался себе путником, заблудившимся в снежном вихре совпадений. Наконец ранней весной 1973 года произошло событие, послужившее веским доказательством того, что здесь действует нечто большее, чем мой бессознательный разум, очевидно, даже большее, чем общее коллективное бессознательное всего человечества.

Этим событием явилось открытие кометы Когоутека, которая была объявлена самой большой кометой в истории человечества: по сравнению с ней даже комета Галлея кажется совсем крошкой. "Самая яркая из всех комет, которые когда-нибудь устремлялись к Земле" - так начиналась статья в "Сан-Франциско кроникл". Просматривая ее, я даже вскрикнул от изумления: эта комета максимально приблизится к Солнцу двадцать третьего декабря! Непериодическая комета, о которой никто на Земле не знал до марта 1973 года, мчится, чтобы встретиться с Солнцем за сто часов до солнцестояния и затмения над Амазонкой. Вот это совпадение! - если считать совпадением невероятное стечenie обстоятельств, ошеломляющее того, кто стал их свидетелем.

Это совпадение нисколько не умаляется фактом, что комета Когоутека не оправдала возлагавшихся на нее надежд - ведь одно только ее ожидание породило целую волну тревожных предчувствий конца света и наступления царства Христова среди тех, кто готов умереть только из-за того, что комета снова вернулась во тьму, из которой появилась. Произошло ли что-нибудь в Белене в день затмения? Не знаю, меня там не было. В то время я находился в плена повседневных обязанностей. Но я знаю одно: такая концентрация событий вокруг этой даты и то, как их подсказали карты, - не простая случайность. Только после появления персональных компьютеров я смог понять, что временная волна описывает чередование обновления времени, относящееся к разным времененным периодам: одни делятся минуты, другие продолжаются века. Теперь любой, кто освоит теорию, сможет стать моим спутником в этом интеллектуальном путешествии и сам увидеть те огромные возможности, которые связаны с прогнозированием совпадений.

Я не ограничился только тем, что разобрался в этой теории, а продолжал попытки использовать ее, в частности, для того, чтобы предсказывать ход грядущих событий. Когда после года работы убеждаешься, что волна действительно показывает будущий курс обновления, обычное ожидание будущего уступает место почти дзенскому пониманию и принятию всего мироздания. Была ли вышеизложенная последовательность событий первым намеком на то, что с конкретной датой и городом Беленом связано что-то важное?

Как ни странно, нет. Чтобы связать историю моих неосознанных поисков с чрезвычайно любопытным и загадочным случаем, который так и просится на бумагу, придется упомянуть об одной истории. Весной 1971 года я был в Тайбэе, на острове Тайвань, где привыкал к городской жизни после долгих странствий по глухим уголкам Индонезии в поисках редких бабочек. Я убивал время в ожидании своей попутчицы, которую в последний раз видел на Бали несколько месяцев назад. Однажды ночью мне приснился очень странный сон. Случилось это - хоть тогда я этого не знал - в тот самый день, когда отцу и Деннису сообщили, что наша мать при смерти. Мне об этом предстояло узнать только через неделю.

Вот выдержка из моего дневника, посвященная тому сну: 24 мая 1970 года.

Мы с Джьянной поднимались по покатому склону. Все лежащие ниже окрестные долины были забиты летучими стаями облаков; солнечные лучи, отражаясь от их белоснежных спин, устремлялись обратно в бездонную лазурь. Впереди на много миль круглились холмы, круто вздымаясь к главному хребту Скалистых гор. Мы находились в мире сновидений, напоминавшем Западный Колорадо, где я родился и жил до шестнадцати лет. Когда мы поднялись выше, нам навстречу вышел герр Б. (я познакомился с ним в Индонезии), одетый в белые теннисные шорты, и обратил наше внимание на несколько маленьких метеорологических шаров - их длинные нейлоновые шнуры запутались в ветвях росших поблизости деревьев, искривленных ветром. Слева, на гребне холма, мы увидели большой шар-зонд, футов тридцати в поперечнике. Ослепительно белый и обмякший, он был едва ли на три четверти заполнен газом. Окружающие шар канаты глубоко врезались в него, поделив на дольки, отчего он походил на огромный бесцветный апельсин. Мы стояли и смотрели, а герр Б. вдруг нажал на невесть откуда взявшийся рычаг. Аппарат поднялся одновременно с вырвавшимся у меня вопросом: "Не снесет ли его дующий из-за холма ветер?" Белая громада метнулась прямо на нас, пролетев всего футах в двадцати над нашими головами, а потом, поднявшись выше, стала добычей ветра и судьбы, которую я ей предсказал: завалившись на бок, шар плавно опустился на землю. Мы бросились к нему. С противоположной стороны появились какие-то люди (как мне показалось, дети) и тоже побежали к трепыхающейся белой груде теперь уже безжизненного летательного аппарата. Пока

мы, смеясь, разглядывали зонд, нас пригласили зайти в оказавшийся поблизости дом герра Б. - приземистое строение в стиле ранчо, во многом напоминавшее дом, где прошли мои детские годы. Когда мы вошли, я задержался, чтобы рассмотреть висевшую на стене большую карту дельты Амазонки.

Как следовало из легенды, она была напечатана по случаю конференции Французского археологического общества, которая состоялась там на одном из островов в 1948 году. Я поспешил догнать Дхьянну, и она сообщила мне, что дети Б. сказали ей, будто неподалеку находятся влажные джунгли, одни из самых непроходимых на нашей планете. Я, как местный житель, знающий Колорадо вдоль и поперек, выразил недоверие. Вернувшись к стоявшему под картой книжному шкафу, я достал большой атлас и стал отыскивать карту лесов и осадков штата Колорадо, но атлас открылся на карте Ассама - первая попытка дала мне топологическую схему Бенгалии. Я услышал собственное замечание о том, что Шалимар - логичное место для конца света.

На этом мой сон прервался. В то время смысл этого сна остался для меня далеко не ясен, да и теперь он остается туманным. Понятно одно: в известный день в дельте Амазонки следует ожидать какого-то важного события. Тогда я надеялся, что это давно предвкушаемое событие - солнечное затмение и что его полное наступление, которое произойдет над влагалищем матери мира, предвещает для всех событие чрезвычайной важности.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ВАЛЬСИРУЯ С ЗАГАДКОЙ

В которой я переношусь в воспоминания на Тимор, где меня чуть было не завербовали в шайку ученых, бывших нацистов. За несколько месяцев до этого вещего сна со мной произошел странный случай, который я теперь, задним числом, расцениваю как очередное подтверждение того, что мне было суждено отправиться на Амазонку и что я подпал под чары космического смеха.

В феврале 1970 года, за год до приезда в Ла Чорреру, спасаясь от преследования властей, я попал на остров Тимор в Восточной Индонезии. Поскольку в Штатах меня ждал обвинительный акт за ужасное преступление - ввоз наркотиков, я жил и странствовал в постоянном страхе, что агенты Интерпола прочесывают земной шар, стремясь меня обнаружить. Предыдущие шесть месяцев мое прикрытие - личина студента-энтомолога, ловца бабочек, собирающего материал для дипломной работы, - отлично себя оправдывало, и я неспешно кочевал через Малайзию, Суматру, Яву и множество других, менее известных, но столь же экзотических островов - тихих гаваней в южных морях.

Однажды, когда день выдался на редкость душным и дождливым, я курил травку у себя в номере в "Раме" - лучшем и единственном отеле Купанга, что на острове Тиморе. До сих пор я в течение десяти дней был единственным постояльцем отеля, и такое положение вещей меня вполне устраивало. Правда, до дворца "Раме" было далеко: он был построен из шлакоблоков, и стены его восьми одинаковых, как близнецы, номеров не доходили до потолка на порядочное расстояние. Гофрированные перегородки и канализационные трубы, вделанные в покатый пол, придавали отелю жизнерадостный вид новенькой, еще не введенной в эксплуатацию бойни. Правда, там было чисто, о чем вас спешил уведомить управляющий.

Я сидел, скрестив ноги, на стальной койке, покуривал и разглядывал добычу, пойманную утром в джунглях, когда прибыли новые постояльцы. Из вестибюля, центрального помещения, где по обе стороны вытертого ковра выстроились две пары ротанговых стульев, донеслись голоса и шум передвигаемого багажа. С полдесятка людей переговаривались по-немецки, и я решил, что это, должно быть, пассажиры, прибывшие самолетом из Дарвина, и что завтра они скорее всего полетят дальше, на Бали, ежедневным рейсом. Судя по голосам, среди них была супружеская пара, которая заняла номер, соседний с моим. Я немного понимал по-немецки, но женщина говорила на каком-то незнакомом мне языке, на каком именно, я так и не смог установить. Когда я вышел на обед, прибывших нигде не было. На следующее утро я поднялся с рассветом, чтобы успеть на самолет индонезийских BBC, который перенес меня на остров Флорес, следующий пункт моего маршрута в поисках бабочек. Я и думать забыл о неизвестных постояльцах оставшегося далеко позади отеля, которых не рассчитывал больше увидеть. В туманных лесах Флореса я провел неделю в обществе священника-голландца, пьяницы на деревянной ноге, который возглавлял миссию, затерянную в лесной глухи. Потом я вернулся на побережье, в душный столичный городок Маумере, где посреди немощеной главной улицы сушились на солнце груды орехов

макамадия, ждущих упаковки и отправки за границу. В Маумере была китайская гостиница из двух номеров, где я рассчитывал остановиться на ночь перед возвращением на Бали. И тут на остров опустился туман - тот самый густой, жмущийся к земле тропический туман, который, как заверил меня мой хозяин-китаец, в это время года может провисеть не одну неделю.

На следующий день я наведался в аэропорт, но было заранее ясно, что это пустой номер. Балийский самолет сделал четыре круга над полем, пытаясь отыскать просвет в тумане, потом наконец сдался и полетел дальше. Ждать мне было не впервой. В Азии все путешествия - это сплошные ожидания. Я вернулся в гостиницу и засел за очередную партию в шахматы с местными энтузиастами этой игры, надеясь, что завтра погода прояснится. Прошло пять дней, а я все еще был на Флоресе. Я успел сыграть в шахматы со всеми желающими, запас травы был на исходе, а перспектива застрять в Маумере на веки вечные становилась вовсе не шуточной. Обдумав все за и против, я решил забыть про Бали и объявил, что сяду на первый же самолет, куда бы он меня ни доставил. Этого решения оказалось достаточно, чтобы небо прояснилось настолько, что под облака сумел поднырнуть самолет. Он принадлежал компании "Гаруда" и выполнял еженедельный рейс до Купанга. Не успел я передумать, как оказался на борту самолета, уносившего меня обратно на Тимор. За время моего отсутствия город не изменился, и благодаря моему предыдущему посещению мальчишки-рикши отнеслись ко мне, как к почетному клиенту. Я почувствовал себя так, будто вернулся домой. "Отель "Рама", - сказал я своему любимому рикше и, не успев оглянуться, снова оказался в первом номере гостиницы, а шахматные турниры на Флоресе стали казаться всего лишь полузабытым сном. Лежа на постели и наблюдая за вентилятором, неподвижно застывшим на фоне затянутого паутиной волнистого железа потолка, я услышал в соседнем номере голоса. Говорили по-немецки и на каком-то другом языке, смягченном женским голосом и более экзотическим. Как мне показалось, то был не индонезийский. Может быть, пушту? Очевидно, путешественники, которые вселились ночью перед моим отъездом, почти две недели назад, все еще были здесь. И это означало, что они уж наверняка не туристы: никто не задерживается в Купанге, не имея на то веских причин. Я не принадлежу к числу любителей случайных знакомств. В те времена я старался избегать встреч с людьми, которые по моим представлениям не относились к племени хиппи. Но в тот вечер, когда я выходил из своей комнаты, собираясь поужинать, дверь соседнего номера отворилась, и я очутился лицом к лицу с его обитателями. - Герр Маккенна, не так ли? Я повернулся к тому, от кого исходил этот вопрос, и беспокойство, которое я ощущал, должно быть, отразилось у меня на лице. - Здешний управляющий рассказал нам о ваших биологических изысканиях на Тиморе. Разрешите представиться: доктор Карл Хайнц из Дальневосточной горнорудной компании. У меня сразу отлегло от сердца. Значит, этот тип не ищейка из Интерпола, идущая по моему следу. Но вид у него был впечатляющий: здоровенный детина с зачесанными назад седеющими волосами стального оттенка и пронзительным взглядом холодных голубых глаз. На левой щеке у него красовался Schmiss, длинный тонкий шрам. Раньше я их никогда не видел, но полузабытое слово из кроссворда пришло на ум неожиданно, само собой. Уж не след ли это сабельного удара, полученного на дуэли, которые входили в обряд посвящения в университетских братствах Пруссии? - Раз уж мы с вами единственные постояльцы отеля "Рама", разрешите пригласить вас выпить вместе со мной и моей супругой по рюмочке шнапса. Мне не терпится услышать из ваших уст о впечатлениях о Тиморе. Городок был слишком мал, чтобы можно было отказаться под каким-нибудь благовидным предлогом. Скажи я "нет", нам все равно пришлось бы в конце концов оказаться в одном и том же ресторане на пять столиков, только за разными столами. Мне претила мысль проводить время с заурядными обывателями, но пристойного пути к отступлению не было. На его голос в маленько фойе вышла его жена и подошла к нам. Увидев ее, я уже больше не колебался, хоть и постарался скрыть свое изумление. Совсем молоденькая, на год или два старше меня, лет, наверное, двадцати пяти, она поражала своей красотой - смуглая, с огромными глазами лани, стройный стан обложен в сари, в носу - золотое кольцо, на запястьях и лодыжках позвякивают многочисленные браслеты. В этом тропическом захолустье ее появление было столь же неожиданным, как явление летающей тарелки, - нарядное воплощение брахманского идеала красоты. Звали ее Рани, а когда она заговорила, ее интеллигентная речь полилась, как музыка. Хотя говорила она редко, сразу стало ясно, что английским она владеет лучше; чем муж. Да, это вам не деревенская простушка. Не скрою, я был заинтригован. Что мне еще оставалось, как не присоединиться к этой паре? И дело даже не в том, что у меня не было лучшего выбора.

В ресторане мы уселись за столик, перед каждым появилась квартал бинтанского пива, и за разговором у меня постепенно стало складываться впечатление о моих спутниках. Доктор Хайнц отрекомендовался геологом, чья база располагалась в Сингапуре. Год назад разведочная группа обнаружила следы крупного месторождения никеля на самой границе между индонезийской и португальской частью Тимора. Теперь Хайнц прибыл сюда, чтобы оценить значимость находки и выяснить возможность разработки залежей. Такое заявление показалось мне малоправдоподобным, хотя он и упоминал о каких-то инструментах, которые должны помочь определить истинный объем месторождения. В геологоразведке я разбирался очень слабо, но прибор, способный заглянуть на сотню футов под землю, - это отдавало чистой фантастикой. Я как бы между прочим поинтересовался, на каком языке разговаривали между собой супруги, надеясь таким образом перевести разговор на фрау Хайнц. Оказалось, что это его излюбленная тема. - Моя супруга, - сказал он мне, в то время как она продолжала молча сидеть, поглядывая на нас обоих, - внучка махарани Махарашты. Оказалось, что Хайнц вознамерился прикупить в Махарашtre несколько сотен акров превосходных сельскохозяйственных угодий, а у старой махарани как раз оказался участок, от которого она желала избавиться. Так Хайнц встретил Рани. Не успели стороны ударить по рукам, как стало ясно, что дело пахнет свадьбой. Хайнц соловьем разливался о преимуществе применения в Индии тракторов, о том, какой он непрятательный человек, о радости наблюдать за зеленоющими всходами и так далее в том же духе. Немец оказался любителем поразглагольствовать, и я решил дать ему возможность выпустить пар. Выяснилось, что он вице-президент горнорудной компании, отвечающий за разработку ископаемых, а на деле уполномоченный по улаживанию конфликтов. Он заказал еще по бутылке пива и поведал мне историю о том, как в самом начале крупной операции по добыче олова в Северном Таиланде на него напали партизаны. На самом захватывающем месте он встал, задрал рубашку и продемонстрировал мне в назидание три аккуратных шрама, шедших через всю грудь. "От автомата, - пояснил он. - Хватило бы и одного, чтобы уложить меня на месте. Но не тут-то было! Я уцелел и довел проект компании до триумфального завершения". Называть пуск оловянного рудника триумфом - это показалось мне изрядной натяжкой, но что делать, я уже понял, что угодил в компанию напыщенного болтуна. Почти без передышки Хайнц перескочил на период работы в Танзании, когда он в одиночку, беззащитный и безоружный, если не считать топора, вышел к толпе из шестисот разъяренных рабочих во время забастовки на бокситовом руднике. Излишком скромности он не страдал, однако был мастер рассказать занятную историю, причем весьма убедительно. А правила застольной беседы в знойных тропиках вполне допускают некоторые преувеличения. Наконец немец перешел к компании, в которой работал. - Будьте уверены, герр Маккенна, ДГРК - не какая-нибудь заурядная компания. Нет, все мы - как одна семья. И в этом источник нашей силы. У нас есть планы на будущее, грандиозные планы. Я только кивал: не сообщать же ему, что считаю крупные горнорудные корпорации бедствием для нашей планеты. Но его преданность родной компании была столь велика, что он никак не мог оставить эту тему. - Нет на земле более сплоченной и преданной делу команды, чем наша. Мы спаяны, как братья по оружию. Каждый член центральной административной группы - настоящий гений своего дела. - Слово "гений" он произносил как "хений". - Вы можете спросить, как мы пришли к этому. Сейчас я вам все объясню. Дело в том, что все мы, каждый из нас, познали ужасы лишений, бездны отчаяния и то восхитительное чувство, которое охватывает тебя, когда все это преодолеваешь. Нас, герр Маккенна, объединил наш триумф, а уверенность в том, что мы во что бы то ни стало справимся со всеми трудностями, сделала нас непобедимыми! - Он повысил голос и с такой силой грохнул кулаком по хлипкому столику, что пивные бутылки дружно подскочили. Заметив на моем лице тень неуверенности, немец продолжал: - Я вижу, вас удивил мой рассказ. Может быть, вы недоумеваете: что за трудности, что за лишения? Всем нам довелось пережить гитлеровский режим и войну. А после войны Германии не стало. В моем родном Берлине камня на камне не осталось. Мы походили на тараканов - тараканов на развалинах Европы. Разрешите вам напомнить, что все банковские счета членов семей эсэсовцев были заморожены. Моя мать, моя несчастная благородная мать, была вынуждена продавать картины из нашего родового гнезда, чтобы купить картошки и прокормить себя и мою младшую сестру. Можно ли представить себе такое? "Нет, только не это! - лихорадочно думал я. - Только не нацисты. Уж не хочет ли этот тип сказать, что был нацистом?" Я старался, чтобы в моем взгляде не проявлялся страх, но немец уже так завелся, что не обращал на меня никакого внимания. - Моего отца взяли в плен во время битвы за Берлин. В Москве его повесили, как собаку, за военные преступления. Представляете? И эти

verdammten russische Schweinen (Проклятые русские свиньи {нем.}) еще говорят о военных преступлениях! И такая участь была уготована всем эсэсовцам. Наш разговор начинал походить на дурной сон или на низкопробное кино. Я посмотрел на его спутницу - она ответила совершенно равнодушным взглядом. Мне захотелось хотя бы отчасти изменить тему разговора. - А вы-то сами, герр Хайнц, какое вы имели отношение ко всему этому? Он пожал плечами. - Да никакого. Был пилотом мессершмитта в Люфтваффе. Простым добрым немцем. - Эти слова прозвучали без тени иронии. - А до войны был юным студентом, готовился стать инженером. Война все изменила. После войны те немногие из нас, кто уцелел - мои соученики, молодые учёные из Института Макса Планка, - собрались на руинах Берлина. Мы навсегда покончили с идеологией, с высокими политическими мечтами. Первая хорошая новость за все время.

Возблагодарив Всевышнего, я сделал знак офицанту-индонезийцу принести еще пива. Хайнц тем временем продолжал: - Нас было мало, жалкая горстка, но нас сплотило неприятие царившего вокруг ужаса. И мы решили построить для себя новый мир, основанный на двух принципах, на двух великих силах - на силе капитала и силе науки. Начинали мы постепенно: с патентов, с процессов, разработанных в Институте Макса Планка во время войны (по сути дела, это была засекреченная технология). Осторожно расширяя сферу деятельности, мы обосновались в Сингапуре. Среди нас не было ни одного профана. Каждый член нашей маленькой команды был гением. Наш Fuhrer был профессором, он учил всех нас. Вот уж истинный гений. Его зовут Макс Бокерман. Это он сплотил нас воедино, это его вера и сила помогли нам осуществить все то, чего мы достигли. Беседа принимала новый оборот. Шрам на щеке Хайнца побагровел. Я-то надеялся, что наш разговор миновал все подводные камни, но, как оказалось, ошибся. Теперь я видел: может, виной тому третья кварта "Бинтанга", только страстная воодушевленность немца сменилась откровенной слезливой сентиментальностью. - Никто и никого так не любил на свете, как Бокерман нас. Мы его Kinder, его птенцы. Когда казалось, что нет никакой надежды, он воодушевлял нас, помогая поверить в себя. При этих словах на глаза его навернулись слезы, но он сумел совладать с собой и продолжал: И что же в итоге? ДГРК, герр Маккенна! Дальневосточная горнорудная корпорация! Наше дело ширится и процветает. Из своей штаб-квартиры в Сингапуре мы руководим проектами в одиннадцати странах мира. Нефть, никель, олово, бокситы, уран - все это наше. Но у нас есть и нечто большее: любовь, товарищество, общность интересов и возможность осуществлять свои мечты. Здесь он потерял равновесие и оперся рукой на бедро сидящей рядом жены. Я отвел глаза. Когда я снова встретился с его бездонным голубым взглядом, настроение Хайнца успело перемениться. - А как насчет вас, герр Маккенна? Вы ведете цыганскую жизнь, это понятно. А у нас, цыган, всегда есть что порассказать. Ну и что же вы расскажете нам о себе?

Я напрягся. Хайнц не был похож на человека, который отнесется 'с пониманием к моим рассказам о стычках с полицией на баррикадах Беркли плечом к плечу с такими сподвижниками, как "Персидские подонки" и ЛСД-анархисты. Упоминание об участии в тусовках хиппи или нескончаемых оргиях Лета Любви тоже было едва ли уместно. Недавний вояж в Индию в качестве контрабандного торговца наркотиками и последовавшие за ним бега - ведь мне и сейчас угрожала опасность попасть в лапы агентов Интерпола - тоже как-то не вписывались в наш разговор. Я решил ограничиться обычной полуправдой, которую держал в запасе для нормальных людей: дескать, поехал в Непал изучать тибетский язык, но по ходу дела обнаружил, что лингвиста из меня не получится. И тогда вернулся к биологии - это моя первая любовь. Я энтомолог. Здесь, в Индонезии, ловлю бабочек, повторяя маршрут Альфреда Рассела Уоллеса. Уоллес - вот кто на самом деле открыл теорию естественного отбора. Только вся слава досталась Дарвину. Я-то на стороне Уоллеса, хотя он и проиграл. Викторианская наука сделала из него изгоя, потому что он происходил из низов и к тому же не умел, как Дарвин, играть, в политические игры. Уоллес исследовал бассейн Амазонки, и, если все сложится благополучно, я тоже рассчитываю попасть туда и собрать коллекцию бабочек. А потом напишу монографию о видообразовании у бабочек Амазонки и Восточной Индонезии - это и будет моя диссертация. А дальше - кто знает? Может быть, стану преподавателем. Пока трудно сказать.

- Значит, вы настоящий цыган. А если судить по одежде и бороде, к тому же свободный человек. Это мне нравится. Этот юноша нам понравился, правда. Рани? - Впервые за весь разговор обратился он к жене. Не спуская с меня взгляда, она ответила кивком: - Ja. Отлично. А теперь перекусим. Продолжим наш разговор утром. Надеюсь, вы позавтракаете здесь с нами. - С этими словами он с яростной целеустремленностью набросился на свой бифштекс. Позже мы вместе

возвращались в гостиницу. Электричество в этой части города уже отключили, и нам пришлось сосредоточить уже слегка рассеявшееся внимание на то, чтобы благополучно пробираться по грязным, ухабистым улицам. Так что к серьезной беседе мы так больше и не вернулись. Когда мы прощались во дворике отеля, герр Хайнц обратился ко мне: - Зовите меня Карл. Jetzt wir sind Freunden (Отныне мы друзья (нем.)). Понимаете? Я кивнул в знак согласия, и мы расстались. Завтрак ознаменовался новой историей.

Если пиво и подействовало на нашу вечернюю беседу, то в самой минимальной степени: через несколько минут после того, как мы сели за стол, Хайнц завелся снова: Вчера вечером вы говорили, что мечтаете попасть на Амазонку. Похвальное стремление. Но поверьте мне, я отлично знаю Амазонку - это джунгли размером с целый материк, не то что здешние острова. Здесь можно запросто остановиться у священника и делать вылазки в лес на неделю-две. А на Амазонке, чтобы вести серьезную полевую работу, приходится месяцами скитаться в глухи. Вам понадобятся лодка, снаряжение, носильщики. Поверьте мне, уж я-то знаю. Это занятие не для дураков. Поэтому у меня есть для вас предложение. Вы сказали, что работа ваша почти закончена и вы скоро собираетесь в Японию, зарабатывать деньги на поездку в Южную Америку. Бросьте эту затею, а взамен сделайте вот что. У ДГРК, между прочим, есть свои интересы в Бразильской Амазонии, и немалые. Два года назад я участвовал в экспедиции по оценке тамошних ресурсов, которая обнаружила много любопытного. Как раз сейчас мы снова посылаем туда людей, чтобы еще раз серьезно прикинуть возможности. В группу входят тринадцать человек, есть в ней и биологи, ваши коллеги. Команда уже почти сформирована, но если вы сумеете понравиться Бокерману, он учтет мои рекомендации и включит вас в группу тринадцатым. Платить вам будут хорошо, а потребуется от вас только одно: написать монографию, которую вы уже запланировали. Видите ли, включив в состав группы ученых, мы сможем избежать кое-каких заморочек с налогами, к тому же все мы веруем в пользу чистой науки. Этот план необходимо согласовать с Сингапуром, и, если в верхах дадут добро, вы сможете почти сразу же выехать туда. Там вы встретитесь с Бокерманом, пройдете полное медицинское обследование, включая зубного врача и окулиста - кстати, и новые очки получите, - и "поиграете пару недель в теннис, чтобы войти в форму. Через два месяца в Сингапур придет лайнер "Роттердам" - на нем мы отправляем три катера, все снаряжение и членов экспедиции. В Рио вы еще недели две потренируетесь в отеле "Краснопольски" - у них отличные теннисные корты. И вот что еще я вам должен сказать: шефом там служит старый отцовский повар! Мы вас слегка подкорим, а потом подарим вашу амазонскую мечту. Ну, что вы на это скажете? - Он откинулся на стуле, чрезвычайно довольный собой.

Хайнц застал меня врасплох. Спору нет, одному на Амазонке приходится тяго. Сам Уоллес говорил об этом. Чтобы отправиться в экспедицию на Амазонку, ему пришлось взять в компанию ботаника Ричарда Спруса и Уолтера Генри Бейтса, исследователя мимики у животных. Но ведь я был совсем не тот, за кого принимал меня Хайнц. Я не был настоящим ученым. Зато был международным преступником, за поимку которого было объявлено вознаграждение. И еще, подумал я, как же быть с моей подружкой-хиппи, которая изучает на Бали народные танцы и уверена, что мы едем в Японию вместе? Но упоминать об обещаниях, данных кому-то другому, - в данной ситуации это выглядело бы почти что неблагодарностью. А как насчет нацистских связей? Хочу ли я отправиться в джунгли Амазонки в обществе бывших эсэсовцев? С другой стороны, деньги у меня были на исходе. А подружка моя имела слабость заводить в мое отсутствие бурные романы. Что же касается нацистских делишек, тут я не знал, что и думать. Я слышал, что Макс Планк был чуть ли не единственным человеком, который решился перечить Гитлеру и заявить ему, чтобы тот оставил в покое институт и чистую науку. К тому же Хайнц доверительно сообщил мне, что жена его брата, тоже сотрудница ДГРК, как он выразился, "дама из Нигерии, до того черная, что почти синяя", да и сам он явно предпочитал женщин ненордического происхождения. "Вот тебе и зов судьбы, и благоприятный случай, - подумал я про себя.

- И что же ты на это скажешь, Теренс Маккенна?" - Я перевел взгляд с Хайнца на его жену. Оба смотрели на меня с искренним ожиданием.

- Что ж, предложение заманчивое, даже очень.

- Значит, вы согласны? - Да. - Вот и отлично. Вы сделали правильный выбор. Вы не дурак. Это мне по душе.

- Благодарю. Как вы знаете, сегодня я возвращаюсь на Бали. У меня там остались коллекции и кое-какие дела, которые надо уладить. И еще, должен признаться, с деньгами у меня не густо.

- Это пустяк. Приводите в порядок свои дела на Бали. Я телеграфирую в Сингапур, чтобы они перевели вам деньги на проезд от Бали до нашей штаб-квартиры. Есть только одно "но", - его стальной взгляд уперся в меня с леденящей душу пронзительностью, - вы должны пройти собеседование в самим Бокерманом, Он видит людей насквозь. Если в вашей душе или в вашем рассказе есть хотя капля лжи, он сразу это поймет. Тогда ничего не выйдет. Это неизмеримо важно - мошенники нам не нужны. - Его шрам снова превратился в грозную морщину. От этих слов сердце у меня упало.

Не выйдет, понимаю, - промямлил я, а сам тем временем подумал: "Ну и в дерьямове же дельце я вляпался". На этом мы распрошались, и я отправился в гостиницу укладывать вещи, а оттуда поспешил в аэропорт. Пока я летел на Бали, в голове у меня царила полная неразбериха. Подо мной один за другим проплывали Малые Зондские острова и, подобно им, упливали мои сомнения и возражения по поводу предложения Хайнца. "Похоже, это судьба, - думал я. - Не сопротивляйся, доверься ей, а там будет видно". Всю следующую неделю я улаживал дела. Когда я поведал свою историю хиппарям с Кута-Бич, большинство из них меня одобрило. Подружка моя тоже меня поддержала. Мы с ней еще несколько месяцев назад пришли к выводу, что на Бали наши пути могут разойтись. Каждый день я наведывался на почту в Денпасаре, надеясь, что там меня ожидают обещанные Хайнцем билеты и пятьсот долларов на дорожные расходы. Так прошло три дня, пять и наконец семь. Наутро седьмого дня я проснулся с уверенностью, что меня надули. Все это было какой-то непонятной выдумкой. "Должно быть, этот Хайнц просто псих, - решил я, - придурак, который забавляется тем, что ловит хиппарей-американцев на удачу своих фантазий о тайной нацистской корпорации, а потом окунает с головой в реальность и смотрит, как они будут баражаться".

Существовала, конечно, и другая версия: каким-то образом они ухитрились навести обо мне справки и обнаружили, что моя история - сплошное вранье. В этом случае можно не сомневаться, что я сразу попадал в разряд мошенников и конец моим планам! Так или иначе, нужно было быть полным идиотом, чтобы разболтать всем на Бали, будто я отплываю на "Роттердаме" в путешествие на Амазонку, да еще и за счет корпорации. Следующую пару недель мне пришлось сносить беззлобное подтрунивание знакомых, после чего я вернулся к первоначальному плану и стал готовиться к заключительному этапу индонезийской экспедиции за насекомыми: в Амбон и Серам на Молуккских островах.

На этом история закончилась. Я похоронил весь этот эпизод на задворках памяти вместе с другими подобными случаями под общей рубрикой "Чудики, с которыми сводит судьба". Только неспокойная это получилась могилка. Через год после событий в Ла Чоррере я решил, что та встреча была обратным отражением, предвестником настоящего безумия, которое наконец настигло меня на Амазонке, неким предчувствием, колебанием временного поля, своего рода пророческим сном наяву, мгновением космического смеха. Но впереди меня ожидала еще одна встреча с герром Хайнцем.

Весной 1972 года, через год после событий в Ла Чоррере и через два после путешествия на Тимор, я был в Боулдере, штат Колорадо. Я вернулся из Южной Америки, чтобы уладить отношения с законом и вообще разобраться в своей жизни. Мы с Деннисом работали над рукописью "Невидимого ландшафта" и много времени проводили в университетской библиотеке, штудируя разнообразные дисциплины, которыми нам предстояло овладеть, если мы хотели, чтобы наши идеи принимали всерьез. Однажды, просматривая студенческую газету, я наткнулся на поразившее меня объявление. Оно занимало целую страницу и гласило: Колорадский университет совместно с Институтом нейрофизиологии Макса Планка выступят в роли соучредителей следующего заседания Всемирного конгресса неврологов. При виде слов "Институт Макса Планка" я насторожился и стал читать дальше. Семьсот ученых со всего света съедутся в Боулдер, чтобы в течение десяти дней принять участие в чтениях и семинарах. Будут присутствовать все великие: сэр Джон Экклз, Джон Смите, Соломон Снайдер и все остальные, боги той самой Валгаллы, которую мы мечтали завоевать. Правда, мешало одно "но": все заседания будут закрытыми, за исключением вступительного слова, которое будет называться "Автокатализические гиперциклы", и прочтет его тогдашняя звезда первой величины в мире неврологии Манфред Эйген из Института Макса Планка. В общих чертах мне были знакомы идеи Эйгена. Автокатализические гиперциклы казались мне безусловно необходимым коррелятом тех идей, которые я разрабатывал, - идей о временной волне и о том, как она проявляется и отражается в живых организмах. Ясно, что мы с Деннисом и Ив просто не могли пропустить такое событие. Однако само название

"Институт Планка" не особо привлек мое внимание - ведь это головное научно-исследовательское учреждение Германии, занимающееся чистой наукой, и в его штат входят сотни научных сотрудников. Лекция должны была состояться в университетском городке, в лекционном зале физического факультета. То было помещение бочкообразной формы, где лектор находился на дне глубокого колодца, с трех сторон окруженный ярусами, - в стиле старомодных театральных залов. Похоже, перед лекцией состоялся банкет для приглашенных докладчиков, и, когда мы входили в зал, я с удивлением отметил, что обычно довольно неряшливо одетая научная публика по этому случаю расфрантилась, как никогда. Вокруг звучала разноязыковая речь. Со своего места я сумел разобрать немецкий, итальянский, японский, русский, обрывки хинди и китайского. Блуждая взглядом по аудитории, я вдруг ощутил нечто похожее на физический толчок. Впереди, меньше чем в пятидесяти футах от меня, сидел доктор Карл Хайнц! Нас разделяло только пустое пространство незанятых кресел. Я был поражен до глубины души. Хайнц! Здесь! Возможно ли это? Должно быть, я каким-то образом выдал свое волнение: продолжая недоверчиво глядеть на немца, я увидел, как рука его потянулась к карману пиджака и незаметным, плавным движением отстегнув жетон участника, опустила его в карман. Он даже не прервал разговора, который ожиленно вел по-немецки со своим соседом справа. Я отвел взгляд, стараясь сделать вид, будто не вижу его, будто ничего не заметил. Свет в зале померк, и Манфред Эйген, тряхнув зачесанной назад копной белоснежных волос, начал лекцию. Мысли мои беспорядочно метались. Так значит, все это правда? Ведь вот он, здесь! Конференцию проводит Институт Планка. Значит, все это правда. И он меня узнал! И постарался скрыть свое истинное лицо! В полном смятении я нацарапал записку, в которой кратко обрисовал ситуацию и передал ее Деннису и Ив. Во взглядах обоих я безошибочно прочитал: "Ты что, спятил? Или, может, решил пошутить?" Сидя в темноте, я думал, как мне поступить. О чем бы сейчас ни говорил Эйген, это можно будет прослушать позже, благо Деннис записывает на магнитофон. Наконец я решился: была не была, попробую подойти к нему сразу после доклада, это единственная возможность. Выступление Эйгена близилось к блестательному завершению. Я беспокойно ерзal на месте. Вот аплодисменты стихли, зажегся .. свет, и публика потянулась к выходу. Хайнц был в пятидесяти футах от меня - стоял, непринужденно беседуя с двумя коллегами, напоминающими толстых жаб. Но я видел, что он следит за мной. Как только я двинулся в его сторону, он извинился и стал пробираться мне навстречу. У меня не было ни малейших сомнений: он предпринял этот маневр, чтобы встретиться и переговорить со мной без свидетелей. Я направился прямо к нему.

Доктор Хайнц, по-моему мы с вами встречались на Тиморе, - я протянул руку. Не удостоив вниманием мой приветственный жест, он широко улыбнулся, но шрам его явственно побагровел. - Хайнц? При чем тут Хайнц? Моя фамилия вовсе не Хайнц. Да и в Купанге я никогда не бывал. На этом он быстро повернулся ко мне спиной и поспешил за своими выходящими из зала коллегами, чтобы присоединиться к их оживленному обсуждению доклада Эйгена. А у меня в ушах продолжало звенеть слово "Купанг". Этот сукин сын неприкрыто издевался надо мной! Как сказал Моцарту король, вот ты и получил, чего хотел. Кто же он, этот Карл Хайнц? Безумец? Порождение моих бредовых фантазий? Обыкновенный шарлатан? Или часть верхушки нацистского айсберга, один из шайки бывших эсэсовцев, вынашивающих коварные замыслы? Ответ неизвестен мне и по сию пору. Вот как оно бывает с космическим смехом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. СКАЖИ, ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

В которой я делаю попытку связать то, что с нами произошло, с наукой, которая к обычной науке не имеет никакого отношения.

Хотя мы и простились с Амазонкой, но наша странная история на этом не кончается. Пришла пора сделать попытку извлечь кое-какие выводы из тех идей, которые зародились в Ла Чоррере. Модель мира - это то, как мы его видим, и принять теорию временной волны, которая была нам внушена на Амазонке, - значит увидеть мир другими глазами. Я все больше склонялся к тому, чтобы допустить вероятность этой теории. Может, когда-нибудь ее и опровергнут, а пока буду в нее верить, хотя и с некоторой долей иронии. Может быть, если эту идею обнародовать, найдутся люди, которые ее поддержат и свяжут с действительностью. Многие хорошие идеи пропадают впустую только из-за отсутствия практического выхода. Что же до нашей теории, то она предлагает нам коренным образом перестроить взгляд на реальность. И этому можно научиться. Она утоляет мою духовную жажду, ибо является собой знание, чистое знание и ничего больше.

Теория, разработанная вслед за экспериментом в Ла Чоррере, не отрицает ни одной из областей науки, а лишь дополняет их.

На физическом уровне есть доказательства, говорящие в ее пользу, несмотря на то что сама идея чрезвычайно сложна, поскольку затрагивает смежные области, в том числе квантовую физику, субмолекулярную биологию и строение ДНК. Мы постарались как можно тщательнее и подробнее изложить эти вопросы в "Невидимом ландшафте". Хотя то, чем Деннис занимался на Амазонке, могло и не привести к возникновению идеи, которую я впоследствии разработал, тем не менее интуиция настойчиво убеждает меня в обратном.

Сразу же после эксперимента мои ничем не примечательные мысли уступили место до того странным раздумьям, что я никак не могу признать в них порождение моей собственной личности. Деннис поставил свой эксперимент, а я, похоже, получил нечто вроде информационного отклика от своей ДНК или какого-то другого молекулярного банка данных. А случилось это потому, что молекулы психоделика, соединившись с ДНК, повели себя именно так, как мы ожидали: стали передавать символ универсальности, структура которого выражает организационные принципы молекул самой жизни. И эта универсальность проникла в линейное время замаскированно, в присутствии обыденного сознания, под видом диалога с Логосом. Логос дал ей повествовательный голос, способный структурировать и связно излагать поток новых прозрений, - в противном случае он бы просто-напросто захлестнул меня с головой. Мое же задачей стало обнаружить и повторить скрытую за голосом символическую структуру и выяснить, имеет ли она смысл для кого-нибудь кроме меня самого и узкого круга моих знакомых. У меня было такое ощущение, будто я составляю каталог только что открытого бесконечно разнообразного мира. Временная волна - это как бы математическая мандала, изображающая организацию времени и пространства. Это картина, на которой образы и цели заключены внутри ДНК. А ДНК разворачивает эти тайны во времени, как летопись или песню. Песня эта - наша жизнь, она целиком соткана из жизни. Но мелодию ее невозможно понять, не имея хотя бы общего представления о замысле. Теория временной волны напоминает партитуру биокосмической симфонии. Лично я был бы только заинтересован в том, чтобы эту теорию кто-то опроверг. Хорошая идея не должна быть хлипкой - она способна вынести большую нагрузку. От того, что произошло в Ла Чоррере, нельзя отделаться поверхностными отговорками. Напротив, случившееся ждет вразумительных объяснений. Если оно вовсе не то, что я утверждаю, так что же оно тогда, это сращение, эта вспышка, эта встреча с абсолютно Иным? Что же оно является собой в действительности?.. А может быть, оно именно то, чем кажется, - наступление эпохи высшего измерения, чьи отзвуки пронизывают всю историю? Или это ударная волна, порожденная неким эсхатологическим событием в конце времени? Законы природы бывает легче понять, если предположить, что они не универсальные константы, а скорее постепенно развивающиеся во времени, непрерывно изменяющиеся феномены. В конце концов, принятая в качестве универсальной константы, скорость света была измерена в последние сто лет. И экстраполировать принцип неизменности скорости света на все места и времена - это чисто индуктивный способ мышления. Но любой добросовестный ученый знает: индукция - не что иное, как полет воображения. И тем не менее вся наука базируется на принципе индукции. Этот принцип и есть то, чему бросает вызов временная волна.

Индукция предполагает: из факта, что следствием действия А явился результат Б, вытекает, что следствием действия А всегда будет результат Б. Но в действительности ни А, ни Б не происходят в вакууме - это очевидно. В любую реальную ситуацию могут вмешаться другие факторы, приведя ее к иному, может быть, совершенно непредвиденному итогу. До Эйнштейна все считали, что пространство - это некое место, куда мы помещаем всевозможные вещи. Оно рассматривалось как аналог пустоты. Эйнштейн доказал, что пространство - это вещь, обладающая вращающим моментом, на которую влияют материя и гравитационные поля. Свет, проходя через гравитационные поля в пространстве, искривляется, поскольку пространство, в котором он движется, искривлено само. Иными словами, пространство само есть вещь, а не место, куда мы помещаем вещи.

Выдвигаемая мною идея представляет собой вкратце следующее: время, которое раньше считалось неизбежной абстракцией, - тоже вещь. Оно не только подвержено изменениям - существуют разные виды времени. И эти разновидности времени приходят и уходят в циклической последовательности на многих уровнях - ситуации развиваются по мере реакции материи на обусловливающее влияние времени и пространства. Эти два фактора обуславливают материю.

Факторы пространства давно известны науке. Мы называем их "законами природы". А факторы времени? Это уже совершенно другие понятия.

Всегда считалось, что материя есть олицетворение реальности; но в действительности она обладает некоторыми качествами, которые больше сродни мысли. Изменения материи определяются двумя взаимосвязанными динамическими формирующими факторами - пространством и временем. Эта идея включает в себя некоторые аксиомы, одна из которых позаимствована у философа Готфрида Вильгельма фон Лейбница, мастера по изготовлению линз. Лейбничу принадлежит описание монад - он представлял их в виде мельчайших частиц, которые бесконечно повторяются во всей Вселенной и содержат в себе все сущее. Монады существуют не просто здесь и теперь - они везде и всегда или заключают в себе все время и пространство: все зависит от того, как посмотреть. Все монады идентичны, но, будучи взаимосвязаны, они образуют более крупный континуум и в то же время сохраняют индивидуальные, свойственные только им перспективы. Эти идеи Лейбница явились предвестниками новой области фрактальной математики", одним из диковинных примеров которой может служить моя теория временного фактора.

Теории, подобные этой, предлагают возможные объяснения механизма памяти и воспоминаний, который в противном случае оставался бы неразрешимой загадкой. Повреждение даже девяноста пяти процентов мозга не нарушает функций памяти. Выходит, что память не хранится где-то конкретно, но пронизывает весь мозг целиком. Как и в голограмме, вся совокупность памяти, очевидно, заключена в каждой его частице. Точно так же можно сделать голографический снимок горы Фудзи и разрезать его пополам; осветите любую половину, и возникнет вся картина. Этот процесс можно повторять до бесконечности - голограмма состоит из почти бесчисленного множества крошечных изображений, каждое из которых в сочетании со своими двойниками дает целое. Этому голографическому аспекту памяти такие мыслители, как Дэвид Бом и Карл Прибрам, придавали огромное значение. Но только мы с Денисом дошли до того, чтобы предположить: такую форму организации можно распространить за пределы мозга, включив в нее весь космос. Квантовая физика делает сходное заявление, когда утверждает: электрон не находится ни в пространстве, ни во времени - он есть облако вероятностей, и это все, что о нем можно сказать. Похожее качество отличает и мою идею о времени и сравнении его с предметом.

Если время - предмет, то сам собой напрашивается вопрос: какова же наименьшая продолжительность, релевантная физическому процессу? Взяв на вооружение научный метод, мы бы стали расчленять время на все более мелкие отрезки, чтобы выяснить, существует ли его неделимая единица. Цель этой процедуры - поиск хронона, или частицы времени. Я полагаю, что хронон существует, но неотличим от атома. Атомные системы и есть хрононы, просто атомы гораздо сложнее, чем думают. Я уверен, что атомы обладают еще не открытymi свойствами, которые помогут объяснить не только свойства материи, но и характеристики пространства-времени. Возможно, хрононы и не сводятся к атомам, но, как я подозреваю, мы обнаружим волновые частицы, из которых состоят материя, пространство-время и энергия. Хронон сложнее, чем классическое описание атомных систем, принадлежащее Гейзенбергу-Бору. Он обладает свойствами, которые сообщают ему уникальную способность функционировать в качестве первоосновы Вселенной, внутри которой возникают живые организмы и разумы. До сих пор нам не удавалось определить динамические свойства, которые позволили бы частице стать неотъемлемой частью живого или мыслящего организма. Даже бактерия вроде E. coli - поразительное совершенство, если сравнивать ее с атомом Гейзенберга-Бора. Модель Гейзенберга-Бора позволяет имитировать физическую Вселенную, состоящую из звезд, галактик и квазаров, но она не объясняет, как устроены живые организмы или разум. А для того чтобы эта атомная модель могла изображать более сложные явления, ее приходится дополнять самыми разными качествами.

Если мы хотим понять, как мы устроены, как из перегноя Вселенной могли вырасти мыслящие, созидающие человеческие существа, нужно представить себе атом, наделенный новыми свойствами. Я не утверждаю, что уже достиг этого. Но я твердо уверен: мне удалось открыть то направление мысли, следуя которому можно прийти к такому знанию. Ключ кроется в циклах временных переменных, входящих в иерархические структуры, которые порождают разнообразные фрактальные связи, зачастую образующие удивительные замыкания.

Человек, заложивший наиболее прочную философскую основу для понимания такого рода проблем, - Альфред Норт Уайтхед. Его метод способен предсказать все то, что мы предполагаем. Теория Уайтхеда объясняет существование жизни, разума и целого ряда феноменов, которым

картезианский подход дает лишь приблизительное решение. Эти области, стали сферой поиска и для других мыслителей-визионеров. Динамика хаотического аттрактора - это идея, согласно которой любой процесс можно связать математическим уравнением с любым другим Процессом только потому, что все процессы принадлежат к одному классу явлений. Свержение диктатора, взрыв звезды, оплодотворение яйцеклетки - все это можно описать одним и тем же набором членов.

Наиболее многообещающая разработка в этой области - появление новой эволюционной парадигмы Ильи Пригожина и Эриха Янча. В своей работе они вывели не что иное, как новый принцип упорядоченности в природе - открыли диссипативную самоорганизацию как "созидательный" принцип, лежащий в основе динамики открытой и многоуровневой реальности и, и дали его математическое описание. Диссипативные структуры творят чудеса: создают и сохраняют упорядоченность, несмотря на флуктуации - флуктуации, причина которых коренится в квантово-механической неопределенности.

Понимай мы Вселенную до конца, нам удалось бы, используя эти знания, сказать первому встречному, сколько мелочи у него в кармане. Поскольку ее количество - совершившийся факт, его возможно вычислить, по крайней мере теоретически. Важно понимать, что есть истинные границы реальности, а не вероятные границы событий, возможных в будущем. Хотя граничные условия и работают на будущее, тем не менее, они представляют собой вероятностные ограничения, а не предрешенный факт. Можно предположить, что через десять минут комната, в которой мы находимся, все еще будет существовать. Это граничное условие, которое будет определять пространство-время следующие десять минут в наших координатах. Но мы не можем знать, кто будет в этой комнате через десять минут, - этот вопрос остается открытым. Меня могут спросить: откуда нам известно что комната будет существовать в любой миг в будущем? Здесь-то на сцену и выходит индукция. По правде говоря, наверняка это знать не может никто. Нет такого абсолютно точного метода, который позволил бы нам установить это. Но мы можем прибегнуть к индуктивному полету воображения, который в качестве трамплина использует накопленный опыт. Мы предполагаем, что существование комнаты как граничное условие сохранится, хотя в принципе в эти десять минут может произойти землетрясение, и от нашего дома камня на камне не останется. Однако, чтобы такое случилось, граничное условие должно быть нарушено полностью, самым что ни на есть неожиданным и невероятным образом. И, что самое любопытное. Такое вполне может случиться. Именно это и позволяет предсказать временная волна - то, что существуют условия, при которых могут происходить события чрезвычайной новизны.

Но здесь возникает одна проблема; поскольку мы предлагаем модель времени, математическое описание которой неотъемлемо диктует спиральную структуру, события постепенно сжимаются во все более тугие спирали, а это неизбежно приводит к конечности времени. Как и центр черной дыры, конечное время неизбежно представляет собой сингулярность, область или событие, внутри которого обычные законы физики не срабатывают. Представить себе, что может случиться в присутствии сингулярности, в принципе невозможно, поэтому вполне естественно, что наука сторонится подобных идей.

Абсолютная сингулярность - это "большой взрыв.", который, как считают физики, положил начало Вселенной. Наука просит нас поверить, что целая Вселенная возникла из ничего, в единый миг и без всякой видимой причины. Такая идея ставит предел любой, даже самой безграничной доверчивости. Иными словами, если вы сможете в нее поверить, то поверите во что угодно. По сути дела, эта теория абсолютно абсурдна и в то же время чрезвычайно важна для всех логических допущений, которые наука так старательно оберегает. Все так называемые логические допущения вытекают из этой изначально невероятной ситуации. Западная религия тоже имеет свою сингулярность в виде апокалипсиса, события, поставленного не в начало, а в конец существования Вселенной. И это положение кажется мне более логичным, чем те, что навязывает нам наука.

Если сингулярности вообще существуют, легче предположить, что они возникают из древнего, излишне усложненного космоса, вроде нашего, чем из мегапустоты, безликой и безмерной. Наука смотрит на апокалиптические фантазии религии свысока, полагая, что конечность времени может означать только энтропийное время, в котором отсутствуют всякие изменения. Наука придерживается мнения, что все процессы раньше или позже затухают, энтропия же достигает максимума только в некоем чрезвычайно отдаленном будущем. Принцип энтропии предполагает, что законы пространственно-временного континуума можно бесконечно и линейно распространять на будущее.

В спиральной схеме времени, относящегося к временной волне, такое предположение отсутствует. Скорее, конечное время означает переход от одной системы обуславливающих бытие законов к другой, абсолютно новой. Вселенная рассматривается как последовательность изолированных эр и эпох, в которых системы законов абсолютно отличны друг от друга, причем переход от одной эпохи к другой происходит неожиданно и внезапно. Смотреть сквозь призму этой теории - значит видеть свое место в спиральной схеме, знать и предвидеть, когда произойдет переход к новой эпохе. Это можно увидеть и в физическом мире.

Нашей планете пять или шесть миллиардов лет. Формирование органического мира приходится на первый виток спиральной волны. Потом зарождается жизнь. Если рассматривать нашу планету - а это единственная планета, которую мы можем рассмотреть во времени, - то окажется, что эти процессы неуклонно ускоряются и по темпу, и по сложности. Планета носится в космосе два миллиона лет, прежде чем на ней зарождается жизнь. Жизнь представляет собой новое, неожиданно появившееся качество. И в тот же миг, как возникает жизнь, начинается сумасшедшая борьба за выживание. Виды появляются и исчезают. Так продолжается полтора миллиона лет, и тут на сцену внезапно выходит новое неожиданное качество - мыслящие особи. Эта новая эпоха разума значительно короче предшествующих. Всего сто тысяч лет отделяют тупое созерцание осколка камня от постройки звездолета.

Чем иным могла ознаменоваться эта эра, как не появлением новой системы законов? Внезапно возникшая новая физика нервных процессов позволяет нашему виду явить миру совершенно особые свойства: речь, письменность, мечты и философские умопостроения. Люди, как и гремучие змеи, и тополя, -порождения ДНК. И в то же время мы задействуем те же энергии, что зажигают звезды. Мы делаем это на поверхности своей планеты. Еще мы можем создавать температуры, близкие к абсолютному нулю.

И делаем все это потому, что, хотя и сотворены из тлена и праха, но разум научил нас расширять свои возможности, используя орудия. Орудия позволяют нам высвобождать энергии, которые обычно могут проявляться только в совершенно иных условиях. Так, обычное место процессов термоядерного синтеза- это сердце звезды. И всего этого мы достигаем силой разума. Но что такое разум? Знать этого нам не дано.

От кочевой жизни и сбора даров природы до кибернетики и космических полетов прошло всего двадцать тысяч лет. И ускорение продолжает нарастать. От "форда" модели "Т" до звездолета - сто лет. От максимальной скорости передвижения тридцать миль в час до девяти миль в секунду - шестьдесят лет. Больше всего озадачивают прогнозы, которые теория временной волны выдвигает относительно ближайших смен эпох; их необходимость обусловлена совпадением временной волны с ходом исторических событий.

Оказывается, что конфигурация временной волны лучше всего согласуется с исторической датой, если предположить, что максимальное наступление обновления, или конец волны произойдет 22 декабря 2012 года. Как ни странно, этот срок совпадает с последней датой, которую индейцы майя указывают в своей календарной системе. Что же подсказало человеку XX века и мудрецам древней центральноамериканской цивилизации одну и ту же дату, с которой связано преображение мира? Может быть, в обоих случаях использовались психodelические грибы? Неужели ответ настолько прост? Не думаю. Скорее, можно заподозрить, что, исследуя структуру собственного глубинного бессознательного, мы делаем неожиданное открытие: человек основан на том же принципе упорядоченности, что и огромная Вселенная, в которой он возник.

Такая идея, какой бы удивительной она ни показалась на первый взгляд, быстро становится очевидной, естественной и неизбежной. Аналогию, объясняющую, почему это возможно, вы получите, если посмотрите на песчаные дюны. В них есть кое-что любопытное: они похожи на ту силу, которая их создала, -на ветер. Как будто каждая песчинка - это бит в памяти природного компьютера. Ветер - это ввод, который размещает песчинки так, что в низшем измерении они становятся материей феномена, принадлежащего высшему измерению, то есть ветра. В этом явлении нет ничего сверхъестественного, да мы и не воспринимаем его как нечто загадочное: ветер, давление, переменное во времени, создает волнистую поверхность дюны, которая представляет собой структуру, обычно переменную в пространстве. Мне представляется, что гены живых организмов - это те же песчинки, размещаемые приливами и отливами ветров времени. Только в таком случае будет естественно, что эти организмы несут на себе отпечаток переменных, присущих той временной среде, в которой они возникли. ДНК - чистый лист" на котором

изменяющиеся временные переменные записывают свою последовательность и относительные различия.

Любой метод, сумевший проникнуть в энергетические взаимосвязи живого организма, - будь то йога или использование психоделических растений, - дает к тому же глубокое прозрение изменчивой природы времени. И последовательность гексаграмм "Ицзин", данная Вэнь Ваном, есть результат именно такого прозрения. Человеческая культура - это виток расширяющихся возможностей. И в нашем истерзанном столетии его рост направлен по вертикали.

Люди представляют угрозу для всех видов жизни на планете. Мы повсюду нагромождаем радиоактивные отходы, это способен ощутить каждый вид на Земле. И если рассматривать планету как одушевленное существо, она может среагировать на такое воздействие. Ей три миллиона лет, и возможности у нее большие. Двойственные рассуждения о том, что человечество-де не является составной частью естественного порядка, - чистый вздор.

Мы просто не смогли бы появиться, не выполнив мы цель, согласующуюся с космической экологией. И пусть пока не ясно, в чем эта цель заключается, но, несмотря на это, можно предположить, что она как-то связана с нашим огромным арсеналом научной аппаратуры. Накапливая ядерное оружие, мы тем самым заявляем, что способны взорвать Землю, как гнилое яблоко. Но зачем? Мы и сами не знаем. Уж конечно, не во имя сложившихся политических и социальных причин. Просто мы - вид, создающий орудия, который сам в свою очередь является орудием космической экологии, олицетворяющей высший разум. Ему ведомы все опасности и пределы в космическом масштабе, и он неистово организует жизнь таким образом, чтобы она могла и сохранять, и преображать себя самое.

Странная у меня получается история. Непонятно, что с ней делать. Идея о неком фантастически сложном мистическом откровении, которое снисходит, чтобы поместить человека в самый центр событий, один из симптомов психического заболевания. Но моя теория выдвигает именно такую идею, как, впрочем, и непосредственное мистическое переживание, и онтологии иудаизма, ислама и христианства. Быть может, моя теория и вправду симптом клинической патологии, но у меня, в отличие от вышеупомянутых религиозных систем, достаточно юмора, чтобы это осознать. Важно, чтобы единоличный обладатель знания отдавал должное этой скрытой от посторонних глаз комедии. Не менее важно, чтобы он при необходимости смог прибегнуть к помощи научного метода. Большинство научных теорий можно опровергнуть в тиши лабораторий, но только не теорию эволюции. Чтобы пережить видения в Ла Чоррере, как свои собственные, необходимо вообразить то, на что способно ваше воображение. Вообразите, как, пустились бы вскачь нищие, будь желания конями.

Идеи, разработанные в Ла Чоррере, были столь притягательны потому, что обещали новые измерения человеческой свободы. Гуляющие по Амазонке слухи о способной улавливать время волшебной жидкости, которую искусные шаманы выделяют из собственного тела, есть не что иное, как намек на метаморфозу человеческого тела и разума в состоянии, принадлежащем высшему измерению. И будь такие преображения материи возможны, с ней можно было бы делать все, что заблагорассудится: растянуть, насколько нужно, забраться на нее, а потом подняться на любую высоту, по мере необходимости добавляя кислород. Вот и опять перед нами навязчивый образ летающей тарелки. Или забраться внутрь, натянув, как скафандр, собственный разум.

Летающая тарелка - это символ доведенного до совершенства человеческого разума: издавая тихое гудение, она ожидает нас в самом конце истории человечества на этой планете. Когда разум достигнет совершенства, произойдет онтологическая мутация человека - не что иное, как появление Тела Воскресения, которое предвкушает христианство. И никому иному, как гению человеческой техники, предстоит овладеть энергиями жизни и смерти, пространства и времени и, овладев, работать с ними. НЛО предлагает разуму возможность стать предметом, кораблем, который способен пересечь Вселенную в единый миг, необходимый для того, чтобы подумать об этом. Ибо вот что такое Вселенная - мысль. И когда мысль обретет подвижность и предметность, человечество - новичок в деле господства над мыслью - отправится в полет. Разумеется, может случиться и так, что никуда лететь не придется - будущее может показать, что есть нечто такое, что призывает нас остаться дома. Тогда наша техника и зов Иного обеспечат будущую встречу. И тарелка - превосходная метафора для этого. Когда Юнг высказал предположение, что тарелка - это человеческая душа, он был прав куда больше, чем, должно быть, полагал сам. Осталось не так уж много времени.

И вот еще что. Последняя смена эпох дала нам теорию относительности и квантовую механику. Впереди маячит следующая смена эпох, но станет ли грядущая эпоха последней, сказать трудно. Наши собственные роли как составляющие этого процесса вносят в наблюдения неопределенность, которая осложняет прогноз. Все эти темы переплетаются вокруг ДМТ, может быть, потому, что ДМТ создает микрокосм этой самой смены эпох в переживаниях отдельно взятого человека. Он как бы приподнимает пытливый ум из глубин обычного пространства-времени и позволяет ему мельком взглянуть на самый большой из возможных кадров.

Когда Платон заметил, что "время - это движущийся образ вечности", он высказал мысль, которую подтверждает каждый полет в ДМТ - космос. Как и смена эпох, которую религиозные кликуши прозвали апокалипсисом и который не устают предвкушать, ДМТ проливает свет на то, что ожидает нас по ту сторону смерти. И что же это такое - измерение по ту сторону жизни в свете ДМТ?

Если мы можем положиться на собственные органы чувств, то это место, где процветает экология душ, чей образ бытия скорее синтаксичен, нежели материален. Оно выглядит, как соседний мир, населенный бессмертными энтелехиями, напоминающими эльфов, которые состоят исключительно из знания и радостного самовыражения. Жизнь после смерти похожа скорее на кельтскую страну фей, чем на экзистенциальное ничто; по крайней мере, это подтверждают видения, навеянные ДМТ. Мы, люди, вынуждены признать, что- находимся в совершенно особой ситуации: с самого рождения мы представляем собой автономные, открытые химические системы, благодаря метаболизму поддерживающие свое существование в состоянии, далеком от равновесия.

Кроме того, мы существа мыслящие. Но что это такое? Что такое три измерения? Что такое энергия? Мы обнаруживаем себя в странном положении - мы живем. Однако, родившись, мы знаем, что нам суждено умереть. Поразмыслив, можно прийти к выводу, что в этом нет ничего странного, что во Вселенной такое бывает - возникают живые существа. И все же наша физика, способная зажигать звезды в пустынях, не может объяснить этот странный феномен - то, что мы живем. Сегодня живые организмы находятся за пределами того, чему может дать объяснение современная наука. Для чего же тогда нам она? Спенсер и Шекспир, квантовая теория и наскальные рисунки Альтамиры. Кто мы? Что такое история? И куда она ведет? Мы развязали процессы, которые грозят привести планету к роковому исходу. Мы положили начало кризису, несущему конец всему живому. Мы начали все это, и теперь ничего не можем поделать. Никто из нас. Ни один из глав государств не может изменить тот факт, что мы стали заложниками истории. Мы движемся навстречу невообразимому концу, а вокруг громоздятся горы информации о том, какова истинная природа ситуации, с которой нам предстоит столкнуться. Говоря словами Дж.-Б.-С. Хэлдейна , можно сказать: "Возможно, наша ситуация не только более странная, чем мы предполагаем, но, возможно, она более странная, чем мы способны предположить".

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ПРИШЕСТВИЕ СТРОФАРИИ

В которой мы с Ив расстаемся, а гриб произносит речь, превращаясь в объект подпольного разведения.

Вот что занимало меня все эти годы, вплоть до настоящего времени. Но два года - после второго возвращения из Ла Чорреры и до выхода в свет "Невидимого ландшафта" - я не сидел сложа руки. Мы с братом пришли к выводу, что истинно новым элементом, кандидатом на роль причинного фактора в Ла Чоррере был гриб. Именно *Stropharia cubensis* стояла за всеми теми воздействиями, которые нам довелось испытать на себе. По мере того как эта уверенность крепла, мы все яснее понимали: новую экспедицию в мир невообразимого можно затевать только в том случае, если удастся обеспечить достаточный запас грибов. Так вышло, что во время второго путешествия в Ла Чорреру грибов там оказалось куда меньше, чем в первый раз. Их нехватка навела меня на мысль собрать споры с тех немногих экземпляров, которые нам тогда попадались. На протяжении всех лет, пока мы с братом продолжали учебу в университете и писали книгу, споры оставались в замороженном состоянии. В то время мы носились с мыслью разводить строфарию, но единственным источником по этой теме оказалась работа Уоссона ,и Хейма, опубликованная на французском языке, да и вся затея показалась нам не слишком многообещающей и технически сложной. Весной 1972 года мы уже выделили мицелий гриба и пытались выращивать его на агаре в чашках Петри. Но у нас ничего не вышло. Позднее, весной 1975 года, нам попалась статья, в которой подробно описывался метод выращивания грибов в консервных банках на ржаном

субстрате при очень тщательно контролируемых параметрах. "А не подойдет ли этот метод для строфарии?" - подумали мы и возобновили приостановленное исследование невидимого мира.

С Ив мы расстались раньше в начале 1975 года. Нашей необременительной связи, зародившейся в пути, не пошло на пользу возвращение в университетскую среду, к трудовым будням. В отличие от меня. Ив быстро нашла работу. Позже она поступила в школу секретарей, а я вернулся в Калифорнию, заканчивать диссертацию по охране природных ресурсов. Как далеко все это было от величественных картин, открывавшихся нам в Ла Чоррере... В материальном, плане мы едва сводили концы с концами, в интеллектуальном ощущали какую-то скованность, и постепенно личные привязанности и интересы развели нас в разные стороны. Когда наконец грязнул разрыв, все складывалось противно и тяжело. Может, нам и удалось заглянуть в сердце Тайны, но, когда дело дошло до собственных сердечных дел, оказалось, что мы ничуть не мудрее остальных. Ив исчезла из моей жизни в обществе моего старого друга, которого я знал еще со времен экспериментального колледжа, а я остался один, выбитый из колеи и расстроенный, ощущая себя жертвой двойного предательства.

Столь печальный конец нашего длительного романа принес мне мучительные головные боли и тяготы холостяцкой жизни. Я заканчивал учебу, которая изрядно затянулась, если учесть, что в этот срок вошли семилетние скитания по свету. То было время одиночества, поисков себя и денежных неурядиц. В те недели, когда мы с Ив жили в постоянной борьбе, пытаясь обрести хоть какое-то подобие равновесия, я погружался в состояние гиперманиакальной деятельности, пытаясь во что бы то ни стало вырастить грибы. А потом, когда мы расстались окончательно, совершенно забросил это дело и целыми неделями просиживал, уставясь в стену, или часами бродил по холмам Беркли и Земляничному каньону. Однажды, вернувшись с одной из долгих, наполненных раздумьями прогулок, я вспомнил о забытом эксперименте, в котором опробовал новый метод выращивания грибов на грядках из стерилизованной ржи. Теперь грядки в маленькой заброшенной теплице на заднем дворе наверняка пересохли или наоборот загнили. "Нужно очистить теплицу и опорожнить экспериментальные грядки, - подумал я. - Если я это сделаю, то, может быть, и моя до невозможности сумбурная и несчастливая душевная жизнь тоже начнет очищаться".

Я не заглядывал в теплицу уже больше двух недель. Дверь разбухла и с трудом поддалась, издав душераздирающий скрип. И что же? Передо мной красовались десятки, сотни огромных, образцовых экземпляров строфарии. Мои мысли бесцельно блуждали в потемках души, а они тем временем росли и хорошили, пока не достигли совершенства. Я просто купался в алхимическом золоте! Из гиперпространства мне на помощь снова явились легионы эльфов. Спасен! Я опустился на колени и стал осматривать один великолепный экземпляр за другим, а слезы радости так и струились у меня по щекам. Теперь я понял: договор все еще не расторгнут, самое главное приключение впереди.

Я продолжал работать в тесном контакте с Деннисом - он к тому времени вернулся в Боулдер, - и через несколько недель мы убедились, что при использовании новой методики прекрасная строфария не только растет и созревает, ее к тому же еще и выращивать гораздо легче, чем те съедобные виды Agaricas (пластинчатые грибы), которые продают в овощных лавках. Все это мы обсуждали в бесконечных телефонных разговорах.

Начиная с весны 1975 года мой запас строфарии никогда не иссякал. В мой мир, унылый и тосклиwyй, внезапно вошел усовершенствованный метод выращивания того самого организма, который четыре года назад открыл перед нами измерение контакта. Из спор, собранных в Ла Чоррере, теперь, вырабатывая псилоцибин, бешено росли грибы - прямо у меня дома!

Весной я несколько раз экспериментировал с малыми дозами. Ощущение покоя и легкости, которые я связывал с безмятежными днями в Ла Чоррере, несомненно вернулись, как и голос учителя, и возобновление контакта с некой космической организацией, преследующей разнообразные цели. Всю весну и лето 1975 года я принимал грибы в дозах по пять граммов сухого вещества или по пятьдесят свежего; периодичность приема я установил, исходя из соображений благородства, что составляло один раз в две недели. Каждое из этих событий становилось для меня уроком - упоительными, обжигающим прыжком в океан мыслеобразов. Собственный разум расстипался передо мной топологическим множеством, он приглашал побродить, разглядывая мысленные сплетения прошлого и будущего, которое представляет собой каждый человек.

В этих видениях мне благоволили инопланетные существа и транслингвистические эльфы. Я живо ощущал древний возраст гриба, его глубокое понимание игры исторических сил во

множестве цивилизаций на протяжении тысячелетий. В зримых образах преобладали картины прошлого и будущего. Однажды я очутился на холме, в толпе народа. Оттуда открывался вид на волнистую равнину. Мы находились внутри космической колонии - то было сооружение цилиндрической формы диаметром в несколько миль, где огромные застекленные пространства перемежались с сельскохозяйственными угодьями и городами, разбросанными по дну долин. Откуда-то мне было известно, что в том будущем, куда я заглянул, в таких цилиндрических мирах живут сотни миллионов людей. Планеты-муравейники, населяющие галактику в воображении наших писателей-фантастов, оказались воссозданы в шаре диаметром всего лишь двенадцать световых часов, в центре которого находилось Солнце. Тысячи независимых сообществ, заключенных в этом шаре, следовали своей судьбе и своей эволюции, тысячи независимых цилиндрических миров роились вокруг огромной энергетической печи - Солнца. Какой же могущественной, бесконечно созидательной силой стало человечество, вырвавшись за пределы своей планеты! Через огромные окна я видел, как создаются новейшие сверкающие обсидианом аппараты, - аппараты, сотворенные, чтобы бросить вызов ошеломляющим расстояниям, что лежат между нами и солнцами Кентавра. Передо мной развертывались сцены подготовки звездолета к старту. В ушах у меня звучали Коплендовы "Фанфары для простого парня".

Бывали случаи, когда я видел иные варианты будущего, в которых мудрость гриба не была сплавлена с безудержным экспансонизмом человеческого рода. Я видел планету, населенную сообществом симбионтов - организмов, в которых сосуществовали рабы-труженики и орудия труда. Видел жизнь североамериканского общества на протяжении нескольких сотен лет переворотов и политических перемен - картину, напоминающую огромный театр военных действий. Сращение фашизма и демократии, как ярмо повисло на шее Северной Америки. Снова и снова кошмарный фашистский режим полицейского государства грязным пенящимся валом набегал на чаяния народных масс, и снова и снова народная смекалка противостояла глупости угнетателей. Люди поднимались на кровную, неистовую борьбу, стремясь отвоевать место для будущих поколений, чтобы те смогли предпринять попытки демократических преобразований общества.

Гриб постоянно возвращался к одной теме: он утверждал, что ему ведомы пути эволюции и потому он благожелательно настроен к симбиотическому союзу с теми, кого он называл "человеческими созданиями". Он стремился передать мне свое понимание того, как устроен мир, понимание, которое развивалось на протяжении миллионов лет сознательной жизни у него, разумного организма, распространяющего свой вид в галактике. По его утверждению, гриб - более древний биологический вид, и в качестве такового он предлагает свой зрелый опыт энергичной, но наивной младенческой расе, которая впервые стоит на пороге космических полетов. Наблюдая, как наше воображение стремится ввысь, пытаясь представить, что где-то в усеянной звездами галактике существует некое Иное, это Иное открывается нам в психоцибиновых видениях как аспект нас самих.

Феномен строфарии дарует нам встречу с разумной и внешне чужеродной формой жизни, правда, не такой, как мы ее себе обычно рисуем. И тем не менее это разумная форма жизни, хоть и чужеродная. Наша поп-культура предчувствовала даже столь неожиданный поворот событий, хоть зачастую и в свойственном ей комическом духе. В низкопробном кинообзорике "Нашествие людей-грибов" - очередной коммерческой дешевке, состряпанной той же командой, которая осчастливила нас "Годзиллой", присутствует следующая финальная сцена: группа японских ученых, ведущая исследования где-то в Азии, в непроходимых джунглях, неузнаваемо преображается, превращаясь в компанию поющих грибов. Только застарелое невежество может привести к выводу, что разумные инопланетные существа хотя бы отдаленно похожи на нас.

Эволюция - это нескончаемый поток форм и вариантов приспособляемости к конкретным условиям среды; в еще большей степени это относится к культуре. Гораздо более вероятно, что чуждый разум предстанет перед нами в едва узнаваемом облике, а не ошарашил нас внешним сходством с человеком и близким знакомством с нашей грубой технической цивилизацией. Можно предположить, что виды, дорошившие до межпланетных полетов, обладают глубокими познаниями в генетике и функции ДНК, а потому вовсе необязательно, что они являются нам в том облике, который им придала эволюция, свойственная жизни на их родной планете. Вполне возможно, они могут принимать любой облик, который пожелаю.

Гриб, привыкший перерабатывать неживую органическую материю, раскинувший под землей тонкую, как паутина, сеть мицелия, кажется организмом, созданным для того, чтобы соблюдать буддийскую заповедь ненанесения вреда и невмешательства в окружающую среду.

В конце лета 1975 года мы с Деннисом решили, что мир, который мы исследуем, стоит того, чтобы познакомить с ним более широкую публику. Мы надеялись организовать общину, которая разделяла бы наши идеи. С этой целью мы написали и опубликовали методику, которую разработали, культивируя строфарию.

В начале этой книжки я изложил то, что было известно лично нам о мире гриба:

Гриб разговаривает с нами, и наше мнение основано на том, что он так красноречиво поведал нам о себе в прохладных сумерках сознания:

"Я стар, гораздо старше, чем мыслительная способность вашего вида, который сам в пятьдесят раз старше собственной истории. Хотя я и живу на земле уже много веков, родом я со звезд. И родина моя - не какая-то одна планета, ибо во множестве миров, рассеянных по сверкающему диску галактики, есть условия, позволяющие моим спорам сохранять жизнь.

Тот гриб, который вы видите ~ это лишь часть моего тела, назначение которого - наслаждаться радостями секса и греться на солнышке. Настоящее же тело - это тончайшая сеть пронизывающих почву волокон. Ее переплетения могут покрывать целые акры земли, образуя больше соединений, чем их существует в человеческом мозге. Сеть моего мицелия почти бессмертна, стереть ее с лица земли может только внезапное отравление всей планеты или взрыв ее солнца. Есть способы - объяснить их я не могу из-за некоторых несообразностей в вашей модели реальности, - которые обеспечивают мне сверхсветовую связь через пространство и время. Тело мицелия хрупко, как паутина, но коллективные гиперразум и память - это гигантский исторический архив хода эволюции разумных видов на многих планетах нашего спирального звездного роя.

Поймите: Космос - это безбрежный океан для тех существ, которые способны размножаться спорами; ведь споры покрыты самым твердым из известных органических веществ. Множество спорообразующих организмов миллионы лет носятся по просторам пространства и времени, тая в себе искру жизни, пока не встретят подходящую для себя среду. Некоторые из них разумны, но лишь я и мои ближайшие сородичи, недавно достигшие этой ступени эволюции, наделены способностью гиперкоммуникации и памятью, которые отводят нам ведущее место в сообществе галактического разума.

Как действует режим гиперкоммуникации, - это тайна, которую людям будет не так легко разгадать. Но средство очевидно: именно псилоцибин и псилоцин, присутствующие в биосинтетических проводящих путях моего организма, открывают для меня и моих симбионтов окна, позволяющие заглянуть в иные миры. Вы как индивиды и человечество как вид стоите на подступах к созданию симбиотической связи с моим генетическим материалом, который в итоге выведет род человеческий и планету Земля на галактический фарватер высших цивилизаций. Поскольку вам нелегко распознать другие разновидности разумных существ, ваши самые передовые политические и социальные теории не пошли дальше понятия колlettivизма, но за рамками сплочения членов вида в единый социальный организм кроются куда более значимые, хоть и более нетрадиционные возможности эволюции.

И одна из них - симбиоз. Симбиоз есть отношение взаимной зависимости и конкретных благ для обоих участвующих в нем видов. За долгие годы своего развития я уже много раз и во многих местах вступал в симбиотическую связь с цивилизованными видами высших животных. И связь эта была полезна для обеих сторон: в моей памяти хранятся сведения о кораблях с фотонными двигателями и технологиями их постройки. Я бы мог предоставить эти сведения взамен на бесплатный проезд до новых планет, что врачаются вокруг солнц, менее захолустных и расположенных поближе к центру галактики.

Дабы обеспечить себе вечное плавание по бескрайней реке космического времени, я снова и снова предлагаю этот договор высшим существам - таким образом, за долгие тысячелетия мне удалось распространиться по всей галактике. У сети мицелия нет органов, чтобы перевернуть мир, нет рук, но высшие животные, обладающие такими способностями, могут стать моими партнерами, я поделюсь с ними своими знаниями о звездах. И если они распорядятся ими во благо, то смогут вместе со своим скромным наставником-грибом вернуться в миллионы, миров: ведь они по праву принадлежат всем обитателям звездного роя".

Нечто, утверждающее, что оно столь же хрупко и прозрачно, как паутина, - ибо именно таков мицелий гриба, - сумело не только установить со мной контакт, но и передать мне видения,

наделенные таким величием, такой безграничной надеждой, о каких я не мог и мечтать. Все это тревожило и захватывало, вот только было ли это правдой?

Моя собственная реакция на заявления гриба о внеземном происхождении триптаминовых галлюциногенов и видениях, которые они вызывают, была неоднозначной. Возможно, некоторые из этих веществ действительно представляют собой "посеянные гены", которые много эпох назад внесли в космическую среду автоматические межпланетные зонды, запущенные к нам какой-то иной галактической цивилизацией. Эти гены могли быть занесены с геном гриба или какого-то другого растения, только и ждавшего пришествия иного разума, который бы их обнаружил, чтобы начать распространять свое послание, открывающееся вместе с причудливым измерением, знакомым всем шаманам.

Суть такого послания могла стать ясна только после того, как те, кому оно предназначено, достигнут достаточного уровня технического развития, чтобы суметь его оценить. Небывалый рост аналитических методов, произошедший в прошлом веке, может означать, что теперь мы приближаемся к этому уровню. Я полагаю, что итоговым содержанием послания будут инструкции - их назовут "открытием" - о том, как построить передатчик материи или какое-то другое устройство, которое позволит нам установить прямой контакт с цивилизацией, столько эпох назад отправившей на Землю несущие послание галлюциногены.

Из видений следует, что такая цивилизация владеет способом передавать информацию - если не саму материю - со скоростью, превышающей скорость света, однако в пункте получения необходимо иметь приемник, иначе инопланетная составляющая гриба окажется так же ограничена рамками общей относительности, как и мы сами.

Кто-то или что-то засеяло межгалактическое пространство биомеханическими зондами-автоматами. По нашим меркам эти зонды - сложнейшие творения технической мысли; они могут приспособливать несущие послание галлюциногены к конкретным условиям среды, в которую может попасть зонд, и выпускать вирусоподобные псевдоорганизмы, способные вносить искусственные гены в нуклеоплазму видов-мишеней и имплантировать их там. Это куда более долговечная разновидность послания, нежели незыблемый монолит на Луне или орбитальный монитор. Искусственные гены могут переноситься потоком эволюции буквально на сотни миллионов лет, причем их послание при этом существенно не пострадает. Послание, которое зонды доставляют, а галлюциногены передают, меняется в зависимости от потребностей разумных существ той планеты, с которой устанавливается контакт. Постепенно акцент информации, которую может предоставить зонд, смещается. Предсказание удачной охоты, незатейливые исходы гаданий - к примеру, как найти потерянное, - и советы по врачеванию мало-помалу уступают место откровениям о внеземном источнике этих сведений и скрытой за ними целью, которая состоит в создании звездной антенны и последующем вступлении в Логос галактической цивилизации.

Что ни говори, идеи довольно фантастические! Но, как ни странно, многие из самых современных расчетов и теорий, посвященных плотности распространения жизни и разума в галактике, ставят перед экзобиологами вопрос: почему с нами до сих пор никто не вступил в контакт?

В "Научных перспективах внеземной связи" Сирилла Поннамперумы и А.-Г.-У. Камерона дан прекрасный обзор современных взглядов на этот вопрос. Статья Р.-Н. Брейсуэлла, напечатанная в этой же книге, стала основой для моей теории о межпланетных зондах.

Подводя итог, можно сказать: современная наука приходит к выводу, что пик возникновения разумной жизни в галактике был достигнут от десяти до ста миллионов лет назад и что населяющие галактику народы в большинстве своем очень стары и мудры. Трудно сказать, чтобы такие существа появились под пение фанфар над каждым городом Земли. Войти в историю подобным образом - все равно что ввалиться в чужой дом без всякого предупреждения, и такого поступка едва ли можно ожидать от представителей древней, умудренной опытом галактической цивилизации.

А может быть, они всегда были здесь или, скорее, здесь всегда было их присутствие, скрытое в галлюциногенах, и когда мы сами поймем это, то тем самым подадим им сигнал: мы готовы к контакту. Но послать этот сигнал мы сможем лишь в том случае, если, последовав с содержащимся в посеянных генах инструкциям, построим необходимую аппаратуру, социальную систему или звездолет. И когда мы это сделаем, где-то в галактике вспыхнет послание: еще одна из многих миллионов засеянных планет подошла к порогу галактического сообщества. По современным

оценкам даже в изобилующей разумом галактике разумные виды минуют этот¹ порог лишь раз в сто тысяч лет.

И это счастливый миг для всех членов сообщества. Если вышеизложенные соображения хоть в какой-то мере соответствуют истине, то сам факт, что они увидели свет, означает заключительный миг стадии, предшествующей контакту, и еще он означает настоятельную потребность исследовать псилоцибиновые видения и понять ту роль, которую они играют в психологии человеческого рода. Недавно был пролит новый свет на феномен звучащих в мозгу голосов и роли, которую они могут играть в эволюции сознания.

В 1977 году Джулиан Джейнс из Принстонского университета опубликовал на редкость дерзкую книгу "Происхождение сознания в процессе краха двухпалатного ума". Джейнсу понадобилось сто сорок пять страниц, чтобы изложить свои идеи о той роли, которую галлюцинации, в частности, слуховые, сыграли в процессе структурирования разума Джейнс считает, что до времени создания "Илиады", то есть приблизительно до 1400 года до н.э., не существовало ничего похожего на современное эгоцентрическое, индивидуализированное сознание. Он утверждает, что люди вели себя, как автоматы или общественные насекомые, бессознательно работающие на благо своего улья. И такая система нарушалась лишь в моменты сильных потрясений и личной опасности. В такие мгновения безличный разум, находящийся за пределами повседневного опыта, начинал проявляться как голос. Согласно теории Джейнса, такие голоса на протяжении тысячелетий служили для человеческого общества путеводными огнями, кому бы их ни приписывали: живому, но отсутствующему царю, покойному царю, вездесущему Богу или личному божеству. Миграции и крушение культурной обособленности ранней человеческой цивилизации положили конец связи индивида с двухпалатным умом - этим термином Джейнс обозначает кибернетическое богоподобное присутствие, ощущаемое за звучащими в галлюцинациях голосами.

В современную эпоху социальные предрассудки, направленные против общения с двухпалатным умом, превратили феномен "голосов" в мистическое откровение или в серьезное психическое отклонение - в любом случае, явление весьма редкое. Заинтересованному читателю я посоветую отнести к труду Джейнса очень осторожно, поскольку в книге, посвященной роли галлюциногенов в человеческой истории, он так и не сумел дать мало-мальски серьезное описание использования галлюциногенных растений. Это существенный недостаток, в особенности если предположить, что вызываемый псилоцибином эффект не является, как полагаю я, контактом с разумным существом, совершенно отличным от нас. Теория Джейнса подразумевает возможность, что псилоцибин восстанавливает связь человека с трансперсональным Иным, которая на каком-то уровне воспроизводит состояние ума, характерное для ранних человеческих популяций. Было бы логично предположить, что звучащий в мозгу голос, который древние принимали за глас Божий, современный неискушенный человек может принять за телепатический контакт с инопланетянами. Какие бы факты ни открылись нам в конце концов, псилоцибин предлагает средство, позволяющее непосредственно воспринимать этот голос, способный дать на все ответы, этот Логос Иного.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ГАВАЙСКИЙ КОНТАКТ.

В которой в вулканических пустошах Кау мы, с моей новой возлюбленной подвергаемся нападению богомолов - пиратов гиперпространства, и я произношу последние слова о Невыразимом.

Осень 1975 года стала для меня временем перемен в личной жизни и образования нового союза. Кэт, давняя знакомая, которую я повстречал много лет назад в Иерусалиме, в период увлечения опиумом и каббалой, стала наконец моей возлюбленной. Прошло восемь лет с тех пор, как мы вместе совершали обход мечети Омара. Кэт обожала любоваться на лужи, оставленные приливом, и путешествовать в одиночку. Гриб сдержал свое обещание - я получил нового спутника, чтобы вместе продолжить странствия по миру души.

В октябре мы отправились на Гавайи - писать и разрабатывать план путешествия в перуанскую Амазонию, намеченного на весну 1976 года. И наслаждаться друг другом. На Гавайях мы сняли дом в отдаленной и безлюдной провинции Кау. Местность изобиловала прихотливыми потоками застывшей лавы - то были следы извержений различной давности. Единственную растительность являли собой капука - обособленные островки древнего леса, окруженные пенистыми морями ноздреватого камня, которые поглотили всю более низкорослую и менее удачливую местную

флору. Позади, на горизонте, постепенно, почти незаметно вздымалась на высоту четырнадцать тысяч футов отлогая громада Мауна Лоа.

Мы находились на высоте около двух с половиной тысяч футов. Наш домик стоял лицом к бескрайним зловещим полям пепла, участок же уходил в капуку. Благодаря своей гостеприимной тени и обилию птиц и насекомых она создавала благодатный контраст с первобытной пустыней, которая растянулась вокруг на много миль. Жизнь наша текла безмятежно. Я писал и проводил кое-какие эксперименты, исследуя тайны выращивания грибов. Кэт с головой ушла в наброски рисунков для книги, которую мы с Деннисом написали о культивировании строфарии. А вокруг разворачивался напоенный солнцем эротический сон. Мы были одни - что нравилось нам обоим - и часто принимали грибы вместе.

Именно во время этой гавайской идиллии я решил еще раз вернуться в бассейн Амазонки и понаблюдать за *Banisteriopsis caapi* в ее природном окружении, дабы удовлетворить свое любопытство относительно той роли, которую она сама и содержащиеся в ней бета-карболиновые галлюциногены сыграли в эксперименте в Ла Чоррере.

Особенно меня занимал вопрос, способны ли другие туземные галлюциногены, имеющие другой химический состав, вызвать такие же переживания, как присутствующий в грибах псилоцибин. Я хотел выяснить, являлось ли то, что произошло с нами, частью общей феноменологии галлюциногенов, или же оно объясняется исключительно воздействием псилоцибина.

На Гавайях мы весь октябрь и ноябрь, с перерывами в неделю или десять дней, принимали строфарию, которую сами же выращивали, и испытывали целый ряд поразительных переживаний. Псилоцибин создает отчетливое впечатление, что порой и другие могут так же ясно воспринимать галлюцинации, которые ты переживаешь. Мы с Кэт не раз убеждались в этом, по очереди пересказывая друг другу те видения, в которые погружались. И когда поток картин достигал поистине электризующей напряженности, у нас не оставалось сомнений, что мы видим одно и то же. Под влиянием псилоцибина связь души с поверхностью тела, с кожей, становится синестезийной и эмоционально усложняется. Цветовые и прочие ощущения приобретают осозаемый характер - при обычном восприятии на это даже намека не бывает. Когда наши тела соприкасаются, нам казалось, что обычная психическая обособленность и целостность тела исчезает: мы таяли в сознании друг друга на вершине тантрического блаженства, и это было неописуемо сладко и наполнено диковинными и забавными возможностями для человеческого развития и парapsихологических исследований.

По возвращении в Штаты мы с Ив больше грибов не принимали. До чего же это было здорово снова с кем-то делить навеянные грибами видения: ведь до того как ко мне присоединилась Кэт, большинство грибных плаваний я совершал в полном одиночестве - неприкаянная душа, потеряянная в космическом океане. К счастью, теперь нас снова было двое, и мы вместе плыли по волнам искрящихся нездешним светом измерений. Особенно врезались в память два связанных с приемом грибов эпизода.

Первый произошел как-то в ноябре, поздно вечером. Мы оба приняли по пять граммов сущеной строфарии и сидели дома, у огня, наблюдая, как за сомкнутыми веками медленно вздымается волна галлюцинаций. Казалось, передо мной проходят мимолетные, но веющие картины путешествия на Амазонку, которое мы тогда планировали. В глазах мелькали то костры, то лесные тропы. Стрекотанье сверчков превратилось в оглушительную какофонию звуков, ожидавших нас вочных джунглях Перу. Мы с Кэт вели разговор о планах, о будущем. Будущее представлялось нам безграничным, открытым нараспашку. Именно в тот вечер мы оба приняли решение пожениться и жить вместе. Я не сомневался, что это событие станет главным поворотным пунктом в моей жизни. Мы вдвоем вышли на свежий воздух и остановились под усеянным звездами небом, близ сараев и грядок, где каждый день занимались еще более совершенной технологией выращивания строфарии. Ночь выдалась необыкновенно тихая, небо так и сверкало звездами. Глядя на южный небосклон, я подумал: "Если ты здесь, с нами, если ты одобряешь то направление, которое приняли наши жизни, если эта загадка реальна, подай нам знак!" Я сделал шаг, чтобы догнать шедшую впереди Кэт, собираясь сказать ей: "Я попросил, чтобы нам дали знак". Но не успел я заговорить, как все небо до самого горизонта прочертила багровая полоса метеорита. Как же глубокоозвучны должны быть душа и окружающий мир, чтобы могло произойти такое совпадение! "Бывает, что метеориты сгорают в атмосфере, - отчетливо прозвучал у меня в ушах непрошеный комментарий гриба, - но не так уж часто". Мы сели на теплую, ласковую землю и

предались набегающим волнам видений и воспоминаний. Было мгновение, когда порыв ночного ветра вздыбил листву на дотоле неподвижных деревьях. Место было безлюдное, но в тихом воздухе за много миль был слышен скорбный вой собак с близлежащих ранчо, затерянных в этой части острова. Они часами выли и визжали, и голоса их сливались в жуткий, призрачный хор. Мы терялись в догадках, что бы это могло значить, но восприняли как совпадение, столь же необъяснимое, как и знак в небе, предвестник нашего будущего. Прошло несколько часов, и в неверных лучах рассвета, в 4.49 по местному времени, разбросанные по всей планете сейсмические станции зарегистрировали землетрясение. Глухой скрежещущий рев прокатился по полям лавы, простиравшемся вокруг на многие мили. Вслед за первым толчком последовали приливные волны и усиление вулканической деятельности в Килауэа Калдера, близ эпицентра, от которого нас отделяло всего тридцать миль. Через час произошел еще один толчок, более слабый. Теперь нам стало совершенно ясно, почему выли собаки. Значит, и затмение в виде метеорита, и землетрясение, самое сильное на Гавайях за последние сто лет, были очевидцами нашего грибного плавания и углубленного исследования психоцибиновых бездн, так же как и мы были их очевидцами.

Второе, гораздо более загадочное происшествие, связанное с грибами, которое нам довелось испытать на Гавайях, положило конец дальнейшим опытам с психоцибином до той поры, пока мы не вернулись из перуанской Амазонии. Случилось это двадцать третьего декабря, за день до приезда Денниса, который собирался провести с нами Рождество. Мы с Кэт приняли, как обычно, по пять граммов сушеных грибов и расположились у огня в ожидании первой волны видений. И очень скоро она поглотила нас. Гриб показывал мне водную гладь голубовато-зеленой планеты, где не было другой суши, кроме опоясывающего ее по экватору архипелага, напоминавшего гигантскую Индонезию. Виды планеты сопровождал комментарий, пояснявший, что этот богатый кислородом мир находится на расстоянии ста световых лет от Земли и там полностью отсутствуют высшие животные. Как только до меня дошел смысл этого сообщения, я почувствовал, как во мне заговорил инстинкт завоевателя, казалось, исходящий прямо изнутри первобытного человека, - реакция на миллионы лет кочевой жизни и неуклонный рост народонаселения. А комментатор тем временем продолжал объяснять: когда завершится симбиотический союз строфарии и человечества, "человеческие существа" смогут по праву претендовать на такие планеты, чтобы заселить их строфариями. Комментарий воплотился во внутренний голос, сопровождавший мои грибные видения. Я начал обмениваться с ним впечатлениями о пейзажах водной планеты, о технических средствах, которые потребуются для ее освоения. Меня заинтересовали принципы межпланетных полетов и передачи изображения на большие расстояния, и я спросил у гриба, может ли он, при том что он способен вызывать столь причудливые образы, производить какой бы то ни было эффект при обычных обстоятельствах. У меня возникла мысль, что стоит только выйти из дома, как мы обычно это делали на каком-то этапе нашего "полета", и мы сможем увидеть некое продолжение того связанного с облаками феномена, который был частью пережитого в Ла Чоррере. Кэт пожаловалась, что ей жарко, и согласилась, что лучше выйти на воздух. Мы весьма нетвердо держались на ногах, и, хотя Кэт говорила мало, я почему-то очень беспокоился за нее. Тем не менее я подумал, что если мы выйдем на воздух, ей станет прохладнее. Выбравшись из дома, мы стояли, пошатываясь, посреди переднего двора. Ночь выдалась мрачная. У Кэт был такой вид, будто она то теряет сознание, то снова приходит в себя. Причем с каждым разом мне было все труднее приводить ее в чувство. Она все время твердила: "Они хотят меня сжечь, но, кажется, мне удастся их не подпустить". Вдруг она совсем отключилась, и я никак не мог добиться от нее ответа. Мы были настолько отрезаны от мира, что не могло быть и речи о том, чтобы получить какую-то помощь извне. Ушел бы не один час чтобы доставить сюда врача, к тому же - в этом не было никаких сомнений - никто не разбирался в психоцибинах лучше, чем мы сами. Ошеломляющим гештальтом ситуации было то, что мы каким-то образом оказались на грани жизни и смерти и все, что можно было предпринять, зависело только от нас, а времени почти не оставалось. Тут я вспомнил, что за домом, возле того места, где мы обычно загорали, стоит большая кадка, куда стекали излишки дождевой воды. Несмотря на то что я отлично сознавал, какая смертельная опасность нам угрожает, мне потребовалось до отказа напрячь свои мыслительные способности, чтобы сообразить: нужно выплыть воду на Кэт. И как только меня это осенило, беспорядочное кружение мира словно обрело направление. Одним махом я поднял Кэт и, спотыкаясь, потащил мимо утыканых шипами пальм, которые в темноте выглядели порождениями фантазии. Со стороны это, должно быть, выглядело до крайности уморительно:

мои трусы на резинке спустились до самых щиколоток, так что я вышагивал с голой задницей на негнувшихся ногах, будто чудище из "Франкенштейна", неся на руках бесчувственную Кэт. Я положил ее на землю и стал поливать из банки чистой, черной с серебром, шелковистой водой, стараясь не пропустить ни единого дюйма. И сразу же стало видно: мы нашли верное средство против того, что вызывало у нее ощущение жара и лишало сознания. Плача и смеясь, мы обнялись, мокрые и грязные, оба ощущая, что этот совершенно необычный эффект от грибов является собой тайный зов. И вот когда мы стояли на коленях, приникнув друг к другу, понимая, что справились с выпавшим на нашу долю испытанием, тишину внезапно разорвал дикий раскат какого-то неземного громыханья, долетевший со стороны высящихся за домом древних лесов. Этот звук походил на захлебывающийся хохот, на дикий вопль вселяющего ужас божества. Жуткий, непристойный, безумный - то был гортанный боевой клич вырвавшегося на свободу демона. Мы в страхе бежали. Спотыкаясь, мы кое-как добрались до дома. Я стал готовить чай, а Кэт тем временем рассказывала мне о том, что ей пришлось пережить. "Наверное, так бывает, когда сходишь с ума", - откровенно призналась она. На этот раз у нее были необычно яркие видения: с открытыми глазами она наблюдала, как отовсюду, змеясь, вырастают странные "осязаемые" формы, напоминающие то папоротники, то орхидеи. Ощущение жара не прекращалось, но оно изменилось, превратившись в некое поле раскаленной добела потенциальной энергии, и избежать обжигающего соприкосновения с ним можно было, только предоставив галлюциногенной энергии истощить себя в хаосе причудливых зримых образов. Только ценой постоянных сосредоточенных усилий Кэт удавалось удерживать пылающую плазму на расстоянии нескольких футов, где она обращалась в оболочку видения, включающую в себя остальные образы. После нескольких минут борьбы Кэт начала снова впадать в забытье - пришлось снова прибегнуть к холодной ванне, и Кэт лежала в воде, пока симптомы не исчезли.

Когда мы потом обсуждали этот случай, оказалось, что в видениях Кэт присутствовали измерения, о которых я и не подозревал. Как только мы в первый раз вышли из дома, она почувствовала, что ощущение жара не ослабевает, а напротив, становится все сильнее. Прямо у себя над головой она заметила сияющий разноцветный диск - громоздкую штуковину из мягко светящихся стержней; ее сверкающие, как самоцветы, узлы, лучились всеми цветами радуги. "Я поняла, - рассказывала мне Кэт, - что соотношение между отдельными ее частями - их длиной и углом наклона - невероятно сложно и к тому же является собой выражение абсолютной истины. И увидев это, я поняла все остальное... Но в аппарате находились какие-то существа - похожие на богомолов, сотворенные из света; они не хотели, чтобы я это знала. Они склонились над приборными панелями, и чем больше я понимала, тем больше они старались сжечь меня своими лучами. Я не могла оторвать от них взгляда и ощущала, что постепенно испаряюсь. Потом ты поднял меня и понес, а я думала: "Хоть бы он поторопился, а то я превращусь в облако...". На миг я даже взлетела в воздух и взглянула на нас с высоты - то были люди вне времени, огромнее, чем сама жизнь. Потом я почувствовала, как льющаяся на кожу вода восстанавливает границы моего тела, возвращая меня в твердое состояние".

От случившегося у Кэт осталось впечатление, что угроза исходила не от гриба, а от некой силы, принадлежащей измерению, которое гриб открывает перед нами. Нравственные установки этой силы остались неясны: может, то были пираты гиперпространства? Кэт пережила тесный контакт с НЛО, я же ничего не увидел. Но контакт этот таил в себе опасность и угрозу гибели. Когда я стал обливать Кэт водой, он резко прервался.

Мы просидели всю ночь, обсуждая этот странный случай. Он выяснил и другие непонятные явления, которые мы отметили во время опытов с психоцибином в этом заброшенном уголке. В частности, мы не раз замечали где-то на самом краю восприятия приглушенное царапанье и шорох, чем-то схожие с проявлениями классического феномена полтергейста. Эти слабые шевеления и шорохи стали настолько привычной особенностью наших видений, что я начал воспринимать их как должное. Еще мы заметили, что во время навеянных грибом "полетов" всю материю, как одушевленную, так и неодушевленную, пронизывают волны энергии. Например, стоило нам после долгого, близкого к трансу созерцания видений выйти из него - скажем, потянуться или заговорить, - как сразу же огонь внезапно вспыхивал и начинал гореть ярче, а шорохи на периферии сознания усиливались.

Определенно мы находились на пороге того же измерения, в которое я окунулся в Ла Чоррере, и оно снова было с нами благодаря тому же грибу. Но на сей раз мы восприняли столкновение с неведомой угрозой как предупреждение: какое-то время нужно переждать. Как раз после того

случая мы и решили отправиться в Перу и там попробовать аяхуаску, чтобы прояснить для себя природу псилоцибина в сравнении с другими зрительными галлюциногенами растительного происхождения. Наши прогулки в гавайских джунглях стали бледным, но реальным отзвуком давних блужданий по тропам Амазонии, на которые нам было суждено через несколько месяцев ступить снова. Именно во время одной из таких прогулок, вспоминая встречу с похожими на богомолов существами и их светящимся кораблем, Кэт заметила, что линза - это естественный результат пересечения двух сфер. Может быть, нам удастся прийти к какому-то выводу, приложив эту мысль к линзообразному НЛО? Может, в мысли о том, что линза получается путем пересечения двух сплошных сред, заключена некая топологическая истинна? Ведь в 1971 году моей встрече с НЛО в Ла Чоррере тоже предшествовало появление облаков линзообразной формы. И эта тема снова всплыла во время наших псилоцибиновых "странствий" в безлюдном уголке гавайского захолустья.

Во время еще одного грибного странствия мы с Кэт, выйдя как-то раз поздно вечером из дома, любовались звездами сквозь просветы летучего кружева тонких облаков. И в то же время всего в нескольких футах от земли недалеко от нас висело очень темное и плотное облако линзообразной формы. Пока мы наблюдали за ним, оно становилось все плотнее. Внезапно оно, как будто передумав, стало стремительно бледнеть и таять и вскоре совсем исчезла. Годы идут, и неведомое редко вмешивается в нашу обыденную жизнь. И вдруг неожиданно оно снова оказывается с нами, вызывая странные совпадения и подгоняя с некоему исходу, который мы предчувствуем, но предугадать не можем. Налет паранойи, окутывающий современное общество, затрудняет обратную связь человека с исторической средой. Если взглянуть с определенной точки зрения, то окажется, что человечество - это организм, пребывающий в постоянном преображении, сообщающий каждому мгновению глубоко пережитую тайну несбывшегося будущего. Да и отличается ли современная ситуация от множества других, уже пережитых в прошлом? Новое всегда пребывает в процессе возникновения, вот только наступает ли оно когда-нибудь явно, внезапно проявляясь из событий, в которых оно скрыто присутствует? И как нам с ним быть, когда оно возникает настолько неожиданно для нас, что нам удается разглядеть в нем истинный поток временного континуума? Я верю в чудеса и в восторги и в такие ситуации, в которых заметно проявление "сил", неведомых современной физике. И я ощущил необходимость связать воедино эти интимные нити моей жизни в памяти. Не сделай я этого, не осталось бы никаких сведений о неуверенных шагах, предпринятых в Ла Чоррере, о тех шагах, которые привели нас к пониманию псилоцибина и его связи с человеческой душой - этого сплетения драгоценной аномалии и неуловимого ощущения, которое, словно призрак, блуждает по нашей планете.

ЭПИЛОГ

В котором я возвращаюсь в настоящее, представляю своих друзей-исследователей в их современном состоянии и преклоняю колени перед странностью всего того, что выпало на нашу долю.

Ну и к чему же мы пришли сегодня? Продолжает ли космический смех звучать для нас? Или я вынужден, как археолог, возиться со щеткой и пинцетом, стараясь извлечь из прошлого и склеить воедино осколки грез и образов, увиденных в давно забытых краях и временах? Не составило бы большого труда оглянуться назад и рассказать эту историю так, будто она являет собой завершенный цикл, нечто законченное и застывшее в своей завершенности. Только все дело в том, что история эта правдива и ее действующие лица - живые люди, каждый из которых продолжает жить своей жизнью. И все главные загадки эксперимента в Ла Чоррере до сих пор остаются для нас тайной.

Мои коллеги, друзья и возлюбленные, все они за это время не переставали изменяться. Каждому из нас была уготована своя судьба. Дейв так и остался в Южной Америке. За последние двадцать лет он только раз выбрался в Штаты, и то очень ненадолго. Я не виделся с ним с 1971 года. Знаю, что он перебывал почти во всех странах андийской Южной Америки. Годами храня верность кочевым маршрутам хиппи, он странствовал из одной горной деревушки в другую, обучая местных женщин вышивать тамбурным швом. Можно себе представить, что к нынешнему времени эта разновидность рукоделия укоренилась даже в тех краях, где до его появления о ней никто и не подозревал. Во время своего краткого приезда в Соединенные Штаты он так и не добрался до

Западного побережья, но позвонил мне, и мы славно потолковали. Насколько могу судить, это все тот же старина Дейв.

Ив вышла замуж за того самого приятеля, ради которого оставила меня в 1975 году. Они женаты и по сию пору. Сын их уже такой большой, что будет поступать в колледж. Ни Ив, ни ее мужа я не видел с тех пор, как мы расстались в 1975 году. Много лет назад мы один раз поговорили по телефону. Я пробормотал что-то вроде того, что было бы неплохо как-нибудь пообедать вместе, но осуществление этого замысла зависело от меня, а я так и не довел его до конца. Такое нежелание встречаться не было ни случайным, ни беспринципным. Я до сих пор замечаю в себе внутренне сопротивление и застарелую боль, которая кроется в тайниках души и продолжает меня удивлять, но справиться с этим не так легко.

Ванесса вернулась с Амазонки в Штаты и, пойдя по стопам отца и сестры, получила медицинское образование. Сейчас она, как и Ив, живет в Беркли, работает психиатром и преуспевает. Видимся мы очень редко, а когда встречаемся, я очень неохотно поднимаю тему событий в Ла Чоррере, и для этого есть две причины. Первая - это то, что в своих суждениях относительно тех событий мы с ней всегда придерживались противоположных точек зрения. А вторая - то, что я не хочу, чтобы наша дружба - а это вполне вероятный оборот - свелась к обсуждению "моего случая". Ванесса женщина умная и справедливая, к тому же у нее нет причин судить меня слишком строго. Наши исходные противоречия выросли из ее убежденности, что мое тогдашнее нежелание признать состояние Денниса в Ла Чоррере критическим с медицинской точки зрения было продиктовано бессердечием, эгоизмом, бесхарактерностью, а скорее всего, просто тем, что я спятил. Единственный человек из нашей старой компании, которому я по-прежнему могу излить все свои соображения по поводу эксперимента в Ла Чоррере, это Деннис.

Он уже давно получил степени по ботанике, молекулярной биологии, нейрохимии. Теперь он ученый такого класса, о каком тогда в Ла Чоррере мог разве что мечтать. Деннис женат, у него не по годам развитый ребенок, работает он как ученый-фармаколог в одной компании в Силикон Вэлли, которая называется "Шаманские лекарственные средства". Брат терпеливо выслушивает мои излияния, но старается их не поощрять. Думаю, что его отношение к тем давним событиям не намного изменилось по сравнению с тем, каким оно было несколько месяцев спустя после эксперимента, и что бы тогда ни случилось с нами, он заплатил слишком высокую цену. Деннис предпочитает отдельываться снисходительными отговорками, вроде того, что случившееся было всего лишь *faue a deux* (Двойная ошибка {франц.}), иллюзией двоих братьев, оплакивавших недавно скончавшуюся мать и одержимых идеей покорения гиперпространства. Когда я восстаю против такой точки зрения и привожу доводы в защиту того, что тогда с нами произошло нечто гораздо большее, он неохотно соглашается, потом качает головой и уходит от разговора. И сейчас он почти ничего не помнит из того, что в действительности произошло с нами с четвертого по двадцатое марта 1971 года, и предпочитает оставаться в этом неведении.

Поэтому без всякого недовольства или удивления могу сказать: этим делом занимаюсь в основном я один. В то утро, когда все мы вылетели из Ла Чорреры на самолете отважного Цаликаса, мне было двадцать четыре года. В кармане у меня не было ни гроша, в голове - никаких планов на будущее, ближайшие друзья считали меня чокнутым, и в довершение ко всему, я числился в розыске. Все годы, которые миновали с тех пор, я делал все от меня зависящее, чтобы уберечь события, сопровождавшие эксперимент в Ла Чоррере, от забвения.

В середине семидесятых мы с Деннисом разработали и опубликовали методику выращивания грибов. Хоть у нас и были последователи, мы первыми заявили о возможности культивировать психodelические грибы в отечественных условиях и сделали это громче всех. Наш метод позволил десяткам любознательных искателей испробовать то, что в противном случае так и осталось бы единственным и недосягаемым триптаминовым галлюциногеном. В семидесятые годы эксперименты с псилоцибином стали главным фактором, приведшим к созданию небольшой, но преданной группы последователей идей, подобных тем, которые получили развитие в Ла Чоррере.

Шли годы, и благодаря моим книгам события в Ла Чоррере вместе с зародившимися там идеями постепенно проникали в общественное сознание, а теперь об этом собираются снять кинофильм.

Мое собственное положение интересно, но не так уж завидно. Поскольку основной итог тех давних событий - это теория временной волны и обосновывающая ее компьютерная программа, я попал в довольно-таки нелепое положение: то ли непризнанный гений, то ли просто псих. Между этими двумя полюсами остается очень мало пространства для маневрирования. Временная волна рисует законченную картину того, как устроено время и что такая история.

Она дает нам график обновлений в мире на ближайшие двадцать лет, а кроме того, предсказывает, что главное событие, которое преобразит всю нашу жизнь, произойдет в 2012 году. От наших дней до грядущего момента столько же лет, сколько до лежащих в прошлом событий в Ла Чоррере. И срок этот совсем невелик. То, что случилось с каждым из нас, происходило на фоне все углубляющихся проблем реального мира и растущего интереса к психоделические переживаниям у молодежи. Мне говорили, что в культуре андеграунда меня почитают за одного из второразрядных святых. В чем же причина - только ли в том, что я с упорством шизофреника распространяю идеи, которые в действительности лишь плод моей фантазии? Или же меня подгоняют ветры истории, и я, по-настоящему сдружившись с Логосом, познал в хаосе событий в Ла Чоррере тайну Вселенной или, по крайней мере, одну из многочисленных ее тайн? Честно признаюсь, что я и сам не знаю. Когда я пишу эти строки, мой брак с Кэт, продлившийся почти шестнадцать лет, как видно, подходит к мучительному для нас обоих концу. И это несмотря на двоих детей, на дом, который мы построили вместе, и на то, что мы оба до конца пытались оставаться порядочными людьми. Очевидно, присутствие Логоса не сделало ничего, чтобы защитить или предостеречь нас от обычных превратностей жизни.

Подобно Душе в стихотворении Ийтса, я, как и прежде, являю собой вечное начало, прикованное к телу умирающего зверя. И все же, если мое ощущение избранности и понимание путей спасения мира от всего самого опасного и пошлого из того, что в нем есть, - всего лишь заблуждение, то это приятное заблуждение, и умирает оно во мне очень медленно и неохотно.

Окружающие - издатели, редакторы, посредники, торговые эксперты, то есть люди явно не ведающие о том особом предназначении, которое обещали мне в гиперпространстве игривые эльфы, - постоянно твердят, что мне суждено большое будущее: слава, влияние и способность воздействовать на умонастроения публики. Возможно, так оно и будет. Я, во всяком случае, на это надеюсь. Ведь не зря же что-то произошло с нами в Ла Чоррере, что-то в высшей степени необыкновенное. И мне исключительно повезло: хоть и краешком глаза, но я сумел заглянуть в диковинный, прекрасный, лучший мир и заключить удивительный союз с обитающими там неведомыми божествами. Временная волна, итог моих многолетних трудов, есть одновременно и предсказание этого лучшего мира, и его карта.

Правда, я уверен, что был не лучшим исполнителем для столь благородного замысла. Я попытался вернуть эти запредельные фантазии в обычное русло и вписать их в то приземленное, вырождающееся мировоззрение, пленниками которого всех нас сделала культура конца XX века. Но эта задача оказалась мне не по силам. И вот что меня пугает: если эти идеи далеки от истины, нашу планету ожидает очень скорая и заурядная гибель, ибо разум стал слишком слаб, чтобы спасти нас от демонов, которых мы сами выпустили на свободу. А надеюсь я на то, что, может быть, стал свидетелем явления Великой Тайны, которая вызывает ко всем нам, манит нас из-за горизонта истории, обещая исполниться и придать истинный смысл тому, что в противном случае осталось бы только чем-то непонятным, вносящим сумятицу в нашу жизнь и наше общее прошлое. И теперь, спустя тридцать лет после событий в Ла Чоррере, я так и не могу с уверенностью сказать, что же это было.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Abraham, Ralph, Terence McKenna, and Wrapper Sheldrake. Trialogues at the Edge of the West. Albuquerque: Bear Burroughs, William, and Alien Ginsberg. The Yage Letters. San Francisco: City Lights, 1963. Dee, John. The Hieroglyphic Monad. Translated by J. W. Hamilton-Jones. London: Stuart & Watkins, 1947. Dick, Phillip K. The Three Stigmata of Palmer Eldritch. London: Triad Panther, 1964. Valis. New York: Bantam Books, 1979. The Transmigration of Timothy Archer. New York: Simon & Schuster, 1982. Eliade, Mircea. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. New York: Pantheon Books, 1964. Evans-Wentz. W. E. The Fairy Faith in Celtic Countries. New York: University Books, 1966. Ghosal, S.. Dutta, S. K." Sanyal, A. K., and Bhattacharya. "Arundo Donax L. (Gramineae). Phytochemical and Pharmacological Evaluation". In the Journal of Medical Chemistry, vol. 12 (1969), p. 480. Gibson, William. Burning Chrome. New York: Arbor House, 1986. Count Zero. New York: Arbor House, 1986. Neuromancer. New York: Ave Books, 1985. Graves, Robert. Difficult Questions, Easy Answers. New York: Doubleday, 1964. Food of Centaurs. New York: Doubleday, 1960. Graves, Robert. The White Goddess. New York: Creative Age, 1948. Guenther, Herbert V. Tibetan Buddhism Without Mystification. Leiden: E. J. Brill, 1966. Hardenburg, W. E. The Putumayo: The Devil's Paradise. London: T. Fisher

Unwin, 1912. Harner, Michael. "The Sound of Rushing Water". In *Natural History*, July, 1968. 283 Huxley, Aldous. *The Doors of Perception*. New York: Harper & Brothers, 1954. Jaynes, Julian. *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Boston: Houghton Mifflin, 1977. Joyce, James. *Finnegans Wake*. London: Faber & Faber, 1939. Ulysses, New York: Random House, 1922. Jantsch, Eric. *The Self-Organizing Universe*. New York: Pergamon Press, 1980. Jung, C. G. *Flying Saucers: A Modern Myth of Things Seen in the Sky*. New York: Pantheon, 1954. *Mysterium Coniunctionis*. New York: Pantheon, 1963. Leibnitz, Gottfried Wilhelm von. "Monadology". In *The Philosophical Works of Leibnitz*. Translated by G. Martin Duncan. New Haven, CT: Tuttle, Morehouse & Taylor, 1890. Lewis, Wyndham. *The Human Age*. London: Methuen, 1928. Ludlow, Fitz Hugh. *The Hashish Eater*. New York: Harper & Brothers, 1857. Maier, Michael. *Atlanta fugiens. hoc est. emblemata nova de secretis naturae chymica*. Oppenheim. 1618. McKenna, Dennis, and Terence McKenna. *The Invisible Landscape*. New York: Seabury Press, 1975. McKenna, Terence. *The Archaic Revival*. San Francisco: Harper SanFrancisco, 1922. *Food of The Gods*. New York: Bantam Books, 1992. Synesthesia. New York: Granary Books, 1992. Munn, Henry. "The Mushrooms of Language". In *Shamanism and Hallucinogens*. Edited by Michael Harner. London: Oxford Univ. Press, 1973. Nabokov, Vladimir. Ada. New York: McGraw-Hill, 1969. Pale Fire. New York: Lancer. 1963. Oss, O. T., and O. N. Oerlc. Psilocybin: Magic Mushroom Grower's Quids. Berkeley, CA: And/Or Press, 1975. rev. 1985. Ponnamperuma, Cyril, and A. G. W. Cameron. *Scientific Perspectives on Extraterrestrial Communication*. Boston: MIT Press, 1974. Prigogine, Ilya. *From Being to Becoming*. San Francisco: Freeman, 1980. Self-Organization in Nonequilibrium Systems. New York: Wiley Interscience, 1977. Pynchon, Thomas. Gravity's Rainbow. New York: Viking. 1974. Rilke, Ranier Maria. *The Duino Elegies*. New York: Norton. 1939. Schultes, R. E. "Virola as an Orally Administered Hallucinogen". In *The Botanical Museum Leaflets of Harvard University*, vol. 22, no. 6, pp. 229-40. Sheldrake, Rupert. *A New Science of Life*. Los Angeles: Tarcher, 1981. The Presence of the Past. New York: Times Books. 1988. Stapleton, Olaf. *The Starmaker*. London, 1937. Taussig, Michael. *Shamanism Colonialism and the Wildman*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. Templeton, Alex. *The Sirius Mystery*. New York: St. Martin's Press, 1976. Valentine, Basil. *The Triumphal Chariot of Antimony*. London, 1685. Valle, Jacques. *The Invisible College*. New York: Dutton, 1975. Wasson, R. Gordon. *Soma: Divine Mushroom of Immortality*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971. Wells, H. G. *The Time Machine*. London, 1895. Whiffen, Col. *Explorations of the Upper Amazon*. London: Constable, 1915. Whitehead, A. N. *Process and Reality*. New York: Macmillan. 1929. Wilson, Robert Anton. *Cosmic Trigger*. Berkeley, CA: And/Or Press, 1977.

ТРУДЫ ДЕННИСА МАККЕННЫ

Dennis J. McKenna. "DMT: Nature's Ubiquitous Hallucinogen". Interdependence, in press. "Tryptamine Hallucinogens of the New World: An Ethnopharmacological Survey". Interdependences, in press. Constantino M. Torres, David B. Repke, Kelvin Chan, Dennis McKenna, Augustin Llagostera, and Richard E. Schultes. "Botanical, chemical, and contextual analysis of archaeological snuff powders, from San Pedro de Atacama, Northern Chile". *Current Anthropology* 32 (1992): 640-49. Dennis J. McKenna. X.-M. Guan, and A. T. Shulgin. "3,4-methylenedioxymethamphetamine (MDA) analogues exhibit differential effects on synaptosomal release of "H-dopamine and H-5-hydroxytryptamine". *Pharmacology, Biochemistry, and Behavior* 38 (1991): 505-12. Chester A. Mathis, John M. Gerdes, Joel D. Enas, John M. Whitney, Yi Zhang, Scott E. Taylor, Dennis J. McKenna, Sona Havlick, and Stephen J. Peroutka. "Binding potency of paroxetine analogues for the serotonin uptake complex". *Journal of Pharmacy and Pharmacology*. Submitted. David E. Nichols, Robert Oberlender, and Dennis J. McKenna. "Stereochemical Aspects of Hallucinogenesis". In *Biochemistry and Physiology of Substance Abuse*, vol. III, edited by R. R. Watson, pp. 1-39. Boca Raton, FL: CRC Press, 1991. Dennis J. McKenna and Stephen J. Peroutka. "Serotonin neurotoxins: Focus on MDMA (3,4-methylenedioxymethamphetamine, 'Ecstasy')". In *Serotonin Receptor Subtypes: Basic and Clinical Aspects*, edited by S. J. Peroutka, pp. 127-48. New York: Alan R. Liss Publishers, 1990. "The neurochemistry and neurotoxicity of 3,4-methylenedioxymethamphetamine (MDMA, 'Ecstasy')". *Journal of Neurochemistry* 54 (1990): 14-22. "Differentiation of 5-hydroxytryptamine₂ receptor subtypes using I-R-(-)-2,5-dimethoxyphenylisopropylamine (I-R-(-)-DOI) and H-ketaserin". *Journal of Neuroscience* 9 (1989): 3482-98. Dennis J. McKenna, David B. Repke, Leiland Lo, and Stephen J. Peroutka. "Differential interactions of indolealkylamines with 5-hydroxytryptamine receptor subtypes". *Neuropharmacology* 29 (1990): 193-98. Dennis J. McKenna. "It's a Jungle Out There: Biochemical Conflict and Co-operation in

the Ecosphere". Whole Earth Review 64 (1989): 40-47. "Plant Wisdom Resources". Whole Earth Review 64 (1989): 48-49. Camerol R. Hekmatpanath, Dennis J. McKenna, and Stephen J. Peroutka. "Reserpine does not prevent 3,4-methylenedioxymethamphetamine-induced neurotoxicity". Neuroscience Letters 104 (1989): 178-82. Dennis J. McKenna. David B. Repke. and Stephen J. Peroutka. "Hallucinogenic indolealkylamines are selective for 5HT binding sites". Neuroscience Abstract 15 (1989): 485. Dennis J. McKenna. Adil J. Nazarali, Andrew J. Hoffman. David E. Nichols, C. A. Mathis, and Juan M. Saavedra. "Common receptors for hallucinogens in rat brain: Dennis J. McKenna, Adil J. Nazarali, Akihiko Himeno, and Juan M. Saavedra. "Chronic treatment with (+)-DOI, a psychotomimetic 5HT2 agonist, downregulates 5HT2 receptors in rat brain". Neuropsychopharmacology 2 (1989): 81-87. Adil J. Nazarali, Dennis J. McKenna, and Juan M. localization of 5HT2 receptors, in rat brain psychotomimetic radioligand". Progressive Biological Psychiatry 13 (1989): 573-81. Dennis J. McKenna, C. A. Mathis, and Stephen J. Peroutka. "Characterization of I-DOI binding sites in rat brain". Neuroscience Abstracts 14 (1988), no. 247.12. Akihiko Himeno, Dennis J. McKenna, Adil J. Nazarali, and Juan M. Saavedra. "(+)-DOI, a hallucinogenic phenylalkylamine, downregulates 5HT2 receptors in rat brain". Neuroscience Abstracts 14 (1988), no. 229.2. Dennis J. McKenna and Juan M. Saavedra. "Autoradiography of LSD and 2,5-dimethoxyphenylisopropylamine psychotomimetics demonstrates regional, specific cross-displacement in the rat brain". European Journal of Pharmacology 142 (1987): 313-15. Dennis J. McKenna, C. A. Mathis, A. T. Shulgin. and J. M. Saavedra. "HaHucipogens bind to common receptors in the rat forebrain" a comparative study using I-LSD and I-DOI, a new psychotomimetic radioligand". Neuroscience Abstracts 13 (1987), no. 311.14. Dennis J. McKenna, C. A. Mathis. A. T. Shulgin. Thomoton Sargent III. and J. M. Saavedra. "Autoradiographic localization of binding sites for I-(+)DOI, a new psychotomimetic radioligand. in the rat brain". European Journal of Pharmacology 137 (1987): 289-90. Dennis J. McKenna. L. E Luna. and G. H. Towers. "Biodynamic constituents in Ayahuasca admixture plants: an uninvestigated folk pharmacopoeia". America Indigena 46 (1986): 73-101. Dennis J. McKenna and G. H. N. Towers. "On the comparative ethnopharmacology of the Malpighiaceous and Myristicaceous hallucinogens". Journal of Psychoactive Drugs 17 (1985): 35-39. "Biochemistry and pharmacology of tryptamine and B-carboline derivatives: A minireview". Journal of Psychoactive Drugs 16 (1984): 347-58. Dennis J. McKenna. G. H. Towers, and F. S. Abbott. "Monoamine oxidase inhibitor in South American hallucinogenic plants: Tryptamine and B-carboline constituents of Ayahuasca". Journal of Ethnopharmacology 10 (1984): 195-223. "Monoamine oxidase inhibitors in South American hallucinogenic plants. Part II: Constituents of orally active Myristicaceous hallucinogens". Journal of Ethnopharmacology 12 (1984): 179-211. Dennis J. McKenna and G. H. N. Towers. "Ultra-violet mediated cytotoxic activity of B-carboline alkaloid". Phytochemistry 20 (1981): 1001-1004. Dennis J. McKenna and T. K. McKenna. The Invisible Landscape, New York: Seabury Press, 1975.

"Параллель к выступающей на коже волшебной жидкости".(Циттируется по книге В.Н. Демин "Гиперборея.Исторические корни русского народа" М. ФАИР - ПРЕСС 2000)

Акт передачи силы и старшинства от Святогора к Илье Муромцу носит ритуально - мистический характер:

Святогор лежит в каменном гробу, из которого ему уже не суждено подняться (что совпадает с сюжетной линией мифа о смерти Осириса). И в этот момент "пошла из него да пена вон". При помощи этой таинственной "пены" и совершился акт передачи силы от одного богатыря к другому.

"Говорил Святогор да таково слово:

- Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!

Да лижи ты возьми ведь пену мою,

Дак ты будешь ездить по Святым горам,

А не будешь ты бояться богатырей,

Никакого сильного могучего богатыря."

История открытия

Первое письменное упоминание об использовании грибов с галлюциногенной активностью в религиозных целях обнаруживается в описаниях испанских хронистов и натуралистов, попавших в Мексику в 16-ом столетии вскоре после завоевания ее Кортесом. Одним из наиболее авторитетных среди этих авторов является францисканский монах Бернардино де Шахагун автор труда под названием "Общая история новой Испании". В различных своих работах он указывал на активное применение грибов, подробно описывал эффекты приема галлюциногенов и их

использование в различных целях не только жрецами, но и простыми ацтеками. В Nahuatl - языке ацтеков, эти грибы назывались teonanactl, что в переводе означает "сакральный гриб". Использование псилоцибовых грибов было широко распространено не только в Мексике, но на территории Сальвадора, Гватемалы и др. государств. Подтверждением этому являются многочисленные находки 30-ти сантиметровых каменных изваяний грибов, украшенных лицами богов и демонов, возраст старейших из них достигает 3000 лет. Несмотря на то, что христианские миссионеры, в связи с необычными эффектами считали эти грибы дьявольскими, и пытались всеми силами искоренить культ употребления и поклонения teonanacatl, эта практика продолжалась тайно вплоть до нашего времени, тщательно скрываемая от белого населения. В дальнейшем, описания этих практик прекратились, во многом в силу того, что галлюцинаторные феномены интерпретировались последующими исследователями, как результат местных суеверий. Этому также способствовало то, что в 1915 году американский ботаник д-р. В.Е.Сэффорд в обращении к Ботаническому Обществу в Вашингтоне и в тезисах Общества указал на то, что описанные испанскими монахами эффекты на самом деле являются результатом приема высущенного пейотля, а не грибов.

История повторного открытия "сакральных грибов" безусловно принадлежит не только чете американских исследователей - Валентине Павловне Вассон, русской по происхождению и ее мужу, Р. Гордону Вассон. Так гриб Psilocybe cubensis был открыт американским ботаником Эрлом еще в 1906 г. на Кубе. В 1933-х годах антрополог Роберт Дж. Вейтлэнэр и д-р. Ричард Эванс Шульц, ботаник из Гарвардского Университета, обнаруживают произрастание грибов рода Psilocybe в Латинской Америке. В том же году группа молодых американских антропологов, возглавляемая Джэном Бассетом Джонсоном, посетила секретные ритуальные церемонии связанные с употреблением галлюциногенных грибов в Гуаутл де Джименз, штат Оахака. Но эти исследователи были только зрителями, им не разрешалось приниматься участие в поедании грибов. Но несмотря на то, что полемика по поводу существования "сакральных грибов" велась с начала века, а до 50-х годов поисками "волшебных" грибов занималось множество исследователей, именно им удалось не просто установить ареалы произрастания этих грибов, но и проникнуть в сущность индейских обрядов, основанных на употреблении teonanacatl. В 1955 году они впервые в истории пребывания белых в Мексике приняли активное участие в них.

В дальнейшем Вассоны объединили свои усилия с французским профессором микологии Роджером Хеймом. Сопровождая Вассонов в их дальнейших экспедициях, Хейм провел идентификацию teonanacatl и показал, их принадлежность семейству Strophariaceae, роду Psilocybe. Открытый им гриб Psilocybe mexicana оказался особенно пригодный для искусственного выращивания. На основании полученного от Хейма материала в 1958 г. А.Хофман из лаборатории фирмы Sandoz, Швейцария, выделил и синтезировал основные психоактивные составляющие teonanacatl - псилоцибин и псилоцин. Эти результаты впервые были опубликованы в марте 1958 г. в журнале Experientia, в сотрудничестве с профессором Хеймом и с коллегами Хоффмана - д-ром. А. Барком и д-ром Х. Кобелем.

Распространенность

Наибольшее распространение псилоцибина отмечается в Мексике и Гватемале. На первом месте по числу псилоцибиновых "путешественников" в ряду развитых стран находятся Соединенные Штаты. Это вполне понятно и обуславливается во-первых тем, что псилоцибин попал на американский черный рынок наркотиков раньше, чем в других странах, а во-вторых тем, что в среде американской молодежи различные галлюциногенные вещества всегда пользовались большой популярностью. В Европе псилоцибин наиболее распространен в таких странах, как Голландия, Германия, Дания, Швеция. На территории СНГ наибольшей популярностью псилоцибинодержащие грибы пользуются в России. Пальму первенства вот уже более 10-ти лет держит Санкт-Петербург, где в собирание и употребление грибов вовлечены даже школьники средних, а иногда, и младших классов. В Петербурге существует несколько общин "путешественников", члены которых регулярно употребляют псилоцибин, проводя своеобразные исследования "внутреннего космоса", обмениваются полученной информацией, экспериментируют с дозировками, видами грибов, различными факторами,ющими повлиять на качество "путешествий". Несколько подобных общин функционируют на острове Валаам на Ладожском озере, который со временем имеет шанс превратиться в своеобразную Мекку любителей псилоцибина.

В Беларусь псилоцибин стал достаточно активно поступать сравнительно недавно - около 4-5 лет назад. Как правило, это сушеные цельные или перемолотые грибы, которые привозят из России. Наиболее распространен он в Минске, достоверных данных о регулярном применении этих грибов в других городах республики у нас нет.

Как и во всех остальных странах, у нас псилоцибиновые грибы наиболее популярны в среде творческой молодежи (музыканты, художники и т.д.). Кроме того постепенно происходит формирование новой субкультуры, члены которой активно используют различные психотомиметики с целью постижения собственного Я. Определенный интерес к псилоцибиновым грибам испытывает и не входящая в эти группы молодежь, употребляя их гораздо менее регулярно с целью получения новых и непривычных ощущений. Сформированного черного рынка псилоцибина нет. Иногда совершающиеся единичные акты купли - продажи, в большинстве случаев касаются знакомых и приятелей и как правило не являются регулярными.

В данном тексте подробно освещена химическая природа и действие на организм человека психоактивных субстанций грибов, систематика, морфология и отличительные признаки наиболее часто употребляемых видов. Описаны действия первой помощи при отравлениях. Лечение наркотической зависимости не рассматривается подробно, поскольку оно немногим отличается от лечения других наркоманий, кроме того, в медицинской практике подобные зависимости встречаются очень редко.

Этот текст содержит информацию, найденную в открытых источниках и касающуюся различных аспектов применения галлюциногенных грибов и психоактивных веществ, содержащихся в них.

Автор никоим образом не предполагает и не предлагает использование галлюциногенных грибов каким - либо образом, равным образом не предполагает и не предлагает никому участвовать в незаконной или сомнительной активности. Текст не претендует на неопровергнутую достоверность и ни в коем случае не является руководством по применению грибов. Автор не отвечает за неправильную интерпретацию приведенной информации и/или употребление грибов после прочтения этого материала.

Теренс Маккена в книге "Пища богов" пишет: "Я утверждаю, что вызывающие мутации психоактивные химические соединения в пище древних людей воздействовали на быструю реорганизацию способности мозга к переработке информации. Растительные алкалоиды, особенно галлюциногенные соединения, могли быть теми химическими факторами в диете первобытных людей, которые явились катализаторами возникновения человеческой саморефлексии. Действие галлюциногенов, присутствующих во многих распространенных растениях, увеличивало активность переработки информации, а значит, чувствительность к среде, и, таким образом, способствовало внезапному увеличению размеров человеческого мозга."

В России псилоцибин был отнесен к разряду наркотиков в 1967 году. Все грибы, содержащие псилоцибин и псилоцин, объявлены наркотиками в 1993 году.

Описание эффектов применения псилоцибина.

Минимальная действующая доза псилоцибина при которой можно установить первые изменения в восприятии - 3-6 мг. Это соответствует 0,05 - 0,1 мг/кг для взрослого человека весом 60 кг. Достаточная доза для взрослого - в среднем около 10 мг. Летальная доза - 100 мг/кг веса тела, это означает 6000 - 7000 мг для взрослого человека, и соответствует примерно 40 кг свежих грибов вида *Psilocybe semilanceata*.

После попадания в организм большая часть псилоцибина, теряя -O2РО3 группу, превращается в свой активный метаболит псилоцин, активность которого примерно на 50 % меньше.

Действие при средней дозе в 6-10 мг наступает примерно через 20 мин. Чаще всего наблюдается: легкая эйфория, изменение оптического и акустического восприятия. Действие постоянно усиливается примерно в течение 3 часов, появляются обильные и интенсивные слуховые и зрительные галлюцинации, особенно с закрытыми глазами, изображение становится сетчатым, усиливается эйфория, появляется захватывающее религиозное ощущение слияния с абсолютом. В следующие часы действие постепенно становится слабее. От приема до возвращения в относительно нормальное состояние сознания проходит 6-8 часов.

Существует несколько теорий, описывающих механизмы действия псилоцибина. Наиболее вероятным представляется опосредованное действия через серотониновые (5-HT2) рецепторы. Одним из подтверждений этой теории является то, что после введения кетансерина (антагониста 5-HT2 рецепторов) перорально, 40 мг, перед употреблением псилоцибина, наблюдается следующие

эффекты : достаточно полностью блокировалось появление таких симптомов, как иллюзии и зрительные галлюцинации (в 90% случаев), дереализация и деперсонализация (80%), тревога и расщепление личности (78%). Предварительное введение галоперидола (антагониста D2 рецепторов) в дозе 1,5 мг/70 кг, не приводит к выраженному снижению галлюцинаторных расстройств (16%), несколько более влияя на деперсонализационно - дереализационные расстройства (48%). Кроме того, применение галоперидола в указанной дозировке приводит к усилению тревоги и эмоциональной возбудимости (138%).

Эти данные, с одной стороны, являются подтверждением предположения об обусловленности психоактивных эффектов галлюциногенов воздействием на серотониновый receptorный комплекс, а с другой стороны, делают возможным предположить неоднозначную обусловленность возникновения некоторых психопатологических феноменов, в частности, деперсонализационно-dereализационных расстройств.

Эффекты приема псилоцибина не имеют линейной зависимости от дозы и весьма индивидуальны, кроме того обуславливаясь изначальной установкой. Карл Грэм на основании наблюдений за псилоцибиновыми "путешествиями" и на основании собственных 60-ти "путешествий" вывел шкалу "0 - 5", являющуюся на данный момент своеобразным стандартом (ранее стандартом являлась шкала "0 - 3" Шульгиных). Он определил своеобразную ступенчатость в зависимости эффекта от дозы. Грэм условно разделил процесс изменения сознания на 5 уровней, качественно отличающихся друг от друга и описал ориентировочное количество грибов, употребление которого приводит к достижению соответствующего уровня изменения состояния сознания. Приведенные в таблице 1 количественные данные, характеризующие дозу, необходимую для получения соответствующего эффекта, условны и зависят от индивидуальных особенностей человека. Дозировки относятся к *Psilocybe subaeruginosa*, встречающимся в Австралии, соответственно для других видов, они отличаются и требуют корректировки. Кроме того, чувствительность автора в среднем в 3 раза ниже чувствительности среднестатистического человека.

Уровень 1. На этом уровне отмечается меренное повышение остроты восприятия цветов, музыкальных композиций, незначительные нарушения памяти, преимущественно краткосрочной.

Уровень 2. Появляется ощущение перемещения, колебания ("дыхания") окружающих предметов, цвета становятся чрезвычайно яркими, насыщенными, "оживают". При закрытых глазах появляются двухмерные образы по типу парейдотических. Возникает ощущение некоторого нарушения тока времени, что связано, по видимому, с нарушениями краткосрочной памяти - время как-бы замедляется, растягивается, отмечаются реминисценции, выраженное усиление творческих способностей.

Уровень 3. Изменения зрительного восприятия нарастают - окружающие предметы выглядят деформированными, частично сливаются с возникающими галлюцинаторными образами. Возникают изолированные галлюцинации. Галлюцинации при закрытых глазах становятся трехмерными, появляются феномены синестезии. Нарастают искажения восприятия тока времени вплоть до появления эпизодов застывания времени, "моментов вечности". Могут возникать трудности в перемещении (из-за того, что они субъективно требуют слишком много усилий).

Уровень 4. Интенсивные галлюцинации превращения, "перетекания", объектов друг в друга. Ощущение уничтожения или раздробления личности, причем части ее могут проецироваться на предметы, "оживляя их". Теряется представление о существовании времени, само это понятие становится бессмысленным. Отмечается появление феноменов по типу выхода за пределы тела, "расширение сознания", описанных С.Грофом при приеме LSD. Синестезии могут распространяться на несколько органов чувств.

Уровень 5. Полное отсутствие визуального контакта с окружающей действительностью. Тотальная синестезия. Полная потеря изолированного "Я" - возникает ощущение слияния с другими объектами, окружающим пространством, вселенной. Потеря ориентировки настолько полная, что, по словам принимавших псилоцибин в подобных дозах, фактически мир, состоящий из привычно воспринимающихся объектов и событий, перестает существовать. Экстатические переживания типа Сатори, слияния с Универсумом.

В качестве иллюстрации можно привести описание А.Хофмана о его собственных опытах с приемом псилоцибина.

"... В этом эксперименте я съел 32 сухих гриба *Psilocybe mexicana*, вес которых составлял 2.4 g. Этот вес соответствовал средней дозе согласно сообщениям Wasson и Heim, используемой

curanderos. Употребление грибов привело к появлению выраженного изменения в психике, что подтверждает следующее укороченное изложение эксперимента :

Через тридцать минут после моего приема грибов, внешний мир начал подвергаться странным преобразованиям. Все окружающее наполнилось мексиканскими символами. Я был уверен, что мое знание о мексиканском происхождении гриба, должно предопределять мое восприятие окружающего , как принадлежащего Мексике. Я пытался намерено сконцентрироваться, чтобы увидеть окружающее в привычном виде. Но все мои действия, предпринятые для этого, оказались безрезультатным. Независимо от того, закрывались ли мои глаза или были открытыми, я видел все в “мексиканских мотивах и раскрасках”. Когда доктор, контролирующий ход эксперимента наклонился надо мной, чтобы проверить мое кровяное давление, он превратился в ацтекского жреца и я не был бы удивлен если бы он достал при этом обсидановый нож. Несмотря на серьезность ситуации, это забавляло меня, так как немецкое лицо моего коллеги приобретало при этом чисто индийские черты. На пике интоксикации, примерно через 11/2 часа после употребления грибов, быстрая смена “внутренних” изображений, по большей части абстрактных символов, быстро меняющих форму и цвет, привела к появлению у меня выраженной тревоги, я боялся, что я должен упасть в этот водоворот форм и цвета, должен раствориться в нем. По прошествии около шести часов измененное состояние сознания окончилось. Субъективно у меня не было представления о продолжительности этих изменений. Я чувствовал радость от моего возврата к повседневной действительности, был счастлив уходу от странного, фантастического но совсем нереального мира в старый и знакомый дом. ... “

Побочные действия.

Существующий континuum побочных действий и нежелательных эффектов, возникающих при приеме псилоцибина можно условно разделить на две группы.

1-я группа - это осложнения, связанные непосредственно с приемом вещества и являющиеся как бы вариантом протекания интоксикации. Наиболее частым в этой группе является так называемое “плохое путешествие” (“bad trip”). Это состояние характеризуется развитием выраженной тревоги и возникновением на ее фоне острой панической атаки с психомоторным и выраженным вегетативным компонентами. Иногда, в особо неблагоприятных случаях, может возникнуть затяжное психотическое состояние. По DSM-III-R к числу психических расстройств, возникающих вследствие приема галлюциногенов относятся : 1. галлюциногенные галлюцины, 2. расстройства настроения, связанные с употреблением галлюциногенов, 3. бредовые расстройства, связанные с употреблением галлюциногенов, 4. постгаллюцинаторные расстройства восприятия. Еще одним типичным для психотомиметиков побочным действием является возникновения “обратных вспышек” (“flashbacks”). Это спонтанное преходящее повторение состояния, возникавшего при приеме препарата. В разной степени развернутый, могущий переходить в затяжное психотическое состояние, флашбэк обычное возникает в течении 1-ой - 2-ой недели после приема вещества и, кроме, непосредственных своих проявлений опасен тем, что возникнув в какой-либо критической ситуации (вождение автомобиля, переход дороги, работа на производстве) может повлечь за собой возникновение несчастного случая. Применение психотомиметиков может также явиться причиной манифестации эндогенного психотического процесса, вызвать возникновение идей сверхчеловеческого характера, а на более поздних стадиях, при частом применении - появление своеобразного амотивационного синдрома, схожего с возникающим при злоупотреблении каннабисом. В целом, считается, что в группу с наибольшим риском возникновения перечисленных побочных действий входят лица с шизоидными чертами характера и личностными особенностями, перенесшие психотравму (при самолечении), имеющие невротические расстройства, расстройства настроения.

Во 2-ю группу входят побочные эффекты и осложнения соматического характера. Нередко, особенно непосредственно после приема псилоцибина, возникает тошнота. Характерно возникновение мидриаза, брадикардия, колебание частоты сердечных сокращений. Иногда возникает головокружение, потливость, другие вегетативные расстройства. Редкими являются головные боли, различные нарушения дыхания, нарушения чувствительности, парестезии. В большинстве случаев такие нарушения, как бради-, тахикардия, вазомоторные нарушения связаны с особенностями реагирования психики человека на возникающие состояния - тревогу, страх, эйфорию и т.д. По выходу, при отсутствии осложнений из 1-ой группы, особых соматических и вегетативных нарушений не наблюдается, иногда могут беспокоить головные боли, боли в животе, парестезии, возникающие на фоне умеренно выраженного астенического синдрома.

Развитие зависимости.

Физиологическая зависимость не образуется. Может сформироваться психологическая зависимость, но как правило этого не происходит. Это обусловлено тем, что псилоцибин обычно принимают нечасто, в силу отсутствия выраженного эйфоризирующего эффекта и из-за того, что впечатления, остающиеся после "путешествия" не носят однозначный характер. Довольно редко формируется своеобразная установка на регулярное получение нестандартных переживаний при помощи приема галлюциногенов. Однако в большинстве случаев прекращение приема не приводит к возникновению каких-либо неприятных ощущений.

При приеме псилоцибина чаще одного раза в 7-10 дней быстро возникает рост толерантности - для получения аналогичного эффекта требуется доза, примерно в 1,5-2 раза превышающая начальную. Также может возникать кросстолерантность к другим галлюциногенам - LSD, диэтилтриптамину, но не возникает к марихуане, мескалину, в основе которых лежат совершенно другие принципы действия. Толерантность к псилоцибину нестойкая - практически через 2-3 дня после прекращения его приема эффективная доза возвращается к начальной.

Псилоцибе кубенсис.

Psilocybe cubensis

Обнаруженный F. S. Эрл в Кубе в 1904 (как *Stropharia cubensis*), эта разновидность самая большая и, возможно, наиболее красивая из всех *Psilocybes*. Где другой *Psilocybes* - только простой народ, *cubensis* - дворянство. В 1907 эти грибы были собраны в Tonkin (теперь Сев. Вьетнам) N. Patouillard, и снова в 1939 в Мексике, Оахака, около Huautla Джименесом, известным ботаником Гарварда и Исследователем Ричардом Эвансом Шултесом. Который описал их в ботанических Рекламных листках Музея Университете Гарварда, и внес экземпляры в Farlow Herbarium в Гарварде. Шултесу помогал доктор Блас Пабло Reko, Мексиканский натуралист, который был один из первых, кто распутал тайну, окружающую использование индейцами божественных грибов. Не зная эти предыдущие исследования, W.A. Murrill описал это в 1941 как новинка Флориды, *Stropharia cyanescens*. Это - также одна из

наиболее широко распространенной психоактивной разновидности в субтропиках, в пределах от Залива Американского Побережья, где эти плоды, фактически круглый год растут на коровьем навозе, в Мексике, Центральной Америке, Южной Америке, Западе Indies, Таиланде, Камбодже (Кампuchия), Индии и Австралии.

Выше: " Сан Isidro. "Акварель Кэрол Энн Веллс (изображение высушенных экземпляров).

Выше: *Psilocybe cubensis*, Техасская разновидность.

Акварель Кэрол Энн Веллс (изображение высушенных экземпляров).

Известный индейцам Мексики как "Сан Isidro," эта разновидность чрезвычайно активна, с высушеными экземплярами, с содержанием более чем 1 %, комбинированного содержания psilocybin/psilocin. N, N-dimethyltryptamine (DMT), психodelический состав, который является бездействующим при оральном приеме, является посредником метаболизма в биосинтезе жизнедеятельности *Psilocybe cubensis*, представляющий собой только один шаг до псилоцина и два до псилоцибина. Псилоцин (обозначенный 4-hydroxy-N, N-dimethyltryptamine) и человеческий нейротрансмиттер серотонин (обозначенный 5-hydroxytryptamine) отличаются только одной hydroxy молекулой. В этом отношении, грибы - зеркальное отображение человеческого мозга.

Разновидность *Psilocybe cubensis* легко одомашнена, и может настойчиво и мощно размножаться в широком диапазоне параметров окружающей среды. Благодаря птице Ибису "Рогатому скоту Egret" (*Bubulcus ibis*), привезенному из Старого Света (колонизатору Старого Мирового происхождения) (через Южную Америку), споры этого гриба разносятся на обширные расстояния, таким образом инфицируя девственные пастбища. Птица сначала появилась в Штате Техас в 1955 и - теперь она обычный и даже избыточный обитатель пастбищ Побережья Залива, как - *Psilocybe cubensis*. Отношения между коровами и птицами, и *Psilocybe cubensis* - пример симбиоза - ситуация, в которой несходные организмы живут вместе в близкой ассоциации. Ибисы любят совершать поездки на спинах коров, где они имеют легкую добычу из роящихся насекомых.

Выше: "Симбиоз". Птица Егret "Рогатый скот" - вектор спор *Psilocybe cubensis*.

Акварель Кэрол Энн Веллс.

Crested Caracara - другая птица, которая часто посещает пастища Штата Техас и Мексики. Также известный как "Caracara Аудубона" или "Мексиканский Орел", этот хищник часто замечен, кормящимся на корпусах рогатого скота, в компании со стервятниками. Когда пищи не хватает, Crested Caracara может проводить часы, переворачивая навозные лепешки коровы в поиске больших жуков и других насекомых. Подобно птицам Каттле Егret ("Рогатому скоту"), эта птица - потенциальный вектор спор *Psilocybe cubensis* [Smith 1996].

Выше: Crested Caracara (*Caracara cheriway*). Также известный как "Мексиканский Орел" Этот хищник изображен на Мексиканском флаге и как полагают, является предзнаменованием удачи.

Акварель Кэрол Энн Веллс.

Psilocybe subcubensis

Psilocybe subcubensis, разновидность pantropical - сестра *Psilocybe cubensis*, была сначала описана доктором Гастоном Гузманом. Это асoscopically идентично *Psilocybe cubensis*, отличаясь

только его меньшими спорами и последовательно меньший pleurocystidia. Он заменяет Psilocybe cubensis повсюду из его многочисленного тропического диапазона и недавно было получено из Австралии, Индии, и Таиланда. Ниже: Psilocybe subcubensis, собранный.

Выше: Лабораторная культура Psilocybe subcubensis.

Ригведа

IV, 20. 4. Ведь ты хочешь (его) - так (будь) очень расположен
Сейчас к нашему прекрасно выжатому соме, о самосущий!
Испей, о Индра, поднесенного сладкого напитка!
Опьяняйся растением, (собранным) со спины (горы)!

IV, 26. 4. Эта птица должна быть далеко впереди (всех) птиц, о Маруты.
Быстро летящий орел - впереди (всех) орлов,
Когда по собственному порыву без колес прекраснокрылый
Понес жертву для Ману, услаждающую богов.

5. Птица вне себя от страха от того, унесет ли она (сому),
Ринулась, быстрая, как мысль, в далекий путь.
Быстро прилетела она с медом - сомой,
И орел при этом нашел славу.

6. Прямо летящий (?) орел, держа стебель (сомы),
Птица издалека, преданная богам, крепко ухватив
Радостный опьяняющий напиток - сому, нес (его),
После того как он забрал (его) с того высшего (неба).

7. Орел принес сому, забрав (его):
Тысячу и десять тысяч выжиманий сразу.
Тогда Пурамдхи оставил Арати,
Мудрый в опьянении сомы - немудрых.

IV, 27. (Сома и орел)

(Сома:)

1. "Находясь еще в утробе (матери), я знал
Все последовательные поколения этих богов.
Стол железных крепостей стерегли меня.
Тут - орел! Я быстро улетел".

2. "Ведь он унес меня не против желания.
Я превосходил его расторопностью (и) мужеством.
Тут Пурамдхи оставил Арати,
И он обогнал ветры, умножив (свою) силу".

3. Когда орел с шумом рванулся с неба вниз
Или когда ветры оттуда унесли Пурамдхи,
Когда на него отпустил тетиву
Стрелок Кришану, беспокойный мыслью,

4. (То) прямо летящий орел понес его
С высокой вершины к сторонникам Индры, как Бхуджью.
Тут между (небом и землей) отлетело это маховое перо у этой
Птицы, промчавшейся (своим) путем.

5. Пусть же светлая чаша, смешанный с молоком,
Бьющий через край чистый сок сомы,
Преподнесенный (жрецами-) адхварью лучший мед,
Щедрый Индра пред назначит для опьянения, для питья,
Герой пред назначит для опьянения, для питья!